

Перч Зейтунцян
ЛЮДИ С РАЗНЫХ УЛИЦ
Рассказы и повесть

РАССКАЗЫ

Из книги «Я и Берта»

ЦВЕТАСТОЕ ПЛАТЬЕ

Меня зовут Эрна. Иногда меня называют Анной. Я живу в предместье Александрии и каждый день спускаюсь на работу в город. Всякий раз соседи спрашивают меня, отчего я хожу пешком.

— Похудеть хочется.

Они смотрят на меня с удивлением: ведь я и так худая. Но они забывают при этом, что трамвайный билет стоит десять миллимов. А если я буду откладывать каждый день по двадцать миллимов, я смогу купить себе красивое платье. Я скопила уже порядочную сумму. Через месяц у меня будет достаточно денег, и я куплю себе платье.

По дороге в город я иногда присаживаюсь передохнуть на скамейке в парке. И тут сразу же неизвестно откуда появляются какие-то парни. Они подсаживаются ко мне. Мне становится страшно, потому что по их лицам я вижу, что они сейчас начнут меня задевать. И тогда я вспоминаю закройщика из нашей мастерской. Однажды он силой поцеловал меня. Мне обидно, что я не залепила ему тогда пощечину. Но разве могла я это сделать? Ведь я скопила уже порядочную сумму на новое платье, и если он меня выгонит, мне придется тратить эти деньги на еду, пока я не найду другую работу. А в Александрии трудно найти работу. Вон моя сестра до сих пор ищет. Работу найти очень трудно. И наша соседка Дези вот уже год бродит по городу в поисках какого-нибудь места. А Кетрин, а Роберта... И все же мне следовало дать ему пощечину.

Сегодня я сижу на скамейке одна. Но вот подходит и садится рядом какой-то парень... Я смотрю на него. Он вовсе не похож на тех, что каждый день подсаживаются ко мне. Мне удивительно, что такой парень может сидеть возле меня, и я долго смотрю на него. Он тоже смотрит на меня. Я краснею. Я всегда краснею, когда на меня смотрят.

— На работу? — спрашивает он меня, очевидно заметив мое будничное платье.

— Да, — отвечаю я и злуюсь на то, что продолжаю краснеть.

А он, наверно, думает, что это я на него сержусь. Ну, конечно, так он и думает, потому что достает из кармана газету и принимается читать.

А я молча смотрю на падающие листья и думаю...

Я была знакома с одним парнем, и подруги посоветовали мне не очень с ним любезничать. Это для того, чтобы он сильнее меня любил. Как-то он захотел меня поцеловать. Я была счастлива, что меня любят. Но вдруг я вспомнила советы своих подруг и сказала ему:

— Еще не время.

И однажды он просто ушел.

Неужели и сейчас я не должна заговорить с этим парнем? А вдруг и он уйдет? Интересно, что сказала бы ему Дези? Она ведь со многими встречалась. Никак не могу представить себе, что бы сейчас сказала Дези...

Но вот я вижу тех парней, которые часто подсаживаются ко мне на скамейку и стараются меня задеть. Мне становится страшно. А они будто и не замечают меня, проходят мимо. Только я знаю, что завтра они опять подсядут ко мне.

Я так боюсь этого, что неожиданно для себя спрашиваю:

— Вы не скажете, который час?

И радуюсь тому, что хоть на этот раз не покраснела.

— Девять, — приветливо отвечает парень.

Мы сидим на разных краях скамейки. Я замечаю, что парень сидит на самом солнце, и сержусь. А он и не догадывается, что может пододвинуться ко мне ближе. Сейчас, правда, осень, но на солнце все еще жарко.

— Опаздываете? — слышу я голос парня.

— Да, — говорю я и тут же раскаиваюсь: ведь теперь мне придется встать. И когда я, досадуя на себя, встаю, парень говорит:

— Мне тоже надо идти.

И я чувствую, как на моем лице появляется улыбка.

Мы идем по улице рядом. Я гордо гляжу по сторонам. Мне хочется, чтобы кто-нибудь из моих друзей увидел нас. Вон та, разве это не Дези? Жаль, что не Дези, но и ее я, кажется, где-то видела. Она смотрит на меня. Значит, она меня узнает. Теперь она наверняка расскажет обо мне всем своим знакомым.

Да, я знаю, знаю, что этот парень должен меня полюбить. Он не может не полюбить меня. Ведь недаром моя сестра говорит, что я самая красивая девушка на свете. И я ей верю.

А потом мне вдруг становится грустно: я понимаю, что все равно мы скоро должны расстаться.

— Не сесть ли нам в трамвай? — спрашивает парень.

Я киваю головой, и мы садимся в трамвай.

В вагоне много народу, и нам приходится стоять. Я все время чувствую, что он смотрит на меня. Мы стоим совсем рядом. Мои волосы касаются его лица, а он, как будто нарочно, все больше наклоняет ко мне голову. Я ощущаю на своей руке чью-то руку. Это он сжимает мою руку. Я пытаюсь отдернуть ее, вспомнив, вероятно, слова друзей, но он удерживает в своей руке мою руку, и я рада этому.

Только вот что кажется мне странным: прежде я думала, что такой момент сделает меня самой счастливой девушкой на свете. А сейчас я не чувствую ничего необычного. Все кажется это очень привычным, будто так оно и должно быть.

Уже приближается остановка, где я должна сойти. А где же сходить ему? Не проехать ли мне дальше?

Он как будто угадывает мои мысли и тихо говорит:

— Где вы сходите?

Он сходит вместе со мной.

На улице совсем безлюдно. Я стою, прислонившись к стене, а он стоит рядом.

— Когда я смогу вас увидеть? — спрашивает он.

— Я всегда очень занята, — говорю я неправду, предчувствуя, что он будет меня уговаривать.

— Но все равно я должен вас видеть.

— Я смогу прийти только на пять минут.

— Может, сходим в кино? Идет новая картина. Там сын убивает отца, а потом, через несколько лет, они вдруг встречаются. Оказывается, отец тогда не умер.

Это так интересно, что невольно я говорю:

— Хорошо... Но после кино я сразу же пойду домой.

Я бегу в мастерскую. Мне так радостно! Как я мечтала о такой вот минуте!

Я бегу. И вовсе не потому, что опаздываю. Нет, о работе я даже забыла. Просто я не могу идти медленно. Весь мир улыбается мне. И просто невозможно не любить всех этих людей, которые идут мне навстречу.

Наш закройщик прикрикнул на меня за опоздание, но я поглядела на него так приветливо, что он сразу же осекся. И даже улыбнулся. Мне хочется сказать ему, что я прощаю ему все, абсолютно все, только бы он стал хорошим человеком, а то ведь его все не любят.

И вот, наконец, я дома. Я держу в руках то единственное платье, которое мы с сестрой

надеваем по очереди. Оно протерлось только в одном месте, но сколько бы вы ни искали, вы не заметите этого: сестра починила его очень искусно.

Сегодня не моя очередь, и все же я знаю — сестра непременно уступит мне. Она очень обрадуется, когда я обо всем расскажу ей. Она всегда так за меня беспокоится. Ах, как было бы хорошо, если бы сестра нашла работу!

Мне так хочется в эту минуту, чтобы и она была счастлива, чтобы и она пришла сегодня и сказала, что уже нашла работу. А я обняла бы ее и сказала: «Я очень тебя люблю!» Боже мой, как я глупа — разве это должна я ей сказать?

Я вспоминаю во всех подробностях, как встретила этого парня, что он мне говорил, как посмотрел на часы и как я — сама не знаю почему — рассердилась, когда он взял меня за руку. Нет, я не разрешу ему сразу поцеловать меня, а то он еще задерет нос... Разве что в последний момент, у нашего дома...

Я вскакиваю с места и, напевая, кружусь по комнате. И вдруг мне становится совестно — ведь сейчас моя сестра ходит по городу в поисках работы. А я... только это, право, ничего, ведь она будет рада за меня. И все же мне совестно. Наверно, именно потому, что она будет радоваться моему счастью.

Дверь открывается, и вбегает сестра. Лицо ее светится улыбкой. Я обнимаю ее. И даже не задумываюсь над тем, с чего бы это быть ей такой веселой. Ну да, она должна быть веселой, как и все наши соседи, как и закройщик, как и вообще все...

— Я нашла работу, — слышу я голос сестры. И теперь меня это не удивляет. Так оно и должно было быть. И Дези, наверно, тоже, и Кетрин, и Роберта...

— А что за работа? — спрашиваю я.

— Меня будут рисовать для реклам. — Возбужденная и радостная, она садится на стул. — Погладь платье, Эрн. Мне скоро идти.

Я растерянно смотрю на нее. Мне кажется, что я плохо ее понимаю.

Я слышу какие-то далекие, невнятные голоса. Я слышу, как переругивается на лестнице Дези со своей матерью. Мне жалко Дези — ведь у нее нет работы.

А сестра почему-то ждет меня. Я молча грею утюг. А тем временем сестра рассказывает, где она сегодня была.

Я глажу платье и думаю, что у Дези нет работы. И вдруг вспоминаю, что я даже не знаю, как зовут этого парня. Он так интересно рассказывал мне, как сын убивает отца, а потом, через несколько лет, они вдруг встречаются. Но я не знаю, как его зовут.

Я глажу и слышу только шипенье утюга и голос сестры. Она очень счастлива. Она хочет, чтобы все были счастливы — и наши соседи, и закройщик, и я...

Я глажу...

Потом сестра надевает платье и выбегает из комнаты. Я остаюсь одна. Какая большая у нас комната и какой высокий в ней потолок! Я стою в углу, под высоким потолком, и мне кажется странным, что сестра счастлива и что на лестнице уже не переругивается Дези со своей матерью...

Я быстро надеваю свое будничное платье. Оно заштопано в нескольких местах, а масляное пятно мне так и не удалось вывести. Я выбегаю на улицу, сажусь в трамвай и плачу десять миллимов, потом схожу на какой-то остановке и бегу. Все бегу и бегу. Вон у того магазина мы должны встретиться.

Я останавливаюсь и издали смотрю в сторону магазина. Очень много прохожих, но все же я сразу вижу его. Он смотрит на часы. Я тоже смотрю на часы, висящие надо мной.

Уже темнеет.

Мимо меня идут люди, они толкают меня, а я, приподнявшись на цыпочки, молчаливо смотрю в сторону магазина.

Проходит десять минут, пятнадцать. И меня переполняет радость — прошло уже столько времени, а он все еще ждет. Я забываю обо всем и думаю лишь о том, сколько он еще будет ждать меня.

Я уже с нетерпением отсчитываю минуты. И радуюсь все больше и больше.

Я знала, я знаю, что он будет ждать меня.

А мимо все идут и идут люди, они толкают меня. И за ними я иногда не вижу его. Потом толпа редет, и я снова отыскиваю его глазами. Он все еще стоит у магазина, оглядываясь по сторонам.

Но вот он пошел.

Я смотрю на часы. Прошло тридцать пять минут.

Сколько ни толкают меня, мне все же удается следить за ним. Он идет медленно, время от времени оглядывается назад.

Он скрылся. Прохожие скрыли его от меня. И мне видны теперь только шапки, незнакомые шапки на противоположном тротуаре!

Я снова смотрю на часы и почему-то радуюсь. Он ждал тридцать пять минут. Да, целых полчаса и еще пять минут.

Уже совсем стемнело. Я должна идти домой.

Когда я подхожу к дому, я вижу, что в нашей комнате горит свет. Я бегу, открываю дверь. Мне хочется обнять сестру и расплакаться. Но неожиданно я останавливаюсь.

Сестра молча стоит у окна. Услышав, как я вошла, она оборачивается. Я еле слышу ее голос:

— Не взяли... Нашли другую. Она больше подошла...

Мы стоим друг против друга. Между нами, на протянутой через комнату веревке для сушки белья, висит наше цветастое платье. Оно протерлось только в одном месте, но, сколько бы вы ни искали, вы не заметите этого: сестра починила его очень искусно.

1958 г.

ЧЕЛОВЕК С МАЛЕНЬКОЙ УЛЫБКОЙ

Египетский пейзаж: три-четыре стройные пальмы, горячий песок и высыхающий, словно истощенный ребенок, маленький ручей. На первый взгляд в этом пустынном месте не ступала ничья нога. Но вон на песке различаются какие-то следы. Их все больше и больше. Скоро покажется город с улицами, и следы исчезнут на мостовой. Фати подойдет к фабрике, над воротами которой крупными буквами написано: «Изящная обувь», и, как всегда, примется за работу.

Каждый раз, входя в город, Фати на мгновение останавливается и дальше идет уже не спеша.

Каждое утро на окраинной улице пригорода играют какие-то мальчишки. Они хорошо знают Фати. Это какой-то загадочный человек, живет он не в городе, а где-то в песках, там, где, быть может, водятся дикие звери. Он хороший человек, потому что на них он не сердится, хотя они кидают в него песок и даже камни. Вероятно, им бы надоело изо дня в день делать одно и то же, если бы Фати сердился. Но он не сердится, и в этом есть что-то необычное. Другое дело Абду. Как-то они попробовали задеть его, но он сердито прикрикнул на них.

Вот Фати входит в город. Напрасно дети стараются увидеть на его лице недовольство. Нет. Он, весь как-то сжавшись, с маленькой улыбкой на губах идет под самыми стенами домов, будто боится занять на тротуаре лишнее место. Они бросают в него песок и камни, но он почему-то улыбается еще шире и замедляет шаги, словно хочет угодить детям.

На других улицах детей уже нет. Там друг за другом выстроились лавки. Каждое утро перед ними сидят лавочники в ожидании покупателей. Вот один из них зеваает. Глядя на него, зеваает второй. А за ними позевывает и вся улица. Иногда лавочники пьют водку. Это занятие несколько развлекает их. Но нельзя же пить водку целый день. И опять они садятся перед своими лавками и глядят по сторонам в надежде увидеть что-нибудь, что развеяло бы скуку.

Они тоже любят Фати. Лавочникам нравятся его маленькая щуплая фигурка и торчащие на лице скулы. Иногда они подзывают Абду, этого великана с пышными усами, ставят Фати рядом с ним и начинают смеяться. Они смеются подолгу, а Фати послушно стоит и только озирается по сторонам. Да, все любят Фати, кроме Абду. Потому что он толком не понимает,

над кем же смеются. Абду бы хотел, конечно, чтобы смеялись над ним, а не над Фати. Но ведь именно Фати получает яблоко или даже целый батон колбасы. Правда, это случается редко, только тогда, когда лавочники уже очень долго смеются.

Потом Фати уходит в сторону фабрики. А лавочники опять усаживаются перед своими лавками, ждут покупателей и размышляют о том, что жизнь безнадежно мрачна и скучна.

Фати выходит на шумную улицу, и его подхватывает людской поток. Он появляется на фабрике первым, быстро засучивает рукава, и его тощие руки вдруг оживают. Один за другим приходят другие рабочие, и просторное здание наполняется шумом.

— Фати, гвозди...

— Фати, сбегай за хлебом...

Сегодня он услышал:

— Фати, иди в контору.

Его вызвал директор. И, вместо того чтобы поздороваться с ним, Фати начал гадать, куда его сейчас пошлют: в соседнюю мастерскую или же домой к Джонсонам. Конечно, он угадал — к Джонсонам. Нужно принести из дому сандалии Джонсона.

Как только Фати ушел, Джонсону передали приглашительную карточку. Он уселся за письменный стол, надел очки в дорогой оправе и стал читать тисненные золотом слова. Мадам Грифитс приглашает его на обед.

Джонсон скорчил недовольную гримасу, встал и грустно оглядел комнату.

Он был худ, высок ростом. Посмотрев на себя в зеркало, он вспомнил, что когда-то Грифитс ему нравилась. И она была к нему равнодушна. Они даже целовались украдкой. В первый раз обоим было приятно, а потом это вошло в привычку. Тем дело и кончилось. Сейчас Грифитс уже в годах, она слегка обрюзгла. Да ведь и сам он уже не тот.

Ему сделалось грустно от этих мыслей, и он снова прочел приглашительную карточку. Сейчас Фати принесет сандалии, и ногам станет прохладнее.

Всякий раз, видя Фати, Джонсон вспоминал, что он директор, и это, пожалуй, его радовало. Сегодня он тоже подумал об этом.

А потом он снова вспомнил Грифитс и зевнул.

На лестнице послышались шаги. Так быстро поднимается только Фати. Джонсон улыбнулся. Ему давно хотелось поразвлечься.

Он сел за письменный стол и, надев очки, в последний раз взглянул на приглашительную карточку.

Дверь приоткрылась, и в комнату прошмыгнул Фати. Он поставил сандалии на стул и направился к двери.

— Фати!

Фати обернулся и стал опять гадать, куда его еще пошлют. Наверно, в соседнюю мастерскую.

— Фати, я назначаю тебя помощником надсмотрщика.

Ну да, вероятно, в соседнюю мастерскую. Хозяин мастерской должен Джонсону несколько золотых.

— Это очень спокойное место.

Или, может быть, Джонсон велит просто позвать надсмотрщика. Он, кажется, говорит именно о надсмотрщике.

Джонсона забавляло, что Фати не понимает его. Попутно он решил, что не пойдет к Грифитс. И, довольный таким решением, с улыбкой начал втолковывать Фати, что его назначают помощником надсмотрщика.

Наконец Фати тоже улыбнулся. Теперь он понял.

Джонсон протянул ему несколько банкнот. Фати осторожно взял их.

— Теперь иди отдыхай. Приступишь завтра.

Джонсон так и не понял, как Фати воспринял новость. Но ничего, завтра все станет ясно. А к Грифитс он не пойдет. Она уже в годах и слегка обрюзгла. Он посмотрел на дверь и зевнул. Да и сам он уже не тот.

Как обычно, утром мальчишки играли на улице. Одному из них отец купил мяч. И вначале из уважения к новому мячу дети старались не спорить. Только из этого ничего не вышло. Как и всегда, все испортил Саид. Больно уж он задирист. В этот торжественный час, когда все были так увлечены новым мячом, он опять затеял драку.

Но вдруг драка прекратилась, и все стали смотреть в конец улицы.

— Фати.

— Нет, не он.

— Он.

— Не он.

Фати был уже совсем близко, а дети все еще продолжали спорить. Наконец все согласились, что это Фати, и только один Саид твердил:

— Не он.

Никто из детей не брал камней. Лишь самый младший зачерпнул горсть песка, да так и держал в руке, и песок медленно сыпался между пальцами.

Фати был в новом белом костюме и в таких же новых туфлях. Он взглянул на ребят и улыбнулся. И дети, опешив, улыбнулись ему и даже сказали:

— Доброе утро, дядя.

Фати ничего не ответил. Улыбаясь, он медленно прошел мимо.

Абду выскочил на улицу, подбежал к первому лавочнику и шепнул ему что-то на ухо. Лавочник глянул на него с удивлением. Абду побежал дальше и сказал что-то своему хозяину. Хозяин сначала удивленно посмотрел на него, а потом рассердился на то, что Абду не ему первому рассказал новость. Все лавочники высыпали на улицу и стали ждать Фати. Нет сомнения, что сегодня они вдоволь развлекутся. Многие уже заранее смеялись. Абду расхаживал по улице и чувствовал себя героем дня.

Вскоре появился Фати.

Один из лавочников вышел было вперед и в растерянности остановился. Все остальные насторожились, приумолкли, будто забыли, что собирались посмеяться над новым костюмом Фати.

Фати проходил мимо них. Он чувствовал, как одежда приятно облегает его тело. И это новое ощущение заставило его сказать: «Доброе утро». Приветствие в его устах прозвучало так естественно, что ни один из лавочников не удивился. Именно так, казалось, и должно было быть. И по очереди лавочники ответили: «Доброе утро». А Абду почтительно уступил Фати дорогу.

Когда Фати пришел на фабрику, там было уже несколько рабочих. Он заметил, что рот Рашида вытянулся в улыбке до ушей. Заметил он и то, что Муси грубо разговаривает с Абдуллой, а когда Абдулла скрылся за широкой угловой дверью, Муси обозвал его свиньей.

И вдруг Фати увидел парня лет двадцати пяти. Он был настолько худ, точно задался целью доказать возможность подобной худобы. Фати видел его впервые. Он не знал его имени.

Но, проходя мимо парня, Фати невольно остановился. Он сразу обратил внимание на то, что парень был одет в лохмотья, сквозь которые виднелись ребра. Он приметил и то, что парень был бос, и то, что он слегка улыбается знакомой улыбкой. Он знал, что этот парень работает на его месте. И хотя все, что он увидел, было ему знакомо, Фати удивился, как если бы видел все это впервые.

Парень улыбнулся ему маленькой улыбкой и принялся за работу еще энергичнее. Он подметал земляной пол. Кто знает, может быть, надсмотрщик оценит его усердие.

А Фати стоял и молчал. И парень испугался: может быть, что-нибудь не понравилось надсмотрщику?

— Как тебя звать?

— Ахмед.

— Откуда ты?

— Из Каира... Я из хорошей семьи, честное слово... И у меня нет никаких болезней...

— Сколько тебе лет?

— Двадцать пять. Я справлюсь с этой работой, она не трудная, честное слово...

Фати хотел поговорить с парнем еще, но не находил, о чем бы его спросить. А парень, напуганный расспросами, старался угадать по лицу Фати, какое он произвел на него впечатление.

— Сколько тебе платят? — спросил Фати, хотя прекрасно знал, каков будет ответ.

— Два золотых.

— Маловато. — И Фати медленно удалился.

Прозвенел звонок. Рабочие вышли на перерыв и, собравшись группами, принялись завтракать. Фати вспомнил, что утром он купил себе немного хлеба и сыра. Он сделал это потому, что лавочники поздоровались с ним, а Абду почтительно уступил ему дорогу. Почему-то все это заставило его достать из кармана деньги и впервые купить себе хлеб и сыр. А до этого он ел то, чем могли поделиться с ним рабочие.

Фати достал свой завтрак.

Один из рабочих нарушил молчание:

— Махмуд стал продавать старое мясо.

— И цену поднял, — добавил другой.

— Он жулик, — неожиданно сказал Фати.

Рабочие посмотрели на него с удивлением, но он продолжал уже спокойно есть.

К ним подошел надсмотрщик. Он был оскорблен тем, что ему назначили помощника. Он специально подсел на краешек скамейки рядом с Фати, ожидая, что тот уступит ему место, а сам останется стоять. Но один из рабочих встал и сказал Фати:

— Пересядь сюда.

Надсмотрщик зло посмотрел на рабочего и ушел.

А Фати ел и думал о том, что костюм надсмотрщика того же цвета, что и его, и материя такая же.

Вскоре все стали расходиться по своим местам. Фати заметил, что пуговица на куртке Рашида вот-вот оторвется, и сказал ему. Рашид оторвал пуговицу и положил в карман.

После перерыва Фати стало скучно. Он подошел к группе рабочих, которая перетаскивала новые товары, полученные фабрикой, и стал помогать. Но тут надсмотрщик сказал, что ему неудобно заниматься такой работой. А в это время один из рабочих говорил Фати:

— С того конца бери, с того конца...

И вдруг Фати заметил, что его костюм запачкался. Ему стало неловко, и он попытался отряхнуть пыль. Но потом почему-то перестал его чистить. Хотя и продолжал думать, что надо бы почистить. И, чтобы отвлечь свое внимание от костюма, он начал разговаривать с рабочими совсем о другом.

Не было еще и часа, как Джонсон пришел на работу. Утром, когда встал, он, как обычно, пожелал жене доброго утра. Потом сел завтракать. Джонсон попросил, чтобы ему дали маслин. Он очень любил их. Вот уже сколько лет жена его упорно не хотела понимать, что на столе всегда должны быть маслины.

Первый человек, которого Джонсон встретил сегодня на улице, был молочник. Здраваясь с Джонсоном, он снял шляпу.

Всю дорогу Джонсон с кем-то здоровался. И только один раз приподнял шляпу — когда проезжала в машине Грифитс. Прежде, здороваясь с ней, он снимал шляпу и держал ее в руке. А теперь лишь слегка приподнимал.

Сейчас, у себя в кабинете, вспоминая обо всем этом, Джонсон подумал, что так повторяется изо дня в день.

Послышались шаги. Вероятно, это Фати.

Джонсон сел за письменный стол, надел очки и стал ждать. Но раньше он ждал Фати с большим удовольствием. Теперь и это вошло в привычку.

Дверь открылась, и Джонсон с неудовольствием снял очки. Это был надсмотрщик. Он был высок ростом и гордился тем, что он выше даже самого Джонсона. Надсмотрщик заговорил о каком-то деле, но Джонсон чувствовал, что он пришел не за этим. Уже уходя, надсмотрщик спросил:

— А по тому вопросу, о котором я вам говорил вчера, вы уже решили что-нибудь?

Только сейчас Джонсон вспомнил, что вчера надсмотрщик сообщил ему, что Фати подрывает его, надсмотрщика, авторитет и вообще ведет себя плохо. Он подумал, что вся эта история с Фати, пожалуй, больше его не забавляет.

Джонсон подошел к окну и открыл его. Потом вернулся и сел за письменный стол. Фати получает в месяц десять золотых. Это не такая уж малая сумма. В год — сто двадцать. Да, на сто двадцать золотых можно купить многое...

Он равнодушно посмотрел на надсмотрщика:

— Значит, говорите, вам не нужен помощник?

— Он подрывает...

— Ну что ж, как вам удобнее.

Джонсон подумал, что вечером, вероятно, будут гости. Скучно. Скучно.

Лавочникам уже все было известно. Они с нетерпением ждали появления Фати. Но больше всех сгорал от нетерпения Абду. Он должен отомстить Фати за то, что тот хоть на несколько дней стал помощником надсмотрщика, а сам он так никем и не стал, и до сих пор его все называют свиньей.

Лавочники не сомневались, что у Фати отняли костюм и он появится, как прежде, в лохмотьях. Они снова будут смеяться над ним, восторгаясь его худобой и торчащими скулами.

Они ждали уже полчаса. Но, может быть, Фати боится появиться? Может, он пойдет другой улицей? Нет, он обязательно пройдет здесь, другой дороги на фабрику нет.

В конце улицы появился человек. Заметив лавочников, он замедлил шаги. Это был Фати. На нем была его старая одежда, и ноги, как прежде, были босы. Он шел по краю тротуара и смотрел на людей.

Лавочники издали плохо видели выражение его лица. Вся улица молчала. Собака, вечно разгуливавшая перед лавками в ожидании, когда ей что-нибудь подбросят, испугавшись тишины, поджала хвост и убежала.

Наконец первый лавочник разглядел лицо Фати. Второй, завидую ему, подбежал ближе. Остальные последовали его примеру. Столпившись, они негромко посмеивались. Впереди всех был Абду.

И вдруг все одновременно умолкли. Они растерянно глядели на приближавшегося Фати. Фати улыбался. Он улыбался так из года в год, своей маленькой улыбкой. Эта улыбка была знакома лавочникам. Но сейчас они увидели в ней что-то новое.

Фати шел мимо людей, и в улыбке была ирония.

Люди испуганно сторонились, давая ему дорогу. И было смешно видеть, как они напуганы. Ведь не было ничего, что могло бы их напугать. Фати всего только улыбался.

Он даже сказал людям: «Доброе утро».

Люди смотрели ему вслед, пока он не скрылся в конце улицы за углом.

Понемногу все разошлись. Каждый уселся перед своей лавкой и выпил рюмку водки.

Они ждали покупателей и размышляли о том, что жизнь безнадежно мрачна и скучна.

1958 г.

ОДИНОКАЯ ХИЖИНА

— Идут.

Ганс сидел за высоким столом и ел. Он был слишком мал, ему приходилось высоко поднимать руку, чтобы дотянуться ложкой до тарелки. И это всякий раз вызывало чувство

горечи, напоминало ему, что он еще мал. А вырастет он тогда, когда однажды утром, сев за стол, обнаружит, что теперь ему уже не нужно так высоко поднимать руку. Ну, а пока каждое утро приносило лишь одни разочарования — блаженный день застрял где-то в пути. Поэтому-то Ганс до сих пор все еще маленький, хотя ему уже целых семь лет.

— Идут, — снова услышал он голос матери.

Ганс весело соскочил со стула, выбежал из хижины и вдруг замер от неожиданности. Он предполагал, что увидит великана, для которого не составит труда поднять Ганса одним пальцем. Ведь только такой человек способен в один день разделаться с этой огромной кучей бревен. Но отец привел паренька, которому было лет четырнадцать, не больше. Паренек этот утирал рукавом нос и с видом понимающего человека оглядывал бревна.

— Это Хилье. Он поможет мне переколоть дрова, — сказал отец.

Мальчики не поздоровались и только смерили друг друга враждебными взглядами.

— Этот тоже будет с нами работать? — спросил Хилье.

— Нет. Ему всего семь лет.

Рассерженный Ганс вернулся в хижину и снова сел за стол. Ему показалось, что именно сейчас его рост должен хоть немного увеличиться, потому что у него были явные преимущества перед Хилье, пусть даже тот старше, — Ганс никогда не колол чужих дров и не был таким худым. Но он с досадой отметил, что ему опять приходится высоко поднимать руку, чтобы дотянуться ложкой до тарелки.

Непонятно, почему отец привел из села такого маленького паренька. Ведь бревен много, а переколоть их нужно в один день.

С моря все чаще дул холодный ветер, напоминая о приближении зимы. Их хижина была далеко от села. В одинокой хижине холод всегда кажется более чувствительным. В селе человеку становится тепло уже оттого, что он видит дым из трубы соседнего дома. Здесь вокруг пустынно, и только шумит море. Долгие годы жили они на берегу моря, слышали его шум, и поэтому, может быть, научились улавливать в этом шуме какой-то смысл, доступный только их пониманию. Часто мать и сын подолгу сидели молча в маленькой хижине при желтом свете лампы и прислушивались к шуму моря. И каждый раз он рассказывал им о чем-то. Конечно, лишь о том, о чем им самим хотелось услышать. О том, например, что скоро вернется отец. И действительно, всякий раз отец возвращался.

Отец был моряком, и Ганс гордился этим. Ему казалось, что без отца его большой корабль (ведь корабль отца непременно должен быть большим) не смог бы уйти в море.

Отец возвращался домой только на один день. А потом снова уплывал в далекие страны. Оттуда он привозил какой-нибудь диковинный плод, который подавался к ужину. До ужина он покоился на одной из полок шкафа, и чем выше он лежал, тем обещал быть вкуснее.

Сегодня отец сказал, что один он не сможет за день наколоть и сложить весь запас дров на зиму. Ганс удивился, и авторитет отца в его глазах чуть заметно пошатнулся.

Отец отправился в село подыскать себе помощника и вернулся вот с этим пареньком.

Раздался стук топора. Они начали работать.

Время от времени Хилье поглядывал на кучу бревен и думал, что не так уж тяжело разделаться с нею за день. У него случалась работа и потруднее, которую он успевал выполнить за такой же короткий срок. Лавочник Пикуне до сих пор, вероятно, помнит, как быстро он перетаскивал все его товары в лавку. А с этими бревнами он непременно сегодня справится. Непременно. Только чем больше он старался убедить себя в этом, тем яснее ему становилось, что думает он так только потому, что боится не успеть.

Роберт наблюдал, как Хилье работает с необычным для своего возраста рвением, как изредка он останавливается передохнуть и, вытирая пот со лба, с довольным видом оглядывает небольшую кучку нарубленных дров, а потом снова принимается за дело.

Роберту было совестно, что он не мог привести с собой великана. Или хотя бы даже обыкновенного взрослого. Ведь ему пришлось бы уплатить минимум десять тысяч марок, а у него не было таких денег. В то же время он понимал, что дрова во что бы то ни стало нужно наколоть именно сегодня: зима на носу, а приехал он всего на один день. Он долго бродил по

селу, раздумывая, как поступить. Подошел было к одному дровоколу, спросил, сколько тот возьмет за работу, хотя цену отлично знал и сам. Потом вот встретил Хилье.

Он знал, что не сможет уплатить Хилье больше тысячи марок. Но Хилье еще мал, ему, вероятно, лет четырнадцать, и он не станет шуметь и ругаться. Самое большее — заплачет.

Ганс из окна внимательно следил за Хилье. Он с нетерпением ждал, что вот-вот этот парень выдохнется.

Наколотых дров было уже порядочно. Роберт притащил носилки. Вместе с Хилье они уложили на них дрова и направились к сараю. Вот тут-то и начался между Хилье и Робертом молчаливый поединок. Хилье старался все время держать носилки так, чтобы основную тяжесть принять на себя. Это было нелегко сделать, потому что Роберт был намного выше и крепче мальчика. Хилье напрягал все свои силы. Он должен доказать хозяину, что он хоть и мал, но может хорошо работать, и его труд заслуживает большего вознаграждения, чем та сумма, которую, как он догадывался, Роберт собирается ему уплатить. А сколько может он уплатить ему? Вероятно, четыре тысячи марок. Если Роберт убедится, что он работает хорошо, то Хилье сумеет уплатить за квартиру, да и в следующий раз Роберт снова пригласит его.

Роберт, в свою очередь, всю тяжесть носилок старался взять на себя, желая хоть чем-нибудь облегчить труд мальчика. И когда ему удавалось сломить сопротивление Хилье, он, довольный, улыбался.

Наконец они дошли до сарая, свалили дрова и вернулись обратно.

— Может, передохнешь немного? — хриплым голосом спросил Роберт.

Хилье испуганно взглянул на него — Роберт, вероятно, испытывает его.

— Я не устал.

Ганс смотрел из окна с удивлением, он не понимал, как Хилье так долго выдерживает. Ведь он давно уже ждал, что вот-вот этот парень выдохнется.

Хилье действительно устал. Ежеминутно он поглядывал на бревна, и, чем меньше их оставалось, тем более отдаленным виделся ему счастливый момент окончания работы. А прежде, когда бревен было еще много, они его совсем не пугали.

— Мало осталось, — услышал он подбадривающий голос Роберта.

И вот, наконец, счастливая минута наступила. Все трудности остались позади. Хилье с удовлетворением осмотрел сложенные в сарае дрова, вытер со лба пот, вышел во двор и сел на большой камень.

Роберт подошел к нему. Сел рядом. Зажег сигарету.

Оба молчали.

— Не куришь?

— Нет.

И снова молчание.

Роберт мучительно о чем-то думал. Вдруг он встал и пошел в хижину.

Ганс следил за отцом. Роберт подошел к шкафу, достал с полки душистый плод, привезенный им из какой-то далекой страны и обещанный Гансу к ужину.

— Папа, куда ты его несешь?

Роберт в замешательстве остановился.

— Я знаю, — испуганно проговорил Ганс, — ты хочешь отдать ему.

Отец, ничего не ответив, повернулся и пошел к двери. Ганс побежал за ним.

— Это мой, — крикнул он и попытался вырвать у отца плод.

Роберт оттолкнул его. Ганс забился в угол комнаты и заплакал. Он думал о том, что жизнь очень уж несправедлива — вот этому худому парню заплатят деньги и еще в придачу дадут душистый плод, которого Ганс ждал с таким нетерпением и о котором отец так много писал в одном из своих писем.

Роберт посмотрел на Ганса. Лишь какой-то момент он колебался, а потом быстро вышел из хижины.

— Ты ел когда-нибудь ананас? — спросил он Хилье.

— А что это?

— Очень вкусная вещь, — сказал Роберт. Он протянул ананас Хилье и добавил хриплым голосом: — Ганс любит их.

Хилье взял ананас, оторвал кусочек, попробовал и, утвердительно кивнув, стал есть. Роберт, довольный, следил за ним. Ему было приятно думать, что парень этот понимает в вещах толк. Потом он вспомнил про Ганса. Он представил себе, что тот и сейчас еще плачет, и позвал его.

Ганс медленно вышел из хижины.

— Подойди-ка сюда. Подойди. Дай Хилье руку. Хочешь, он научит тебя ловить рыбу?

Ганс помедлил, но потом подошел и протянул руку. Может быть, в другой раз он не сделал бы этого, но то, что Хилье сумел наколоть столько дров, невольно внушило ему уважение к этому худому парню. Он сел рядом и стал наблюдать, как Хилье ест ананас.

Роберт успокоился. И даже рассказал сказку. Он заметил, что Хилье слушал ее очень внимательно.

Теперь Роберт хотел сказать ему еще что-то, но не знал, как это сделать.

— Понимаешь... Жизнь — это очень тяжелая штука... Кожуру не едят, выбрасывают. Да... Вот вырастешь — увидишь, что и тебе придется обманывать других. И врать. Каким бы хорошим ты ни был. В селе меня все знают. Спроси — каждый скажет, что я...

— Вкусно, — неожиданно сказал Хилье и бросил кожуру.

Роберт встал с огорченным видом. Хилье его не понимал. Он не мог понять его, ведь он был еще слишком мал. Ему, очевидно, лет четырнадцать, не больше.

— Мне пора идти, — сказал Хилье.

Он тоже поднялся. Наступала самая радостная минута. Сейчас Роберт протянет ему деньги, а потом Хилье пойдет домой. Может быть, этих денег хватит даже, чтобы уплатить хозяину дома за два месяца.

Он припомнил, у кого он в последнее время работал. Лавочник Иржи. Гилье с большим животом, на который без смеха смотреть невозможно. Мадам Ренар. Эльза. Ему очень нужно было убедить себя, что все они хорошо заплатили ему. И даже на прощанье сказали доброе слово.

Роберт сунул руку в карман, достал тысячу марок и смущенно протянул Хилье.

Хилье взял деньги, пересчитал их и посмотрел на Роберта с удивлением. Он сразу же сообразил, что за квартиру уплатить не удастся.

И он вспомнил, что ведь в действительности и лавочник Иржи, и Гилье с большим животом, на который без смеха смотреть невозможно, и мадам Ренар, и Эльза — все они обманули его. И на прощанье не сказали ни слова.

Роберт покорно ждал, что Хилье закричит или заплачет, что он будет требовать денег.

Но Хилье, худой и высокой, молча стоял в наступившей уже темноте. Потом повернулся и медленно пошел.

Отец и сын смотрели ему вслед.

Он уходил все дальше, уже была видна только его спина, но и она скоро исчезла во мраке.

1958 г.

Я И БЕРТА

На мне — синий больничный халат с широким поясом. Пока я в больничном халате, никто не скажет, что я кузнец, ежедневно простаивающий по восемь часов у огня. И уж совсем никто не догадается, что иногда я работаю даже по десять часов. И когда возвращаюсь домой, у меня уже нет сил помыться, я сразу же ложусь, кое-как раздевшись. А сейчас я в больничном халате. Рядом со мной лежит какой-то учитель, но никто не различит, где кузнец, а где учитель.

Берта тоже ничего не знает.

С Бертой я познакомился в больнице. Помню, как однажды сказали, что появилась новенькая. Больные, толпившиеся от скуки, обрадовались поводу развлечься и стали гадать, чем она может быть больна. Какая-то женщина с длинными волосами сказала:

— Распутную жизнь, должно быть, вела.

И все отправились поглядеть на новенькую. Я сразу же представил ее себе. Конечно, она среднего роста и с голубыми глазами. Хотя, возможно, рост у нее не средний. Да и глаза, может быть, не голубые. Но мне просто хотелось видеть ее такой. И я пошел со всеми.

В приемной ее не было, в бане сказали, что она только что отсюда ушла. Наконец вереница больных настигла ее в коридоре.

Девушка остановилась. Она смотрела на нас испуганно. Это заинтересовало больных еще больше, и они обступили ее тесным кольцом.

Она была высокого роста, с черными глазами. Меня это удивило.

Все продолжали с любопытством ее разглядывать. Девушка совсем растерялась. И тогда женщина с длинными волосами решила, что ее предположение оправдалось. Она сказала стоявшей с ней рядом подруге:

— Видишь, покраснела...

Я ушел к себе в палату. Гурген встретил меня с широко раскрытым ртом. Если он так широко раскрывает рот, значит ему весело.

— Мой отец покупает «шевроле».

И он страшно удивился, что я никак не реагирую на его радость.

Однажды, когда я был в коридоре, я вдруг почувствовал, что кто-то остановился за моей спиной. Я обернулся. Это была наша новенькая. Не знаю почему, но я улыбнулся ей. Так уж получилось. И она тоже улыбнулась. Меня это смутило.

Сомнений быть не могло, ну конечно, она из богатой семьи. Это видно было хотя бы по ее манерам. Кто-то из моих предков в Александрии тоже был богачом. Жаль только, что его сейчас нет в живых, а мы уже давно стали бедными. Но все же я что-то унаследовал от этого александрийца. Я рассматриваю себя в зеркале, пока Гурген рассказывает о своем «шевроле». И вот только шрам на лбу выдает, что я рабочий. Но так или иначе, теперь мне в больнице не будет скучно. Я скажу Берте, что у меня отец фабрикант. И потом уж у меня будет о чем порассказать нашим ребятам. Один из них очень строен и широкоплеч, и за это его любят девушки. Но те девушки вовсе не похожи на Берту. А у меня плечи узкие, вон в зеркале видно. Да, не особенно широкие плечи.

Я вспомнил, что в прошлый раз улыбнулся ей. Это означало, что между нами состоялось какое-то знакомство. Теперь я могу опять улыбнуться ей. И я улыбнулся, когда снова встретил ее. Она тоже улыбнулась. И неожиданно мы разговорились. Мы стали говорить о крысах. Она очень боялась крыс. Невозможно было сомневаться, что она из богатой семьи. Я сказал ей, что в больнице нет крыс, а вот на заводе моего отца их сколько угодно. Одна даже укусила меня за палец. С ее лица сошла улыбка, она нахмурилась. Что и говорить, я соврал, и ей, наверно, это не понравилось. Какой уж я там богатый человек! Я просто кузнец, ежедневно простаивающий по восемь часов у огня. И с дочерьми богатых мне разговаривать не случилось.

Мы стали встречаться каждый день. И, конечно, не всегда говорили только о крысах. Однажды даже мы заговорили о любви. И вдруг — это, честное слово, получилось как-то случайно — мы взяли за руки. Мы даже могли поцеловаться. Ну конечно, могли. Но что за дьявольщина! Голова моя никак не наклонялась, будто все мышцы окаменели. В других случаях все бывало так просто. Может быть, это потому, что я кузнец, простаивающий по восемь часов у огня, а она дочь богатого? И вдруг я испугался. Я сообразил... Теперь я все понимаю. Но я буду молчать. Я ничего не знаю.

Грустный, я вернулся в палату. Гурген сказал мне:

— А знаешь, какого цвета «шевроле»?

— Нет...

— Темно-синего.

Через несколько дней Берта выписалась из больницы. Пройдет неделя, выйду и я. Мы договорились встретиться на углу ближайшей площади. На этот раз никто из больных не интересовался Бертой. Меня даже задело. Берта уходит, и никто этого не замечает. А женщина с длинными волосами равнодушно позевывает.

Гурген стал совсем невыносим.

А действительно, как было бы прекрасно, если бы и у меня был свой «шевроле». Не знаю почему, но мне хочется, чтобы он обязательно был синего цвета. Темно-синего. Я открыл бы широкую дверцу машины и сказал Берте: «Садись и облокотись на ручку». Если она облокотится на ручку, ее не будет трясти.

Гурген спрашивает:

— А есть машина лучше «шевроле»?

— Нет, — отвечаю я, хотя в другой раз поспорил бы, что «бьюик» лучше.

Я ненавижу Гургена за то, что у него есть «шевроле». Я ненавижу всех, кто имеет на побережье даже маленькую виллу или ходит в Трияно¹, не боясь, что у него не хватит денег.

— Сколько вы оставляете в Трияно? Много?

Гурген отвечает:

— Много.

И начинает рассказывать, как он с какой-то девушкой сядет в «шевроле» и поедет в Трияно. И я кричу:

— «Бьюик» лучше «шевроле»!..

Хоть и долго тянулись дни, но все же наступило утро, когда меня выписали из больницы. Сегодня все откроется. Она увидит, что одет я бедно и что мой галстук стоит не дороже ста миллимов. Все это она заметит еще издали. Ну, конечно, издали. Ведь и она, наверно, интересуется, кто я. И тогда она повернется и тихо уйдет. А я останусь стоять на месте и, может быть, с горя выругаюсь. Да, очень возможно, что я выругаюсь. Я кузнец, и когда меня обижают, я ругаюсь. Потом, стоя у огня, я буду вспоминать ее и мечтать о том, как когда-нибудь, когда я разбогатею, я встречу ее с мужем на улице и гордо пройду мимо.

Я прощаюсь со всеми и выхожу из больницы. День теплый, солнечный. Приятно после больничных стен, пропитанных лекарственным запахом, снова увидеть солнце.

Я иду не спеша. Пусть уж все выяснится попозже.

Потом прибавляю шаги. Лучше узнать все поскорее.

Вот и площадь. Издали я вижу Берту. Я уверен, что это она.

Неужели не появятся машины, чтобы я мог, переждав их, задержаться хотя бы еще немного? Но идущие рядом со мной люди спокойно переходят улицу. Мне ничего не остается, как сделать то же самое.

Я оглядываю площадь. Вот и фонтан. Почему, интересно, закрыли воду? А там вон магазин. Пожалуй, я буду смотреть в сторону магазина. Но что со мной? Вместо того чтобы смотреть в сторону магазина, я отыскиваю глазами Берту. Она тоже смотрит на меня. Мы медленно идем друг другу навстречу. На таком расстоянии еще не видно, что мой галстук стоит не дороже ста миллимов.

И вдруг я испугался. Мне стало страшно от неожиданного счастья. Мы подошли уже друг к другу достаточно близко, и я вижу на ней ситцевое платье. То самое ситцевое платье, какие носят девушки нашего квартала. На нем изображены крупные цветы.

Берта тоже пристально смотрит на меня. И начинает улыбаться. Она увидела, что мой галстук стоит не дороже ста миллимов.

Мы улыбаемся друг другу и, не поздоровавшись, идем рядом.

Вокруг все прекрасно. Прекрасен и фонтан, из которого не бьет вода. Но больше всего я радуюсь тому, что у меня нет «шевроле» темно-синего цвета и что мне не нужно открывать его широкую дверцу и говорить Берте: «Облокотись на ручку».

¹ Трияно — фешенебельное кафе в Александрии. (Прим. автора.)

Мы шагаем с Бертой по улице. Скоро уже остановка автобуса, который идет в сторону пригорода. Мы поедем домой.

1958 г.

СОСЕДИ С ПЯТОГО ЭТАЖА

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, дочка, — ответил старик, хотя и он и она были одного возраста.

Сегодня эти соседи с пятого этажа заметили друг друга впервые.

— Вы не могли бы починить мой примус? Он что-то не горит.

Старик неторопливо вошел в комнату соседки и удивился, найдя ее очень похожей на свою. Хотя его комната была несколько просторнее и обстановка совершенно иная, и все же обе они имели удивительное сходство.

Старик осмотрел примус, повозился минут пять, потом зажег его и вышел.

— Спасибо, господин...

— Господин Дэвиль, — улыбнулся старик.

— Спасибо, господин Дэвиль.

— Мы с вами соседи. Вот это моя комната.

Старуха и старик улыбнулись друг другу, и двери их комнат закрылись.

На следующий день они опять встретились, и оказалось, что оба направляются на рынок. Дэвиль был одиноким, поэтому за покупками ходил сам.

С этого дня между соседями завязалось знакомство.

Всем казалось странным: как это давнишние соседи только теперь познакомились, да еще так быстро сдружились? Это было сущей загадкой для окружающих. Поговаривали, что когда-то старик и старуха были знакомы. Рассказывали даже, что жили они прежде в смежных комнатах. И с многозначительной улыбкой добавляли, что к тому же и дверь между их комнатами не была загорожена шкафом. А теперь вот они опять соседи и вспоминают свою молодость.

В действительности дядюшка Дэвиль и тетюшка Джулия познакомились только теперь.

Долгие годы работая, они во многом отказывали себе ради того, чтобы к старости скопить в банке сумму, которая обеспечила бы их до конца дней.

Джулия прежде была замужем. Муж ее умер рано. Он часто напивался и тогда бранил ее и избивал. Но, несмотря на это, после его смерти Джулии приятно бывало вспоминать, как он бил ее, какие пил вина и какую предпочитал к ним закуску. При муже все шло своим порядком, и она была довольна тем, что жизнь обрела привычные устои. Со смертью мужа у нее появился страх перед нарушившимся порядком вещей. Появилась неопределенность, ее пугало даже и то, что больше ее никто не бьет. Ей нужен был муж хотя бы только затем, чтобы говорить ей:

— Ты дура. И за каким чертом я женился на тебе?

«Что же теперь делать?» — думала Джулия.

Она стала работать, чтобы скопить в банке определенную сумму и обеспечить старость. И как-то мало-помалу в новой жизни опять все пошло своим порядком, появились привычные устои. И удивительно — только тогда, когда в жизни вновь появились устои, она почувствовала, что была очень несчастной в дни замужества, что муж ее был жестоким человеком. Она возмущалась теперь, не понимая, как муж мог называть ее дурой, когда священник их церкви говорил, что она обладает божественной красотой. Она вспоминала и многое другое, что говорил ей священник.

С ней часто пытались завести знакомство молодые люди. Когда один из них попробовал за ней поухаживать, она решила — хоть он ей и нравился, — что сейчас не время для этого. Когда-нибудь потом. То же самое она подумала и во второй раз, когда с ней попытался сблизиться другой юноша. Она считала, что еще молода, и что у нее все впереди. Она боялась потерять с таким трудом обретенные жизненные устои и попасть в новую, неведомую ей

жизнь. Случалось, она отвечала на ухаживания юношей благосклонной улыбкой, но тут же спохватывалась и опять уходила в себя. И ей радостно было сознание, что она умна и не похожа на других женщин. Так, незаметно для себя, она обрела новое русло жизни и все больше думала о том, что ей необходимо скопить в банке надежную сумму на старость.

Сейчас эта надежная сумма была. Но вот сама она постарела. Случилось самое страшное: устоев больше не было, все устои рухнули, осталась только старость. И теперь она с грустью думала лишь об одном: почему она всю жизнь ждала этого дня и боялась улыбнуться Васко или пойти с ним поглядеть на сфинкса? Нет, все же она была права, она поступила правильно. Сейчас она обеспечена, и ничто ее не страшит. Только вот старость уж очень продолжительна и занимает большую часть жизни. Она начинается после сорока пяти лет. Но тетушка Джулия, вероятно, не так уж давно постарела. Во всяком случае, ей еще нет шестидесяти. Впрочем, она не знала точно, сколько ей лет, потому что забыла год своего рождения, а метрическое свидетельство потеряла.

Ей, конечно, хотелось бы знать, сколько ей лет. Сколько лет оставалось ей жить. Она ведь нездорова. У нее больная печень, и ни один врач не в состоянии помочь ей.

Однажды тетушка Джулия попыталась вспомнить, в каком году она родилась. Она хорошо помнила, что в последний раз она отмечала день своего рождения, когда ей исполнилось сорок лет. Но в каком году это было, не могла припомнить. Через год после этой годовщины она уехала в Александрию искать работу. Значит, тогда ей был сорок один год. Еще через год она поселилась в этой комнате. Еще через год... Тетушка Джулия никак не могла припомнить какое-нибудь знаменательное событие, происшедшее еще через год. Это очень огорчило ее. Как же быть, кого бы спросить? Она отправилась к какой-то своей дальней родственнице, но та пожаловалась на свою старость и на то, что накануне у нее выпал последний зуб.

Тетушка Джулия вернулась домой и снова принялась думать, кто бы еще мог знать о ней. Никого не нашлось. У нее было мало родственников, да и те остались в Италии, и с ней они не переписывались...

Жизнь дядюшки Дэвиля тоже имела свои устои, и он всегда боялся нарушить их. Старость, однако, вытеснила все, и вот он впервые заметил свою соседку и починил ей примус...

Однажды тетушка Джулия, тяжело дыша, вошла в комнату дядюшки Дэвиля.

— У меня нет больше сил... Я уже не могу подниматься на пятый этаж...

Дядюшка Дэвиль и сам давно чувствовал то же самое, но боялся признаться в этом. А сейчас выяснилось, что и тетушке Джулии приходится трудно. Это придало ему смелости.

— Я давно говорю об этом. Всем говорю. Нас не имеют права оставлять на пятом этаже.

— О нас должны позаботиться, — почувствовав поддержку, сказала тетушка Джулия.

— Конечно! Это дело так нельзя оставлять. Я еще раз поговорю с хозяином.

— На втором этаже живут молодые. Пусть нас переселят на их место.

— Нет, лучше на первый этаж, — вдруг стал горячиться дядюшка Дэвиль.

Так впервые в жизни запротестовали эти люди, дядюшка Дэвиль и тетушка Джулия.

— Заходите, — смущенно сказала Джулия, и Дэвиль вошел. — Знаете, примус теперь хорошо работает.

— Я чинил его добросовестно, — ответил дядюшка Дэвиль.

Он подошел к столу и, заметив пакетики с лекарствами, спросил:

— Это ваши лекарства?

— Да. У меня больна печень.

— А у меня — желудок. Уже два года.

— У меня давно. Ничего не помогает.

Это сблизило их еще больше. Оба были больны, и у обоих болезни неизлечимы. Оба возмущались врачами, их бессилием. Поговорили немного о врачах, а потом дядюшка Дэвиль,

пожелав тетушке Джулии спокойной ночи, удалился к себе.

Конечно, никто из них не вспомнил о том, что нужно поговорить с домовладельцем о переселении на второй этаж.

На следующий день дядюшка Дэвиль постучался в дверь тетушки Джулии и торопливо вошел. Он сиял от счастья. Видимо, он принес очень важную новость. Присев на стул, он взглянул в сторону стола и сказал:

— Я достал для вас лекарство. Вы знаете лавочника Ахмеда? У него тоже была больна печень. Ему порекомендовали отвар из каких-то трав, он стал пить и сейчас чувствует себя просто хорошо. Он не хотел мне говорить название этих трав. Но ведь я старый солдат — разве я вам не говорил? Я был настойчив, и он...

— Что он? — спросила тетушка Джулия.

— И он открыл свой секрет, — торжествующе проговорил дядюшка Дэвиль и достал что-то из кармана. — Вот я уже и травы эти купил. Нужно отварить их в трех стаканах воды.

— Так, значит, вам удалось его убедить? — радостно отозвалась тетушка Джулия и засмеялась.

— Конечно! — ответил дядюшка Дэвиль и, почувствовав необычайное вдохновение, вдруг воскликнул: — А теперь я иду говорить насчет второго этажа!

И он вышел из комнаты походкой старого солдата.

Тетушка Джулия уже больше не думала о своей печени. Ей жалко было дядюшку Дэвиля. Нужно бы порасспросить подруг и соседей — не знают ли они каких-нибудь трав, лечащих желудок. Можно сходить и к лавочнику Ахмеду. Она часто делает у него покупки. На этот раз она накупит у него побольше всякой всячины, и тогда, быть может, он скажет ей, как лечить желудок.

А дядюшка Дэвиль уже на втором этаже потерял вдохновение. Он спускался теперь мелкими старческими шагами, а когда подошел к двери домовладельца, почувствовал, что у него не хватит смелости говорить.

Он постучался и вошел. В углу большой комнаты за письменным столом сидел домовладелец.

— Здравствуйте. Я жилец вашего дома... Мы каждый день встречаемся с вами... — Дядюшка Дэвиль почувствовал, как его тело покрылось испариной. — У меня к вам небольшая просьба. Я и моя соседка... На втором этаже живут молодые... Нам трудно подниматься на пятый этаж...

Домовладелец что-то писал, не глядя на дядюшку Дэвиля. Это действовало на дядюшку Дэвиля удручающе, и он потел все больше. Он даже уже не понимал, как и попал сюда. Сейчас он рад был бы выскочить отсюда, из этой большой комнаты, и всю жизнь оставаться на пятом этаже.

Домовладелец, наконец, перестал писать и посмотрел на дядюшку Дэвиля сквозь свои огромные, всегда пугавшие старика очки. Но Дэвилю казалось, что он смотрит мимо него. Дядюшка Дэвиль почувствовал себя таким оскорбленным и униженным, что ему даже представилось, что он вообще не существует и никогда не существовал и что в банке у него нет надежной суммы денег.

— Я не могу вас перевести на второй этаж. Эти комнаты сняты. И я никого не могу заставить подняться на пятый этаж.

— Конечно, — еще больше растерялся дядюшка Дэвиль и вдруг сообразил, что теперь он, наконец, может уйти. Он почувствовал себя от этого таким счастливым и, не подумав, сказал: — Спасибо...

В этот момент дверь открылась и вошла тетушка Джулия. Она сказала домовладельцу то же, что только что говорил дядюшка Дэвиль, и получила тот же ответ.

Дядюшка Дэвиль смотрел на тетушку Джулию и о чем-то думал. И совершенно неожиданно для себя самого он услышал собственный голос:

— Вы не имеете права оставлять меня на пятом этаже. Тетушка Джулия не может подниматься на пятый этаж.

— Дядюшка Дэвиль тоже не может подниматься на пятый этаж. Я знаю, один из жильцов второго этажа скоро выезжает.

— Я тоже знаю, — громко сказал дядюшка Дэвиль, хотя слышал об этом впервые.

— Вы не имеете права...

— И не имеете права не слушать, когда с вами говорят. Перестаньте писать, вы должны нас выслушать.

Домовладелец оторвался от бумаг и с нескрываемым удивлением смотрел на высокого седого дядюшку Дэвиля и взволнованную тетушку Джулию. От этого взгляда дядюшка Дэвиль почувствовал себя увереннее и вспомнил, что он старый солдат.

Домовладелец обещал перевести тетушку Джулию, как только на втором этаже освободится комната.

— А потом не забудьте и про дядюшку Дэвиля, — сказала Джулия.

Веселые, они вернулись к себе и все, что они только что видели и о чем говорили у домовладельца, пересказали друг другу.

— Дядюшка Дэвиль, пересядьте к столу, — перебила говорившего Дэвиля тетушка Джулия. — Из окна дует. Вы очень неосторожны. — Она вздохнула и приготовилась снова слушать.

Через несколько дней они узнали, что жилец второго этажа съехал. Они решили сразу же снести вещи тетушки Джулии вниз. Дядюшка Дэвиль выбирал вещи потяжелее, а тетушка Джулия брала легкие.

— Дядюшка Дэвиль, шкаф не трогайте. Позовем рабочего.

Дядюшка Дэвиль почувствовал, что его самолюбие задето, и попытался сдвинуть шкаф с места. Но не смог. Это задело его самолюбие еще сильнее, и он сказал тетушке Джулии:

— Тут одна ножка поломана. Нужно нести вдвоем, чтобы не поломать и остальные.

На шум вышли соседи.

— Нашли время шуметь!

— Спать не дают!

— Я пожалуюсь хозяину!

Дядюшка Дэвиль выслушал всех и принялся перетаскивать вещи.

Тетушка Джулия заметила, что он устал.

— Дядюшка Дэвиль, я же вам сказала, что нужно позвать рабочего.

— Я не устал.

— Не шумите! — опять послышался чей-то голос, и им пришлось перейти на шепот.

Тетушке Джулии было совестно. Ведь дядюшка Дэвиль очень устал. И все это он делал ради того, чтобы она не поднималась на пятый этаж. А для него комнаты на втором этаже не нашлось, он должен был остаться на старом месте. Тетушка Джулия чувствовала себя виноватой.

— Дядюшка Дэвиль, скоро и вам дадут комнату где-нибудь на нижнем этаже.

— Конечно.

— Вы знаете, очень уж я устала. Только поэтому... Иначе я не перешла бы вниз. Осталась бы наверху.

— Ну, теперь входите в комнату, — сказал дядюшка Дэвиль.

Тетушка Джулия открыла дверь, и дядюшка Дэвиль заметил, что она в растерянности остановилась и стала с кем-то разговаривать. Он подошел ближе. В комнате уже разместились новые жильцы.

— Простите, — пробормотала тетушка Джулия.

— Простите, — повторил за ней дядюшка Дэвиль.

Дверь закрылась, и они остались в темном коридоре. А на полу лежали вещи тетушки Джулии.

Они отправились к домовладельцу. Их встретил его слуга.

— Хозяин не может принять вас сегодня. У него гости. А новые жильцы не согласились

жить на пятом этаже. И уплатили больше. Напрасно вы перетаскивали вещи.

Закрылась и эта дверь. Они опять остались в коридоре, рядом с вещами.

Постояв в раздумье, они стали молча переносить вещи обратно. В темноте ничего не было видно. Тетушка Джулия зажгла свечу, и при ее неверном свете дядюшка Дэвиль перетаскивал вещи наверх. О рабочем не могло быть и речи, потому что было уже поздно.

Потом они молча сели вместе ужинать. Каждый из них припоминал свою жизнь. Они уже позабыли о втором этаже. Оба думали об одном и том же: как могло случиться, что они почти всю жизнь прожили соседями и вот только теперь встретились? Дядюшка Дэвильпил больше обычного. И тетушка Джулия не удерживала его.

— Я вошел к нему и закричал... — вдруг нарушил тишину дядюшка Дэвиль. — Он посмотрел на меня испуганно... — В этот момент старик верил своим словам. Однако он говорил напряженно, потому что все же чувствовал, что всего этого не было. Но ему так хотелось верить, что это было именно так. — Какое вы имеете право принимать гостей, когда мы хотим вас видеть! Вы знаете, что мы пришли по очень важному делу... В нашем коридоре темно, и мы сидим в отчаянии... Для нас жизнь всегда была темной. С того самого момента, как мы родились. Была темной и тогда, когда мы работали, и сейчас, когда у нас есть в банке деньги... Мы боялись жизни, и виноваты в этом такие люди, как вы... Боялись всего нового. Счастлив тот, кто не боится вас, кто умеет не признавать законы, принимать и любить в жизни все новое... Он пришел от моих слов в восторг. Он никогда не ждал, что один из его жильцов с пятого этажа рискнет сказать ему всю правду. Он встал и снял свои очки... Мне уже не страшны были эти очки. Он попросил извинения и сказал, что выгонит этих людей со второго этажа. Да, он так и сказал: «Иди и заверь тетушку Джулию, что ты сделал для нее все...»

Тетушка Джулия смотрела с восхищением на дядюшку Дэвиля. Хоть он и опьянел, он стал как будто красивее. И моложе. И она верила дядюшке Дэвилю, верила, что он действительно сказал все это домовладельцу.

Снизу послышался гомон, и дядюшка Дэвиль вынужден был замолчать. Гости домовладельца так развеселились, что квартира показалась им тесной. Они вышли на лестничную площадку и шумели уже на лестнице. Послышался и голос домовладельца. Дядюшка Дэвиль очнулся и вспомнил, как все было в действительности. Шум понемногу удалялся, и, наконец, все стихло.

Старики сидели молча, и дядюшка Дэвильпил.

— Как было бы хорошо, если бы все это было правдой! — вдруг послышался хриплый, полный отчаяния голос дядюшки Дэвиля.

Самым большим ударом для дядюшки Дэвиля было то, что через несколько дней тетушка Джулия заболела и слегла. Несмотря на боли, тетушка Джулия неизменно думала о том, что как бы там ни было, а в жизни она поступала правильно. Сейчас ее ничто не страшило, ведь у нее были деньги. Старость тянется долго, человеку не следует об этом забывать, он всегда должен думать о том, чтобы на случай болезни быть обеспеченным. А для нее старость только еще началась. Во всяком случае, ей не было еще шестидесяти, и она только недавно перестала работать. А если бы ей сейчас было уже шестьдесят, это значило бы, что жить остается недолго и не стоило жертвовать всей жизнью ради этих нескольких лет. Она не обратила внимания ни на Луиджи, ни на Васко, она не ходила с ними поглядеть на сфинкса. И неизвестно почему, думая сейчас об этом, она вдруг вспомнила, что дядюшка Дэвиль ничего больше не говорит о своем желудке. Успокоенная, она улыбнулась. Значит, желудок больше его не беспокоит.

Печень пришлось оперировать, и тетушку Джулию отвезли в больницу. Дядюшка Дэвиль остался один. Его единственной радостью теперь было ходить ежедневно в больницу и носить для Джулии обед.

— Здравствуй, — говорила тетушка Джулия.

— Здравствуй, дочка, — отвечал дядюшка Дэвиль.

Перед операцией тетушка Джулия попросила дядюшку Дэвиля зайти в ее комнату,

порыться в сундуках и отыскать рецепты всех лекарств, которые она принимала за последние годы. Даже такое незначительное дело безмерно обрадовало дядюшку Дэвиля. Он поспешно поднялся на пятый этаж, вошел в комнату тетушки Джулии и открыл ее большой сундук.

Дядюшка Дэвиль долго отыскивал рецепты. Он наткнулся в сундуке на несколько потускневших фотографий и принялся внимательно их рассматривать. На одной из них Джулия, совсем молодая, стояла в окружении юношей. Видимо, она не хотела фотографироваться, и юноши ее заставили. Поэтому на снимке Джулия вышла не очень удачно.

Кроме этого, в сундуке дядюшка Дэвиль обнаружил старую пожелтевшую бумажку, и это было метрическое свидетельство. Он развернул бумажку и прочел, что тетушка Джулия родилась в Италии, во Флоренции. И сейчас ей шестьдесят лет.

1958 г.

ПРИ ВЫХОДЕ НА УЛИЦУ ПРИХОДИТСЯ ВСТРЕЧАТЬСЯ С НИЩИМ

Улица узка. Ее обитатели приехали из разных стран, чтобы здесь найти работу. Они слышали, что для этого обычно уезжают в Америку. Но Америка — очень далекая страна, и, говорят, добираются до нее целый месяц. А для такого путешествия нужны деньги. Но если бы у этих людей были деньги, зачем бы им туда ехать? И они приехали в Александрию и поселились на этой узкой и длинной улице, которая очень напоминает улицы Италии. Теснота этой улицы и протянутые поперек нее веревки с бельем, которое мешает людям ходить и вынуждает их постоянно ругаться, были для Мачисте единственным утешением, что еще напоминало ему его родину и его улицу.

Каждое утро при выходе на улицу Мачисте приходится встречаться с нищим. Нищий всегда устраивается возле мусорного ящика, он знает, что именно здесь его бедность как нельзя лучше бросается в глаза. И хотя всем ясно, что он притворяется, и вовсе он не калека, люди бросают ему в шапку деньги. Людям нужен нищий. Одно существование его тешит их мыслью, что сами они уж не так бедны — ведь у них есть по крайней мере крыша над головой, и к тому же они могут пожертвовать нищему медяк и пожалеть его. И они очень довольны тем, что при выходе на улицу им приходится встречаться с нищим. Вот почему многие из них, получив в конце недели жалованье, бросают ему в шапку монету и не упускают случая сказать:

— Напрасно ты не работаешь. Видишь, хоть нам и приходится туго, мы неплохо живем.

Нищий в ответ только улыбается. Он понимает, что люди говорят так не от сладкой жизни. Правда, ему не совсем ясно, с какой стати они обманывают его. Но все же он радуется этому, и в такие минуты у него появляется уважение к себе. Всякий раз при этом он с наслаждением вспоминает один случай из времен своей молодости, но ему никогда и никому не удастся рассказать о нем, потому что люди не задерживаются около него.

У всех обитателей улицы жизнь одинакова. И если случается какая-нибудь новость, она тут же облетает всех. Вот почему так быстро все узнали о том, что армяне с их улицы возвращаются скоро на родину. Люди почему-то обрадовались этому. А Мачисте сказал одному армянину, своему соседу:

— Знаешь ли, мы приехали из Италии...

Он сказал это и не спеша отошел с таким видом, будто сообщил какую-то сенсационную новость. Но армянин только удивленно улыбнулся ему вслед. Мачисте и сам не понял, почему он это сказал. Просто, вероятно, он не подумал, прежде чем говорить. Уж так как-то получилось.

— Сжальтесь над бедным... — послышался голос нищего. — Здравствуй, дочка. Ты сегодня что-то весела.

Дети в это время, как обычно, смеялись над девушкой:

— Бианка-макаронница! Говорят, ни один парень еще не любил тебя. Бианка-

макаронница!

И Бианка впервые улыбнулась детям. Она действительно была весела сегодня. В это утро она решила начать новую жизнь. И теперь ей казалось странным, как до сих пор она могла выносить все это и не подумала никогда, что можно все изменить, все начать снова.

Сегодня она пошла к Жаку и сказала ему, что больше она уже не придет, пусть он не ждет ее. И пусть, если хочет, откажется от той комнаты, в которой они каждый вечер встречались. Жак стал объяснять, что она всегда получала от него деньги, и с издевкой предложил ей больше обычного. Но Бианка отказалась. Она сделала это не задумавшись. И теперь, возвращаясь домой, вспомнила об этом и, довольная собой, улыбнулась — ведь этот отказ был хоть и единственным, зато верным признаком того, что она действительно начнет новую жизнь, совсем новую. Она опять станет такой, какой была несколько лет назад. Вот и нищий заметил это. Бианка подумала: хороший он человек. Только очень несчастный и вынужден целый день попрошайничать. Но почему она прошла мимо и не дала ему ничего?

А вот отец ее, Мачисте, ни о чем не знает. Бианке стало как-то грустно от этой мысли. И она решила рассказать отцу обо всем. Конечно, это будет для него тяжелой неожиданностью, но она тут же сообщит ему о своем новом решении, и это очень обрадует его, и он обо всем забудет.

Потом они вместе обсудят, как сократить расходы. По вечерам, например, можно не ужинать. Это даже полезно — не есть перед сном. Нет, пожалуй, она не в силах лишить отца ужина. Но ведь он стар, и ему действительно по вечерам не следует есть. И она успокоилась, потому что сумела убедить себя в том, что, если бы даже она продолжала приносить домой деньги, отцу следовало бы отказаться от ужина.

Она даже не заметила, как в голову ей пришла и другая мысль: ведь по вечерам они могут ходить к соседям. Те всегда их приглашают, и всякий раз они напрасно отказываются. Теперь они будут ходить в гости, и там их, наверно, будут угощать.

Вот так и должна была начаться новая для нее жизнь.

До сих пор Бианка говорила отцу, что вечерами она ходит к одной портнихе помогать ей работать. И отец все удивлялся, как это дочери удалось найти работу.

Бианка решила выйти на улицу. Пусть люди видят ее. Они должны смотреть на нее, должны понять ее. И они должны восхищаться тем, что она нашла в себе силы порвать со всем старым и начать новую, чистую и прекрасную жизнь. Теперь им с отцом предстоит столкнуться со многими трудностями, перенести много лишений. Но это даже радовало ее. Если бы ее новая жизнь началась без трудностей, если бы, скажем, они выиграли крупную сумму денег, едва ли она испытывала бы такую радость. Новая жизнь тогда не имела бы для нее большой цены.

Бианка вышла из дома и тут же вернулась: она забыла гребенку. Она всегда брала ее с собой, потому что ветер трепал волосы и она вынуждена была то и дело их расчесывать. Иногда она и прежде забывала гребенку дома, только она никогда не возвращалась за ней. А в этот раз ей хотелось, чтобы все у нее было в порядке. Даже маленькая гребенка могла помешать исполнению ее решения. Она проверила, не забыла ли чего-нибудь еще.

И, успокоившись, подумала, что при выходе на улицу нужно не забыть подать нищему.
— Бианка-макаронница!..

— Здравствуй, Мачисте. Если не бросишь сюда монету, я расскажу твоей дочке, где ты работаешь. Сжальтесь над бедным!.. Все ведь мы бедные...

Мачисте не слушал, потому что нищий повторял каждый раз одно и то же.

Мачисте возвращался с работы. Нужно немного отдохнуть и потом снова идти обратно. Он обманывал дочь, говоря, что работает на заводе. В действительности он служил в одной из тех третьеразрядных гостиниц, где комнаты снимаются не больше чем на час.

Никакой случайности не было в том, что отец и дочь занимались почти одним и тем же делом. Для таких людей, как они, это было единственной работой, которую они находили без труда. И все безработные, у кого не хватало сил устоять и не пасть, вступали на этот путь.

Конечно, им легче других удавалось выбраться из нужды, но при этом всю жизнь они думали только о том, как бы избавиться от своего ремесла.

Мачисте надоедливо повторял всем служащим гостиницы:

— В Италии я работал на заводе. Все знали, что я честный, и многие даже отдавали мне на хранение свои деньги. Но наш хозяин разорился.

Мачисте вспомнил сейчас об этом, потому что услышал слова нищего, который, как и он сам, твердил всегда одно и то же. Мачисте вдруг остановился и с нетерпением стал ждать, когда нищий повторит свои слова. Несчастный он человек, подумал Мачисте. Единственное наслаждение в жизни он, наверное, находит в своих словах. Мачисте должен выслушать нищего, чтобы не обидеть его. Нехорошо поступают те, кто, не выслушав его, проходит мимо.

— Не расстраивайся, — услышал Мачисте голос нищего. — Ты ведь неплохой человек. Жизнь плоха. Она заставляет людей поступать нечестно. Когда-то и я работал, был дворником. И по воскресным дням надевал чистый костюм. Сжальтесь над бедным!..

Бианка чувствовала, как на душе у нее становится все легче и радостнее. Она верила в себя. Она верила, что опять станет такой, какой была прежде, и все, конечно, сразу заметят это.

Она зашла в кафе выпить лимонаду. Каждый вечер они приходили сюда с Жаком. И сейчас она зашла сюда именно потому, чтобы все, кто там работал, увидели ее. Потом она отправилась в другие места, где они бывали вместе. Это доставляло ей огромное удовольствие. Она доказывала всем, всему городу, что стала опять прежней маленькой Бианкой.

Она уже давно не читала газет. Но сегодня она непременно купит какую-нибудь. Услышав голос мальчика-газетчика, выкрикивавшего последние сенсационные сообщения, она подошла к нему и взяла свежий выпуск «Мессаджера». Отойдя в сторону, она стала просматривать заголовки. Ее внимание привлекла заметка об интимных похождениях одной из популярных кинозвезд. Бианка с увлечением начала читать.

Вдруг она заметила, что рядом с ней остановился какой-то юноша. Заглядывая ей через плечо, он читал ту же заметку. Бианка удивленно взглянула на него. Однако юношу это ничуть не смутило.

— Что-нибудь интересное? — спросил он.

— Нет, — сердито ответила Бианка. Она свернула газету и положила ее в сумку.

— Подождите меня здесь, — попросил юноша, — я сейчас, только куплю себе газету.

Он пошел искать газетчика. И, конечно, Бианка не стала его ждать. Она зашла в ближайший магазин — сделать кое-какие покупки. Она осматривала прилавки и снова чувствовала, что на душе у нее легко и радостно. Ей было очень весело и хотелось громко смеяться. Раньше она всегда была такой. Значит, она снова стала прежней.

Выходя из магазина, Бианка опять заметила того же юношу. Он дожидался ее на улице.

— Не успел, — огорченно сказал он, — все газеты уже распроданы.

Бианка взглянула на него и вдруг принялась громко смеяться. Она смеялась так долго и так безудержно, что сумка в ее руке дрожала и из нее что-то выпало. А юноша стоял и непонимающе смотрел на девушку. Наконец он сообразил, что нужно поднять то, что она уронила.

Бианка перестала смеяться. Она достала из сумки газету и протянула юноше.

— Вот, возьмите, — с серьезным видом сказала она, — я уже просмотрела.

— Спасибо, — пробормотал юноша.

Он пошел рядом с ней.

— Как вас зовут? — спросил он через некоторое время.

— Бианка.

— А меня — Марио.

— Очень приятно, но, может быть, мне совсем неинтересно знать ваше имя.

— Видите ли... Осторожно, машина!.. Мне хотелось бы встретиться с вами еще.

— Не знаю. Я сейчас должна сесть в автобус, — сказала Бианка.

Как раз в этот момент подошел автобус. Бианка поднялась по ступенькам и села возле окна. Юноша безнадежно смотрел на нее, но она сделала вид, что не замечает этого.

Автобус тронулся с места. Марио было уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг услышал веселый голос Бианки:

— Завтра. В пять. Там же.

Марио остановился. Широко улыбаясь, он смотрел вслед автобусу, пока тот не скрылся в конце улицы. Потом он повернулся и, неожиданно подняв руку, в которой держал газету, сказал какому-то прохожему:

— Свежая газета!..

И весело пошел своей дорогой.

— Если бы я не был калекой, я бы встал, чтобы поздороваться с тобой. Ты думаешь, я не знаю, что мужчины должны вставать, когда проходит женщина? Сжальтесь над бедным!..

Бианка добежала до дому и, быстро войдя в комнату, радостно поцеловала отца. Мачисте это удивило. Уже давно они почти не разговаривали друг с другом, и такое поведение дочери показалось ему странным. Мачисте настолько отвык видеть радость, что невольно испугался. Он подумал — случилось что-то недоброе. Он чувствовал себя гораздо спокойнее, когда они с дочерью бывали молчаливы и хмуры.

— Знаешь, — сказал он, — сегодня на заводе получают новую машину. Из Англии, из Лондона. Это здорово облегчит работу. Ее давно должны были прислать... — Он кашлянул. — Понимаешь, люди должны думать друг о друге. Чтобы никто не уставал. И не жил плохо. Чтобы все оставались честными... А машина, знаешь, управляется кнопками...

— Папа, почему ты только сегодня стал рассказывать мне о заводе? Я тебя столько спрашивала, а ты всегда говорил, что это не мое дело.

Мачисте растерялся.

— Ну да... Конечно... Я был прав. Ты все равно не поймешь.

В дверь громко постучали. Отец и дочь испуганно переглянулись. Вошла хозяйка дома. Бианка посмотрела на нее и тут же вспомнила, что они просрочили плату за квартиру.

— Я не намерена ждать до бесконечности. Когда же, наконец, вы заплатите?!

— Я обязательно это сделаю, — сказал Мачисте. — Только не могли бы вы подождать еще несколько дней? В Италии я платил всегда аккуратно. Вот и Бианка может подтвердить. Разве не так?.. Но потом хозяин нашего завода разорился...

— Вам бы следовало и в Александрии платить аккуратно, — иронически заметила хозяйка и вышла.

Отец и дочь молчали.

— Папа... Что, если нам отказаться от ужина?

— Не поможет.

— А снять другую комнату, подешевле?

— Дешевле не бывает.

— Ну тогда давай возьмем немного в долг. Соседи обязательно дадут. Они нас любят. Вспомни, как они каждый день приглашают нас к себе.

— У них у самих ничего нет.

— А мне кажется, у них будет. Ведь Бруно на хорошей работе.

— Его уже выгнали оттуда.

Бианка в изнеможении опустила на стул.

— Я забыл тебе сказать, — продолжал Мачисте, — сегодня уже требовали и за свет и за мусор... А Бруно мы и без того должны. — Он помолчал. — Знаешь, не нужно больше давать денег нищему.

Это было единственное, что они могли сделать. Во всяком случае, так им показалось. Но почему-то это обоих испугало.

Мачисте вышел из комнаты.

На лице Бианки появилась грустная улыбка. Она вспомнила, что сегодня должна была

начаться новая жизнь. И эта жизнь не началась, как видно. Она никогда не начнется, и все останется по-старому.

Бианка вышла на улицу.

И один только нищий заметил, что плечи ее сникли больше обычного.

Мачисте и Бианка встретились в гостинице. Бианка была с Жаком. Жак успел отказаться от той комнаты, которую он снимал для их встреч, и поэтому им пришлось зайти сюда. На следующий день он снова должен был снять постоянную комнату.

Бианка и Мачисте удивленно смотрели друг на друга. И тут только Бианка поняла, кто виноват во всем, что с ней случилось. Конечно, отец. Ведь это он привез ее из Италии в этот большой незнакомый город. Если бы они остались в Италии, у Бианки, наверно, был бы уже жених. Они бы уже поженились, и она была бы счастлива. Она не сомневалась в этом. Да, виноват во всем отец. Она и прежде так думала, а сейчас окончательно убедилась. Ах, если бы он не привез ее сюда из Италии...

Приняв какое-то решение, она быстро вошла в комнату. Этим она мстила Мачисте. И не только ему, но и всем тем, кто вынудил ее вернуться к Жаку.

Дверь закрылась.

И вдруг Бианка расплакалась. Она поняла, что слишком уж она маленькая и незаметная в этом большом городе. Кому она могла мстить? Только отцу, такому же маленькому и незаметному. Она вымещала на нем свою злость, потому что чувствовала свое бессилие.

Но отец, наверное, не привез бы ее сюда из Италии, если бы там было хорошо. Если бы он был уверен, что у дочери будет жених и они скоро поженятся. И если бы Бианка была счастлива.

А Мачисте все стоял перед закрытой дверью в длинном темном коридоре. Он старался припомнить слова нищего: «Люди неплохие, жизнь плоха...»

Мачисте понимал, что все случившееся только подтверждало, насколько они бедны и жалки, как легко и неумолимо жизнь подчиняет их себе.

Сейчас Мачисте мучило лишь одно: сколько он ни старался, ни разу за всю жизнь он ничем не обрадовал Бианку, не сделал ничего приятного. Он пытался припомнить хоть что-нибудь. Каждый день он подметал вместо дочери комнату, наводил порядок... Когда Бианка была маленькой, он часто ходил с ней по вечерам на прогулку... И еще всегда мечтал купить для дочери что-нибудь дорогое, очень дорогое. И хоть у него никогда не было денег, он постоянно помнил о своей мечте.

Но ведь этого мало, слишком мало.

И вдруг Мачисте улыбнулся. Ему показалось, что он может сделать для дочери одну добрую вещь. Прежде чем истечет положенное время, он постучит в эту дверь.

— Сжальтесь над бедным!.. Ты слышала, Бианка? Армяне уезжают на родину. А я и не знал, что у них есть родина. Одному мне не известно, какой я национальности. Моя родина — вот это место, этот мусорный ящик... Ты, кажется, никогда не давала мне денег. Или я ошибаюсь?.. Сжальтесь над бедным!..

1958 г.

Из книги «Его первый товарищ» (ранние рассказы)

ПОСЛАНЕЦ

Желтая песчаная дорога, извиваясь, лениво тянулась по берегу Нила. Ахмед проезжал здесь впервые. Все вокруг было новым, необычным. Даже его осел бросал по сторонам тупые взгляды.

И здесь, в этих чужих местах, в памяти Ахмеда вставало родное село. Он с тоской вспоминал свой дом, низкую тахту, на которой всегда сидел с товарищами и покуривал трубку. Вероятно, и сейчас на этой тахте сидят крестьяне, беседуют о чем-нибудь. В эти минуты самым близким, самым дорогим для Ахмеда была его семья. С какой грустью он расставался с ней! До этого поездка представлялась ему сном, чем-то неосуществимым, но в момент расставания она стала реальной. Он надеялся, что как-нибудь привыкнет со всем этим, но вот уже третий день, а тоска не утихает.

Село, из которого он ехал, находилось на границе Египта и Судана, на болотистом берегу Нила. Там веками свирепствовала малярия. В этом году после продолжительных и обильных дождей болото разрослось. И крестьяне, совсем потеряв надежду справиться с болезнью, обратились за помощью к английскому господину. Ахмед вспомнил мистера Роджерсона, человека с узкими голубыми глазами. Он сказал им: «Я не здешний и с болезнями вашей страны не знаком. Вам лучше обратиться к своему правительству».

«Эх, разве хватило бы у крестьян ума додуматься до такого! А этот человек верно подсказал», — подумал Ахмед. Но все же авторитет Роджерсона в его глазах слегка пошатнулся. Какой же это европеец, если он не знает, как бороться с болезнью!

С того дня в селе начался переполох, какого еще никогда не бывало. Нужно было принимать какое-то решение. Половина крестьян решила покинуть село, перебраться на какое-нибудь новое место. Другая половина считала, что самое правильное направить посланца в столицу просить помощи у правительства. Преимущества Ахмеда перед односельчанами были большие. Он умел читать и писать и даже за всех составлял письма. Поэтому-то и решили послать его. Большая честь! В ту ночь он не мог заснуть, чувствуя, что ему поручено серьезное дело. Но лишь только теперь он сумел представить себе более или менее отчетливо, в чем заключаются его обязанности.

Когда он покидал село, уходили и те, кто решил перебраться на новое место. С семьями, с верблюдами, со всем скарбом молча шли они в неизвестность. «Возможно, они правы», — подумал Ахмед, и эта мысль вызвала в нем растерянность. В то же время она заставила еще яснее представить себе, каким ответственным шагом было решение остальных остаться в селе и как тяжела возложенная на него миссия.

Вскоре наступила ночь. Ахмед огляделся. До самого горизонта тянулась безлюдная пустыня. В накаленном воздухе чувствовалось горячее дыхание Ливийской пустыни. Ахмед почему-то дрожал. Он не был трусливым, не раз ночевал под открытым небом, и одиночество его никогда не пугало. Но тут даже небо казалось чужим. Оно было черным и совсем не походило на облачное небо его села. О селе он не забывал ни на минуту. Сейчас там уже спят, и бодрствует только старый Нил. Он, как всегда кажется Ахмеду, рассказывает хижинам сказку. Нил... Вспомнив Нил, который сопровождал его всю дорогу, Ахмед успокоился и уснул.

...Шли дни, и в одно прекрасное утро вдали показался Каир, сказочный город.

Ахмед был поражен. Он увидел высокие, величественные дома — они, казалось, стремились дотянуться до неба. «О аллах, всемогущий аллах, дай мне силы!» — взмолился он.

Вот и первая улица, по которой он въехал в столицу. Осел в испуге остановился. Если у него было воображение, оно, вероятно, не заходило дальше его села и стойла. Цивилизация не понравилась ему.

Увидев перед собой асфальтированный проспект, Ахмед огорчился, что люди топчут такое чистое место. «Была бы в нашем селе такая улица, на ней сушили бы пшеницу», — подумал он. Феллахи, полицейские, торгаши, нищие — все смешались в пестрой толпе. В этом восточном городе улицы превратились в базар.

Все было ошеломляющим. Ахмеду, казалось, снится сон, и он видит какие-то чудеса, что-то совершенно невообразимое. Он даже не замечал, что его разноцветные лохмотья вызывают улыбку у европейских дам, он полностью был поглощен созерцанием увиденного. По улице проходили верблюды и... что это? Бегающие домики? Ахмед и осел долго смотрели на автомобили и не могли надивиться, что ими наводнен весь город.

Наконец Ахмед заметил узкую улочку, из которой шел острый запах капусты. «Вот эти места по мне», — не задумываясь, решил он и постучался в первую же дверь.

Вышел какой-то старик, на вид очень приветливый. Он повел Ахмеда к себе в дом.

Наступила ночь. Впервые за три недели Ахмед мог поесть горячих бобов и заночевать под крышей. Но ему так и не удалось спокойно уснуть.

Наутро он первым делом спросил старика, куда ему лучше обратиться со своей просьбой. Старик задумался и потом сказал:

— Ладно. Пойдем, я провожу тебя к Меграбу-паше.

Ахмед обрадовался. И в то же время почувствовал страх. Обрадовался, что опять увидит город, а испугался того, что нужно было приниматься за дело. Воспоминание о поручении односельчан привело его в ужас.

В приемной пашы было много народу. И крестьяне и горожане громко разговаривали, о чем-то спорили. При виде этого хаоса Ахмед растерялся и в то же время обрадовался — значит очередь до него сегодня не дойдет. Словом, в голове у него все перемешалось. Ему вдруг захотелось бросить все и вернуться в село. Но что скажут сельчане, что они о нем подумают?

Объявили, что сегодня паша уже больше никого принимать не будет.

Ахмед молча повернулся и пошел домой, к старику. Вдруг он вспомнил об аллахе — почему тот не дает ему сил и смелости? «Конечно, мстит за что-то, — пришел к заключению Ахмед. — Но за что? Ведь в селе по три раза на дню все ему молятся, а моя жена — так та даже пять раз. Что же ему еще надо? Но не мне в этом разбираться, грешно вмешиваться в дела неба».

Солнце зашло. Зажглись огни. Старик вернулся с работы.

И вот, наконец, наступил день, когда Ахмеда должен был принять паша. Ахмеда охватил страх, он представил, как увидит сейчас величественно восседающего человека с волшебной палочкой в руке, окруженного муллами. И в то же время в нем разгорелось присущее крестьянину любопытство.

Открылась дверь, и появился человек высокого роста, с расплюснутым носом, в очках. Он произнес имя Ахмеда.

Ахмед в недоумении смотрел на него.

— Ну, так кто же из вас Ахмед? — нахмурился чиновник.

Ахмед встал и, опустив подобно провинившемуся ученику голову, направился к двери. Он вошел в большую комнату. Там сидел полный человек и жевал яблоко. Ахмед поклонился и посмотрел по сторонам.

Паша, не глядя на него, сказал:

— Рассказывай, зачем пожаловал.

— Милостивый господин, у меня большая просьба, — покрываясь потом от страха и растерянности, начал Ахмед. — Село шлет тебе глубокие поклоны. Каждый хотел прислать тебе подарок, но ведь мы очень бедны. Милостивый господин, в селе ужасная болезнь. Даже наш Саид... Огради тебя аллах от этого!.. Даже этот великан заболел. Да и кто только не болеет! И Абдулла был не слабее него, и Рашид, и Муси тоже... Никаких уже сил не осталось. Милостивый господин...

— Я не решаю эти вопросы, — прервал его паша и принялся за следующее яблоко. Вдруг лицо его брезгливо поморщилось: — Фу, червивое... Вызовите следующего.

Вновь послышался визгливый голос секретаря:

— Мустафа Абдель Латиф.

Ахмед непонимающе смотрел на пашу. Лицо его выражало мольбу и страдание.

— Чего стоишь как истукан! — рассердился паша. — Пойдешь к Кяриму-паше. Адрес получишь у этого человека.

Ахмед, кланяясь, попятился к двери.

Ахмед обошел всех: и Кярима-пашу и многих других. Кажется, уже никого не осталось. И везде слышал один ответ. От всего этого пухла голова. Он сильно исхудал.

Ахмед даже успел приобщиться к городу. От первых страхов и следов не осталось. Привычными стали даже паши и беи.

И вот, наконец, ему посчастливилось. Один из пашей принял его с веселой улыбкой.

— Садись, брат. Мой дед был таким же крестьянином, как ты. Да... Так что я понимаю ваши заботы.

Ахмед осмелел и рассказал все подробно, не забывая, однако, после каждого слова прибавлять свое «милостивый господин», которому он научился у старика.

— Что ж, положишься на меня, — пренебрежительно сказал паша. — Не так уж это трудно. Мое слово свято для страны, закон. Мои люди все сделают, ты не беспокойся. Достаточно того, что я взялся за это дело.

Ахмед от радости и признательности даже не нашелся, что и сказать. Он совершенно забыл о своей трехнедельной усталости и почувствовал себя так, словно разом помолодел.

«Добрый человек», — подумал он.

Довольный, Ахмед вернулся к старику.

— Все в порядке! — воскликнул он и бросился обнимать старика.

Кто знает, может быть, это была самая большая радость в его жизни.

И вот опять вспомнил он свое село, маленькое мирное село. Что-то там делают сейчас? Ахмед тихо вздохнул, но, припомнив обещание паши, выбежал на улицу. Ему захотелось еще раз пройтись по этому городу, набраться побольше впечатлений, чтобы потом своими рассказами удивлять сельчан.

В эту ночь крестьянин, объятый чудесными видениями, спокойно уснул.

Утром он погладил голову осла.

— Возвращаемся в село, знаешь? Опять по нашей старой дороге.

Осел молчал.

— Эх, ничего ты не понимаешь.

Ахмед протянул старику руку.

— Передай всем сельчанам привет, — взволнованно сказал старик.

Ахмед тронулся в путь.

Осел неторопливо шел по берегу Нила. Крестьянин мычал себе под нос любимую песню:

Молча сижу я на берегу Нила,
Эх, сижу я на берегу Нила...

Вдруг он заволновался и остановил осла.

«Как же это я не спросил, когда они приедут?» Но ответ тут же нашелся: «Раз обещали, значит приедут, ведь паша не станет обманывать». Он снова пустился в путь. «Но лучше было бы спросить», — все же заключил он.

Наконец в одно прекрасное утро на горизонте показалось село, а в стороне от него — и вилла Роджерсона.

Ахмедом овладело радостное чувство. Он потрепал гриву осла и сказал:

— Гляди, добрались!

Но вскоре радость его померкла — он увидел пустые, заброшенные дома, из них ушли товарищи, половина села. «Напрасно они не послушали нас, — подумал Ахмед. — Где они теперь? Как устроились? Помнят ли о нас? И думают ли о том, что стало с селом?.. Ничего, скоро они теперь смогут вернуться».

Сельчане радостно приветствовали возвращение своего посланца. В глазах всех теперь он был героем, повидавшим мир.

И на него посыпались вопросы.

— Хороший город?

— Дома, говоришь, высокие?

— А паши как, добрые?

Ахмед ответил:

— Очень.

Крестьяне решили, что помощь придет на следующий же день. Теперь о чем бы они ни говорили, они спрашивали мнение Ахмеда.

И вот настал следующий день. Все с нетерпением смотрели в сторону дороги. Каждый раз, когда вдали появлялось облако пыли, крестьяне ликovali. Но никто не ехал. От напряженного ожидания люди сделались молчаливыми.

— Приедут, — все повторял Ахмед. — Не птицы же они!

Однажды он узнал, что Саид умер. «Умер? — удивился Ахмед. — Разве может такой великан умереть? Да возрадуется его душа тому, что имя его слышали паши!»

Малярия была неумолима. Она, как пиявка, пристала и к дочери Ахмеда. Отца уже больше ничего не интересовало, кроме помощи, которая вот-вот должна была прийти.

Как-то он, задумчивый и грустный, подошел к окну, набил трубку и посмотрел вдаль. Перед его глазами тянулась старая дорога, и она пробудила в нем воспоминания. Тяжело вздохнув, он стал припоминать все по порядку. Вспомнил он старика, Каир, беев, пашей... Ему теперь и самому не верилось, что он совершил такое далекое путешествие на своем дряхлом осле. Ему казалось, что все это было сном и что он никогда не покидал села.

Вдруг трубка выпала у него изо рта. Он только сейчас вспомнил, что никто его не спросил, как называется их село и где оно находится.

...А крестьяне каждый вечер собирались в одной из хижин на окраине села и ждали помощи.

1952 г.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Махмуд проснулся. Он равнодушно глянул на жену, которая, присев на корточки в углу комнаты, варила что-то из трав. Просыпаться так поздно уже вошло в привычку, и эта привычка напоминала, что он безработный. Впрочем, и к этому он тоже давно привык и относился с безразличием.

Махмуд лениво встал и неторопливо, как человек, которому все надоело, стал надевать костюм из мешковины.

Однообразная жизнь навевала такую тоску, что даже и дни потеряли свою привлекательность. Теперь Махмуд любил больше ночи. Ночью отступала жара, и через открытое окно виднелись бледные звезды; они окрашивали небо в мягкие тона, навевали грусть. Подолгу глядя на них, Махмуд забывался. Безмятежность ночи не требовала от него ничего, кроме сна. Ночь давала ему те же права, какими пользовались все люди. А день, он тянулся долго, и не бывало ему конца.

— Хлеб есть? — преодолевая привычку молчать, спросил Махмуд.

Жена с трудом подняла голову.

— Откуда ему быть?

Махмуд и не подумал об этом «откуда». И все же ему приятно было говорить о хлебе: как-никак в нем был какой-то смысл.

И опять его лицо приняло выражение тупого безразличия.

Махмуду не хотелось выходить из дома, хотя он знал, что так или иначе целый день ему все же придется провести на улице. Он попытался найти какое-нибудь занятие дома. Но тщетно. Тогда он взял лопату, кирку и вышел.

Из земли, точно зуб, торчал огромный валун. Махмуд улыбнулся. Его словно осенило. Бросив на землю лопату, он повертел в руке, как игрушку, кирку, погладил ее и начал борьбу с валуном. Его обуревал восторг — наконец-то нашлась работа. Дети его, стоя поодаль, с любопытством следили за отцом. Из месяца в месяц они слышали одно и то же: «Отец не

работает». Им неизвестно было, что это такое, но если уж взрослые произносили такие слова не очень весело, значит это плохая вещь. А вот сейчас их отец работал, он крошил валун.

Немного погодя Махмуд увидел одного из своих товарищей и поспешно бросил кирку. Товарищ нес на плече лопату, что-то напевая себе под нос. Он успел заметить, чем занят Махмуд, и удивленно спросил:

— Чего тебе дался этот камень?

— Да так... Жена говорит, что дети прыгают с него и могут покалечиться.

Довольный тем, что нашел ответ, он вытер пот, собравшийся в морщинах лба. Товарищ, ничего не сказав, пошел дальше. Махмуд долго смотрел ему вслед. Опять лицо его выражало безразличие. Отогнав грубым окриком детей, он снова схватился за кирку и с прежним остервенением обрушился на валун.

Наконец он устал. Подойдя к плоскому камню, на котором привык целыми днями сидя дремать, он тяжело опустился на него и поглядел в сторону своего дома. Его дом был одноэтажным, с двумя крохотными окнами и кривым отверстием между ними, которое служило дверью.

Скоро Махмуду надоело так сидеть. Он поднялся и направился к Евфрату. Он шел медленно, не замечая ничего: ни домов, ни камней, ни луж. Очнулся он только тогда, когда вышел на единственную асфальтированную улицу села. Ступая на нее, крестьяне всегда стряхивали с себя пыль, счищали с ботинок грязь. Но Махмуд забыл об этом обычае, он чувствовал только, что идет по асфальту.

На этой улице находился выкрашенный в белый цвет двухэтажный дом. Он принадлежал Карло, французскому коменданту этого района Сирии. Часто, проходя мимо широкой веранды, Махмуд видел Карло сидящим в кресле. Но сегодня его не было.

Махмуд дошел до берега реки. Волны Евфрата, сталкиваясь друг с другом и перепрыгивая через камни, глухо шумели. Казалось, одна волна преследует другую, бегущую впереди, но и за ней, в свою очередь, гналась третья, и так по всей реке, даже невозможно было определить, где преследователь, а где отстающий.

Махмуд заметил Карло. Комендант сидел в лодке и удил рыбу. Махмуд отвернулся и пошел дальше.

Вдруг раздался крик. Обернувшись, Махмуд увидел, что лодка перевернулась, а Карло на поверхности реки нет, только его белая рука торчит из воды, казалось, судорожно пытается ухватиться за пену волн. «Тонет», — подумал Махмуд. И с безразличием повернулся, намереваясь идти дальше. Но внезапно новая мысль вывела его из состояния оцепенения: «Человек умирает».

Махмуд плохо плавал. И все же он бросился к берегу, быстро скинул одежду и вошел в холодную воду.

Он плыл, с трудом преодолевая волны, а впереди то исчезала, то снова появлялась белая рука.

Наконец Махмуд доплыл и схватил француза за руку. На какое-то мгновение ему показалось странным, что он держит в своей руке руку самого коменданта и даже тащит ее к себе.

Он напряг силы и, обхватив одной рукой Карло, повернул к берегу. На него, смеясь белопенными зубами, обрушивались все новые и новые волны, они старались унести его с собой.

До берега оставалось совсем немного, но Махмуд уже выдохался. И тут одна волна пришла ему на помощь — она сильным ударом выбросила их на берег. Махмуд улыбнулся — они были спасены.

Только теперь он увидел лицо коменданта. Всегда круглое, с чуть иронической улыбкой, сейчас оно посинело и сморщилось. Карло лежал без сознания, и Махмуд принялся его откачивать. Ему стоило больших усилий привести француза в чувство.

Скоро Карло уже совсем оправился и, взглянув на Махмуда, поблагодарил его. А потом вполголоса добавил:

— Завтра придешь за вознаграждением.

И только тут Махмуд подумал о том, что действительно он может рассчитывать на вознаграждение...

Он вернулся домой безгранично счастливый. Кто знает, какой сюрприз ожидает его завтра! Теперь уж семья его сможет спокойно прожить несколько месяцев, а может быть, даже несколько лет.

«А что, если он устроит меня на работу? — подумал Махмуд. — Подарки мне не нужны, пусть лучше даст работу».

Семья собралась за столом пить чай. Махмуд весело подозвал младшего сына. Тот взглянул на отца с опаской.

— Подойди, подойди.

И он рассказал сыну какую-то сказку.

— С завтрашнего дня буду работать, Фатъма, — сказал он уверенно жене. — Обязательно буду работать. И кто знает, на какой должности! Может, он назначит меня своим садовником. Вот будет почет, а!

Фатъма радостно улыбалась, а Махмуд все говорил и говорил. С лица его исчезло прежнее тупое безразличие.

— Рашида обязательно пошлем в школу. Только вот к кому? Мулла Махмед хороший человек, но он уже стар, а Марсат слишком сильно колотит детей... — Он рассмеялся. — До чего же мы глупы! Ведь Карло даст ему французское образование. Сын станет болтать по-французски, а мы ничего не будем понимать. Это даже интересно, правда? — Он засмеялся еще громче. — А ты, моя старуха, купишь себе новое платье, наденешь его и пойдешь к Карло стирать белье. И он тебя будет угощать. Вот здорово, а!

И Махмуд запел свою любимую песню, которую уже семь месяцев никто не слышал.

Перед сном он всех поцеловал и залез под свое потрепанное одеяло. Видимо, последнюю ночь он укрывается этим одеялом, завтра они купят новое.

Всю ночь Махмуд не мог уснуть. Он лежал и думал о том, что работать он будет очень исправно, пусть все узнают, какой он трудолюбивый. «И кто бы мог подумать, — говорил он себе, — что Карло, вместо того чтобы быть сейчас в могиле, жив и здоров и обязан этим мне...»

На следующее утро он встал очень рано. В такой час неудобно беспокоить Карло, нужно подождать до полудня. Он вышел из дома и увидел остатки валуна...

Из крестьян только Абду имел часы, которые в свое время принадлежали какому-то европейцу. Махмуд отправился к Абду и к полудню подошел к двухэтажному дому Карло. В этот день, выходя на асфальт, он не забыл соблюсти ритуал и стряхнул с себя пыль.

Служанка коменданта, игривая девица с крашеными волосами, впустила Махмуда в дом и велела ждать хозяина.

Потекли минуты. «Занятой человек», — с благоговением подумал о коменданте Махмуд. Увлеченный своими мыслями, он даже и внимания не обратил на роскошную обстановку комнаты, которая при других обстоятельствах, несомненно, ошеломила бы его. Он думал о том, что отныне ему часто придется бывать здесь. И пусть больше Абду не гордится тем, что видел однажды дом Карло, когда относил туда йогурт².

Прошло полчаса, и вот, наконец, в дверях показался Карло, невысокий, круглолицый, с неизменной иронической улыбкой. С его появлением комната наполнилась запахом духов. Он протянул Махмуду бумажный сверток:

— Вот, возьми. Тут кое-какая старая одежда.

И он быстро вышел из комнаты.

Дома с нетерпением ждали Махмуда. Каждая минута тянулась бесконечно долго, и всем казалось, что Махмуд запоздал уже на целый год.

² Йогурт — кислое молоко в некоторых странах Востока и Балкан. (Прим. перев.)

— Его, наверно, оставили обедать. Или он уже начал работать, — весело говорила мать. Но вот дверь медленно открылась, и вошел Махмуд. Не сказав ни слова, он положил сверток на пол и вышел на улицу. Он сел на камень, достал из кармана трубку и стал набивать ее табаком.

1952 г.

НОСИЛЬЩИК

Вечерний поезд подошел к каирскому вокзалу. Перрон заполнили носильщики, которых до этого не было видно. Среди них стоял и Али.

Это был высокий, слегка сутулый старик с седыми волосами.

Али видел, как повсюду стали расти холмики багажа. Он смотрел на них и радовался. Но носильщики быстро разделялись с этими холмиками. Скоро перед Али опять простирался пустой перрон.

Али вспомнил молодые годы. Каким он был ловким! С какой легкостью взваливал он на спину сразу по несколько чемоданов. Его друзья восхищались им. А некоторые даже завидовали. Что ни пассажир — пятнадцать миллимов. Да, было чему позавидовать...

На вокзале, как и всегда, царило привычное оживление. Каждый был чем-то занят и двигался, как заводная игрушка. Один Али стоял неподвижно, точно изваяние, зажав в костлявой руке свисающую с плеча веревку. Эти руки, когда-то полные сил, были сейчас слабы и только бесцельно сжимали толстую веревку.

Мимо проходили нищие. Али с жалостью посмотрел на них. Нет, в их ряды он никогда не попадет. И, чтобы убедить себя в этом, он протянул одному из них свой последний миллим и даже попытался улыбнуться:

— В другой раз дам еще.

Али неподалеку услышал детский голос:

— Папа, вот носильщик.

Тот, кого называли папой, взглянул на Али, равнодушно отмахнулся от сына и снова принялся смотреть по сторонам.

— Папа, так вот же носильщик.

Отец рассердился:

— Жан, сколько раз я просил тебя не вмешиваться в мои дела. Ты же видишь, он стар.

Али это слышал. Ему стало неловко за свою старость, и он отошел.

Мальчик смотрел на него, и ему было жалко старого человека. Но как раз в этот момент мальчик нащупал у себя в кармане остаток шоколада и, позабыв обо всем остальном, побежал за отцом.

Али подошел к буфету. Он почувствовал запах свежих бобов. Зная, что у него нет ни одного миллима, он все же порылся в карманах. Жаль. Бобы, конечно, придали бы ему силы, и он бы смог взвалить на себя любую тяжесть. Он настолько явственно представил себя сильным, что захотел даже крикнуть: «А ну, где тут самый тяжелый чемодан? Дайте-ка мне его!» Но почему-то язык во рту не поворачивался.

Али услышал, как кто-то позвал его. Он обернулся и увидел пожилую пару.

— Возьми вот эти чемоданы. Только смотри, осторожно, — сказал мужчина.

Это одно слово «осторожно» вернуло Али к действительности: оно напомнило ему, что он стар.

Согнувшись под тяжестью двух чемоданов, Али шел и думал о том, как заблестят у него в руке монеты. Лавочник, вероятно, удивится и проникнется к нему уважением: хоть Али и стар, зарабатывать он еще в состоянии. Даже, может быть, лавочник назовет его уважительно «отец Али».

Очень скоро Али почувствовал, что выдыхается. Один из чемоданов был тяжелее другого, нужно бы поменять руки, но Али боится: а вдруг хозяева заметят, что ему трудно, и,

чего доброго, позовут другого носильщика.

— Меня раздражает, как он несет, — сказал мужчина своей спутнице.

— Ты даже приличного носильщика найти не умеешь, — ехидно заметила женщина. Видимо, это была его жена, и ей нужен был повод придраться к мужу.

Силы Али совсем иссякли. А до выхода с перрона оставалось еще порядочное расстояние. Он уже не думал ни о бобах, ни о деньгах. Тяжесть чемоданов неумолимо тянула к земле.

Его обогнал другой носильщик, тот бодро шагал со своей ношей и даже шутил с товарищем, шедшим рядом.

«Вот бы мне его силы», — подумал Али.

Проклятые чемоданы с каждой минутой становились все тяжелее и тяжелее. Али казалось, что впереди еще сотни километров пути. И чем больше он думал об этом, тем тяжелее казался груз. Он чувствовал, что руки его вот-вот готовы оторваться.

Несмотря на прохладу вечера, лицо его покрылось каплями пота. Он уже не шел, он волочился, а впереди легкой и упругой походкой шагали хозяева чемоданов.

В какой-то момент Али почувствовал неодолимое желание бросить чемоданы и убежать. Но деньги... И лавочник, который должен называть его «отец Али»... Нет, он обязан превозмочь свою слабость.

Он представил себе, как семья его в этот день сумеет поесть досыта, а маленький Ахмед соберет хлебные крошки и побежит покормить свою тощую кошку.

В этот момент Али споткнулся. Ему стоило невероятных усилий удержать равновесие, не упасть. На этот раз все обошлось.

Наконец он вышел на вокзальную площадь и увидел стоявшие невдалеке такси. Он не поверил своим глазам — до конца пути оставалось совсем мало. Али улыбнулся. Он собрал последние силы.

Но в действительности до счастливой минуты было пока еще далеко. Его сердце стучало, он тяжело дышал. Ему казалось, что он слышит скрип своих костей, что жилы на руках уже начали лопаться.

Голова закружилась. Вдруг Али почувствовал сильный удар.

Хозяева, услышав позади шум, обернулись. Чемоданы валялись на земле, а рядом с ними лежал носильщик.

Продолжая крепко сжимать ручки чемоданов, Али попытался встать. Это ему не удалось.

Он услышал резкий голос:

— Эй, носильщик!

И вот пара рук со знакомыми мозолями заскользила по его рукам, и чемоданы исчезли.

Али лежал на площади и непонимающе смотрел на ноги прохожих. Они двигались, как заводные игрушки, и наступали на толстую веревку, которая валялась рядом с ним.

1952 г.

ЕГО ПЕРВЫЙ ТОВАРИЩ

Летнее солнце припекало, но дети словно и не чувствовали этого. Они барахтались в реке, брызгали друг другу в лицо и, выскакивая с криками на берег, зарывались в песок. Им было весело, и зной, казалось, отступив перед их безудержным задором, застрял в ветках деревьев.

Только веселье продолжалось недолго.

— Абдулла идет! Абдулла! Бежим!.. — вдруг закричал один мальчик.

Этого было достаточно, чтобы все разом умолкли и в страхе бросились врассыпную. Одежда многих была оставлена на произвол судьбы. Подобно стаду, ребята убегали все дальше и дальше, как можно дальше. Самые маленькие отставали. Они не понимали, почему все убегают, но знали, что бежать нужно, если уж так делают старшие.

Скоро из-за кустов появился здоровенный парень. Это и был Абдулла. На лице его играла презрительная улыбка. Он остановился, поглядел вслед убегающим малышам и с видом беззаботного человека начал неторопливо раздеваться. Вдруг он заметил оставленную детьми одежду и, расхохотавшись, с каким-то наслаждением сгреб ее и бросил в воду. Будто иссушенная зноем, одежда, жадно впитывая в себя прохладную влагу, быстро заскользила вниз по реке. Абдулла смотрел на нее и смеялся.

Потом он прыгнул в воду и поплыл. Скоро ему надоело купаться. Он вылез на берег, оделся и пошел вдоль берега. И снова, завидев его, стайками убежали дети, оставляя свою одежду. А Абдулла, гордо выпятив грудь, шагал все дальше и дальше, ни на кого не оглядываясь. Каждая часть его лица, будь то губы, глаза, уши, выражала презрение. Он был приземист, широкогруд, лицо всегда злое и надменное.

Какая-то девочка в потертом платье, заметив Абдуллу, протиснулась сквозь толпу ребят и с яблоком в руках пошла ему навстречу. Она откинула на спину длинные волосы и улыбнулась.

На лице парня ничего не изменилось, лишь одна бровь слегка дрогнула. Но и это маленькое внимание было счастьем для девочки. Она бросила Абдулле яблоко. Тот обтер его руками и с равнодушным видом принялся грызть.

Абдулла ни в одном городе, ни в одном селе не оставался подолгу. Когда появлялся кто-нибудь сильнее его, он уходил. Он любил, чтобы считались только с ним одним.

Никто ничего не знал о его жизни. Да и сам он, наверное, знал не все. Помнил лишь самые значительные драки, в которых участвовал за свои шестнадцать лет.

Лето кончилось. В египетские деревни, изнуренные жарой, пришла осень, легкая, прохладная. Открылась местечковая школа, и дети уже реже появлялись на улицах.

Однажды перед школой ребята увлеченно обсуждали новую кинокартину. Все сходились на том, что картина не очень хорошая, потому что матрос не сумел победить в драке обыкновенного штатского.

Вдруг разговор оборвался на полуслове.

— Абдулла!..

Все бросились в школу.

Абдулла был мрачен. Он медленно шагал, тихо насвистывая и похлопывая себя по ногам прутом.

В нем уже не было прежней горделивой осанки. Одет он был аккуратнее обычного, все пуговицы рубахи, как ни странно, были застегнуты. В его глазах появилось какое-то новое выражение.

В последнее время он часто появлялся здесь.

Абдулла и внимания не обратил на убежавших ребят. Он сделал несколько неуверенных шагов, остановился, сел на камень и поглядел на одноэтажное, с узкими низкими окнами здание школы. Потом тонким концом прута принялся выводить на земле какие-то линии. Улыбаясь, он стирал их и снова чертил.

Он нарисовал на земле здание школы с плоской крышей, а рядом — муллу.

В этот момент неизвестно откуда появился какой-то мальчик. Он схватил камень и швырнул его в окно школы.

Из дверей выскочил разъяренный мулла с вытаращенными маленькими глазками. Он увидел убегающего мальчика и преследовавшего его Абдуллу.

Мальчик был уже далеко, но Абдулла, видимо уверенный в своих силах, бежал за ним, не глядя под ноги, перепрыгивая через ямки. Мальчик, спасаясь, напрягал последние силы и все же скоро выдохся и остановился. Он так запыхался, что принял удары Абдуллы без малейшего протеста.

Довольный своим поступком, Абдулла вернулся, сел на тот же камень, рядом с которым лежал его прут, и снова принялся рисовать. На перемене к нему подошел мулла.

— Зачем ты побежал за ним?

Абдулла опешил. Он, видно, и сам не знал, что заставило его побежать за мальчиком.

— Да так... Просто захотелось побегать.

Грубый ответ рассердил муллу. Недовольный, он повернулся и ушел. А Абдулла долго думал о вопросе муллы и никак не мог найти ответа.

Незадолго до конца уроков он ушел.

Солнце садилось. Его лучи, казалось, напрягали последние силы, чтобы удержаться на земле. Абдулла собрал большую кучу листьев, расстелил их под пальмой и лег. Он чувствовал себя усталым, хотя в этот день ему не пришлось ни работать, ни драться.

Утром он умылся и напился в ближайшем роднике, взобрался на пальму, набил карманы финиками и отправился к школе.

Как обычно, дети, увидев его, убежали. Только один хромой мальчик, не поспевший за товарищами, остановился и с ужасом смотрел на приближающегося великана. Он хотел закричать, но побоялся. Он весь как-то сжался, бросил сумку на землю и зло посмотрел в сторону убежавших товарищей. А те, укрывшись где могли, с любопытством наблюдали за ним.

Абдулла подошел к мальчику. И долго смотрел на него, не понимая, почему тот плачет. Неожиданно он достал из кармана финики и протянул мальчику.

А мальчик, не решаясь протянуть за ними руку, только растерянно смотрел на Абдулла.

— Бери, только что нарвал.

Мальчик было потянулся, но тут же испуганно отдернул руки.

— Да бери, бери.

Мальчик взял один финик.

— Возьми все, — терпеливо настаивал Абдулла.

Тогда мальчик взял все финики и положил их в сумку.

— А теперь иди сядь рядом со мной.

Мальчик подчинился.

— А теперь спрашивай меня. Например, скажи: сколько будет два раза два? Если я отвечу — четыре, ты скажи: «Правильно». Хорошо?

— Хорошо, — улыбнулся мальчик. — Трижды шесть?

— Постой... Восемнадцать.

— Правильно. Пятью пять?

— Это легко — двадцать пять. Спроси что-нибудь потрудней.

Мальчик понемногу осмелел и стал улыбаться. Он был горд собой.

Абдулла осторожно взял сумку мальчика, достал оттуда книгу с рисунками, незаметно погладил блестящую белую страницу и напрягся, тщетно пытаясь разобрать непонятные надписи.

— Для этого нужно учиться, — заметил мальчик.

— А ты можешь меня научить?

— Могу.

Абдулла дружески положил ему руку на плечо и тут же отдернул ее. Он испугался, что его грубая грязная рука может запачкать тщательно выутюженный костюм мальчика.

— Ты знаешь дерево, где я сплю?

— Знаю, — отозвался мальчик.

— Приходи завтра туда.

И, довольные собой, они расстались.

Абдулла задумался над тем, чем бы на следующий день угостить своего гостя. Опять финиками? Это может не понравиться мальчику. Абдулла вспомнил о базаре. Он обрадует своего первого товарища виноградом.

Базар был довольно далеко. И все же путь до него Абдулла проделал с удовольствием. Он раздобыл там несколько гроздей винограда и, вернувшись, положил их в холодную родниковую воду.

На следующее утро Абдулла проснулся бодрым и веселым. Таким он еще никогда себя

не чувствовал. Его удивило это, но, умываясь в роднике, он увидел виноград и все вспомнил. Он быстро привел себя в порядок и стал ждать.

Несколько позже из-за пригорка появился мальчик. Абдулла улыбнулся ему, и тот ответил тем же. Они поздоровались и сели под деревом друг подле друга.

— Принес книги? — спросил Абдулла.

— Принес.

— А меня ты легко нашел?

— Да. Только по дороге один парень остановил меня и хотел отобрать книги. Он ударил меня, а я не заплакал. Я тоже хотел его ударить, только он был большой. Потом я сказал ему: «Я иду к Абдулле». И он убежал.

Оба вдоволь посмеялись.

— Пошли, — предложил Абдулла, — покажи мне эту рожу.

И в глазах мальчика появилась жестокость. Он сплюнул. Казалось, он хотел походить на своего старшего товарища.

— Ты его ударь посильнее. А потом схвати за ноги и за руки, чтобы я тоже мог его по лицу ударить. И еще научи меня какому-нибудь ругательству. А я тебя многому научу из книги. Знаешь, какие там интересные вещи! Только вряд ли ты одолеешь...

Он почувствовал себя взрослым и даже не заметил, что Абдулле вдруг стало грустно.

— Только ударь его посильнее. Так, чтоб он заплакал.

Они шли рядом. Мальчик старался во всем подражать великану, даже в походке.

— Ты курить меня научишь?

Абдулла не ответил, а немного погодя тихо спросил:

— Значит, говоришь, я вряд ли одолею?

— Вряд ли... А скажи, почему ты всех бьешь левой?

Они долго искали того парня, что пристал к мальчику. Но, так и не найдя, вернулись обратно. Они сели под дерево, и мальчик стал учить Абдулла. Лицо Абдуллы сияло улыбкой.

Ему было очень хорошо, и он с жадностью вслушивался в каждое слово учителя. Однако все это показалось ему не таким уж сложным. Он весело повторял произносимые мальчиком буквы, сидя в позе послушного ученика. Ему нравилось, как мальчик соединял буквы и образовывал имена знакомых ему предметов: сигарета, драка, базар. Иногда он сам просил составить из букв какое-нибудь слово, и, когда оно получалось, Абдулла, как ребенок, подпрыгивал и смеялся от восторга.

Вскоре мальчик объявил, как в школе, перерыв. Абдулла вспомнил о винограде. Он не знал, как предложить его товарищу, и поэтому просто протянул ему кисть. Мальчик стал есть. Абдулла спросил:

— Любишь виноград?

— Не очень. Больше люблю персики.

Абдулла рассердился на себя — как это он не подумал о персиках!

Вскоре мальчик ушел в школу. Абдулла остался один. Он посмотрел вокруг, и ему стало невыносимо тоскливо в этой тишине. Он захотел пойти туда, где шумно. Самые подходящие места — это базар и школьный двор.

Он выбрал школьный двор. Придя туда, Абдулла сел на землю, но уже не стал рисовать прутом.

Пятнадцать дней они занимались под этим деревом. Абдулла знал уже много букв. Это его очень радовало. Только ему не нравилось, когда мальчик говорил:

— Что ты знаешь! Вот я знаю столько, что иногда мулла меня хвалит.

Или:

— Ты просто ненормальный. Что ты нашел в этой книжке? Если бы не мама, я бы не ходил в школу. А у тебя нет мамы, и тебя некому бить. Так чего же ты прицепился к этой книжке? Я тебе завидую — ты сам себе хозяин, можешь ругаться, можешь курить. А ты почему-то хочешь учиться. Ненормальный ты.

Абдулла ничего на это не отвечал, а только просил продолжать занятия.

Однажды мимо них прошел мулла. Он косо посмотрел на Абдулла, а потом с удивлением заметил рядом с ним своего ученика. Абдулла зло посмотрел ему вслед.

— А ну, напиши: «Я ненормальный», — тоном приказа сказал ему мальчик.

Абдулла написал: «Он ненормальный». Мальчик рассердился:

— Нет, напиши, что ты ненормальный.

Абдулла уступил и написал.

— Вот так правильно.

Каждый день они занимались, и почти каждый день мальчик заставлял великана — своего ученика — кого-нибудь бить. И сам при этом находился рядом с Абдуллой. Скоро он завоевал себе этим славу среди других ребят. Теперь даже, когда рядом не было Абдуллы, он старался разговаривать так же, как тот, сплевывать так же, как тот. Он начал употреблять несколько ругательств, которым научился от Абдуллы.

Как-то раз мальчик не пришел. Абдулла, думая, что тот опаздывает, решил от скуки искупаться. Только он залез в речку, как на берегу появился какой-то малыш и со страхом поманил его пальцем. Абдулла вылез из воды и, удивляясь, взял из рук малыша листок бумаги. С трудом он прочел:

«Мулла вчера рассердился на меня. Он сказал, что ты плохой, и запретил мне с тобой разговаривать. Я не приду».

Абдулла ничего не мог понять. Он сказал малышу:

— Скажи ему, пусть на обратном пути он пройдет здесь.

Абдулла сел под дерево, взял в руки свой прут и стал выводить на земле знакомые ему буквы.

Немного погодя появился мальчик. Он подошел к Абдулле и спросил:

— Чего хочешь? Не смог прочесть записку? Я же говорил тебе, что вряд ли ты одолеешь. Эх, брось ты это, ненормальный.

— Прочел, — сухо и вместе с тем не без волнения ответил Абдулла. — Но, наверно, ты пошутил. — Он очень хотел, чтобы это было так.

— Нет, какая там шутка!

— А ты что, обиделся на меня? Может, я принес вчера мало персиков? Если хочешь, принесу много. Хочешь целый фунт, два фунта, а?..

Мальчик улыбнулся.

— Нет, при чем тут персики! Мне надоело, да и потом мама не разрешает. Я сделал глупость, сказал ей, что ты учишь меня плохим вещам. Она грозилась побить меня, если я буду с тобой встречаться.

— Ты ей наврал, — не выдержал Абдулла. — Ну теперь хоть тайком приходи. Объяснишь мне что-нибудь новое и можешь не сидеть, а уйти сразу.

Мальчик задумался.

— А ты меня научишь курить?

Абдулла немного помолчал, потом тихо ответил:

— Ладно...

— А персиков больше не приноси. Мама говорит, что у тебя, наверно, грязные руки. И сидеть ты будешь не совсем рядом со мной, ладно?

— Ладно...

— Завтра я приду, а ты достань сигареты.

Но на следующий день он не пришел. Абдулла отправился к школе. Он хотел разыскать мальчика, хотя убеждал себя, что ему просто хочется прогуляться.

Он встретил мальчика по дороге к школе, и тот сделал вид, что не замечает его, и прошел с полнейшим безразличием мимо.

Абдулла хотел побить его, заставить его силой продолжать занятия. Но сумел сдержать себя.

С того дня дети опять, завидев его, с криком «Абдулла!» убегали, оставляя на берегу

одежду. Великан брал ее и, лишь на секунду задумавшись, с улыбкой бросал в воду.

1954 г.

ОН ПРОДАЛ СВИСТУЛЬКИ

Наконец игрушки были готовы. Мальчик оглядел их в последний раз и, довольный, улыбнулся. Это были маленькие свистульки, и стояла каждая два миллима. Мальчик сложил их в коробку и, шаркая ногами, вышел из полутемной комнаты. Он прикрыл за собой дверь, побежал по улице и еще задолго до бульвара стал кричать:

— Свистульки! Свистульки!

Ему было не больше десяти лет. У него были длинные тонкие пальцы и такие же руки, висевшие как плети. Ноги утопали в непомерной величины башмаках, и из каждого, словно зевака, время от времени выглядывал большой палец. На животе у него болталась коробка со свистульками.

Как и всегда, мальчик остановился у витрины детского магазина — здесь было выставлено много игрушек, и среди них — автомобили. Он внимательно посмотрел на цены, хотя знал их наизусть. Самым дешевым был маленький грузовичок, он стоил один фунт. «Эх, были бы деньги...» — подумал мальчик, с тоской любуясь игрушкой, примостившейся в самом углу витрины. И не так уж это дорого, можно купить. Только для этого нужно продать в один день все свистульки. Так он думал всегда, но в действительности так никогда не случалось.

По улице шли школьники. Они шумели и цепляли друг друга. И шумели особенно сильно потому, что учителя постоянно напоминали им, что на улице нужно вести себя чинно. Вдруг они заметили мальчика — подходящий объект для прицепок. А если он сумеет им ответить?

— Не сможет, смотри, какой тощий. У него и силы-то никакой нет.

Они схватили мальчика за руку и потащили за собой.

Мальчик не заплакал. Хотел сначала ударить их коробкой со свистульками, но подумал, что они могут отнять у него свистульки. Тогда он крикнул. Как ни странно, его тоненький голос прозвучал внушительно. Школьники этого не ожидали. Они оставили мальчика в покое и пошли своей дорогой.

Когда мальчик увидел, что они уходят, он расплакался. Заплакал против воли. И как-то сами собой сквозь слезы с его уст стали слетать слова:

— Свистульки! Свистульки с красивым звуком!

Вдруг его внимание привлек какой-то рев. Мальчик обернулся. Из ворот ближайшего двора крестьянка тащила за веревку осла, а где-то в глубине двора ревел другой осел, протяжно и нудно.

— Свистульки! Свистульки! — выкрикивал мальчик и думал о том, что бы такое еще крикнуть, чтобы сразу всем прохожим захотелось купить у него по одной игрушке.

Ничего так и не придумав, он пошел в хлебную лавку.

Не обменять ли несколько свистулек на булку? Нет, он сумеет еще как-нибудь потерпеть. Только на всякий случай он спросил:

— Почему эта булка?

— Три миллима.

— А дешевле нет?

— Нет, это самая дешевая.

Мальчик загрузил. Он опять вспомнил игрушечный грузовик. К нему можно было бы привязать веревку, а в кузов положить камень...

— Свистульки! Свистульки!

А что, если дернуть каждого прохожего за рукав? Мальчику казалось, что люди не слышат его голоса. Неужели ни один из тысячи не захочет подарить своему ребенку

свистульку? Как они не понимают, что играть необходимо. Вот он сам, хоть и большой уже, а тоже любит играть.

Мальчик подошел к первому встречному.

— Дяденька, свистульку не хотите? У нее красивый звук.

— У меня нет детей, играй сам, — ответил прохожий.

Мальчик отошел в сторону. Он задумался и стал припоминать, когда у него хорошо шли дела. Был однажды такой случай. Он подмел двор у какой-то старушки. Старушка оказалась добрая, она дала ему сладкий пирожок. Это был радостный день.

А потом он почему-то вспомнил прачечную, где раньше работала его мать. Он представил себе ее очень ясно, и ему показалось даже, что он чувствует тяжелые запахи, испускаемые прачечной, и видит мать, которая, болезненно дыша, согнулась над кучей белья. Разве не эта стирка загнала ее в постель, а его заставляет продавать свистульки?

— Свистульки! Свистульки!

На этот раз он крикнул так громко, что ему даже стало неловко. Он посмотрел вокруг. Но никто не обратил на него внимания. Только проходивший по мостовой верблюд лениво повернул в его сторону голову. Как интересно он жует...

Внезапно из-за угла выбежала группа ребятшек. Они поравнялись с мальчиком, и он оказался в их толпе. На какое-то мгновение ему показалось, что это его товарищи, и он побежал с ними.

У противоположного тротуара стоял экскурсионный автобус. Дети с веселым криком стали забираться в него. Мальчик остановился.

Через минуту автобуса уже не было, и перед мальчиком снова расстилалась гладкая и пыльная мостовая.

— Свистульки! Свистульки!

В ушах его еще звенели голоса детей. Куда они уехали? И почему они тоже не продают свистульки?

Мальчик медленно шел по улице. Он чувствовал голод, но был рад, что умеет сдерживать себя. Вот было бы хорошо, если бы всегда не поддаваться голоду! Тогда не пришлось бы продавать свистульки, и, вероятно, он, как и те дети, мог бы кататься в автобусе.

Небо стали заволакивать облака. Солнце, словно играя в прятки, то исчезало, то вновь появлялось. Вот оно совсем скрылось. Цвет неба, казалось, отразился на лицах прохожих. Они стали мрачными, и мальчик испугался. Он перестал выкрикивать — боялся, что его могут ударить. Он не чувствовал боли, когда его били, он испытывал только страх. Других, хорошо одетых мальчиков, тоже иногда бьют, но им на помощь всегда приходят родители. А его больная мать была боязлива. Вечерами она плотнее закрывала дверь и только молилась. Соседка говорила, что это от одиночества. А однажды она сказала сыну: «У тебя нет отца». Мальчик всегда удивлялся: почему это все ему говорят — нет того, нет другого, нет третьего?.. Почему у всех все есть, а у него даже отца нет?

Прохожие двигались быстро и однообразно. У женщин лица были не такие уж мрачные. Пожалуй, можно крикнуть для них.

— Свистульки! Свистульки!

И опять никто не останавливался, будто все глухи. Он целый месяц мучался, вырезая свистульки, а прохожие так безжалостны.

— Эй, малыш! Пойди-ка сюда.

Мальчик обернулся. В дверях детского сада стояла женщина, он быстро подбежал к ней.

— Сколько у тебя тут?

— Сто штук.

— А сколько ты хочешь за каждую?

— Два миллима. — Он вспомнил слова знакомого спекулянта и торопливо добавил: — В магазине дороже и качеством хуже.

— Не болтай!

Мальчик замолчал, испугавшись, что женщина рассердится и не купит ни одной.

— Давай-ка все.

Мальчик оторопел и стоял не двигаясь.

— Что, не хочешь?

— Хочу, хочу... У них очень красивый звук.

Женщина уплатила, забрала коробку и скрылась с ней за дверью.

Столько денег сразу мальчик никогда не видел.

Он растерянно смотрит вокруг. Ему хочется громко объявить всем, что сегодня он больше уже не будет выкрикивать слово «свистульки».

Он быстро прячет деньги в карман и бежит к магазину игрушек. Магазин далеко, и бежать нужно долго. Душно. Мальчик путается под ногами прохожих. Бежать все тяжелее. Повсюду он натывается на ноги прохожих. Люди безжалостны и теперь, когда у него есть деньги. Деньги! Мальчик улыбается. У него много денег, целых два фунта. Чего только он теперь не купит на них! Но первым делом — тот грузовик. Теперь уже соседский паренек не станет задирать нос перед ним, вертя в руках свои игрушки. Можно купить и яблоки. И тетради. И карандаши...

Вдруг, что-то вспомнив, мальчик останавливается. У него замирает сердце. Ведь... ведь врачу нужно отдать полтора фунта... А за свет... И за хлеб... Останется... Даже не останется денег, чтобы поехать домой на автобусе.

1953 г.

ОТЕЦ

Моему учителю Г. Гуланяну

— Роберт, петух матушки Берты давно прокричал, — мягко, вполголоса сказала Рита.

— Он всегда кричит не вовремя, — попытался отмахнуться Роберт.

— И в церкви уже отзвонили. Вставай. Джози вот-вот проснется.

Только теперь Роберт сообразил, в чем дело. Но он чувствовал, что ноги, удобно сложенные под одеялом, никак не хотят разогнуться.

И тут Роберт заметил, как голова сына, утонувшая в волосах матери, зашевелилась, мальчик на мгновение приоткрыл глаза и тут же уснул опять. Тогда Роберт постарался стряхнуть с себя сонливость и поднялся. Он взглянул на электрическую плитку, она не горела.

Роберт встал. На всякий случай он подошел к плитке и попробовал включить ее. Она не загорелась — свет был выключен за неуплату.

Проснулся Джози. Он приподнялся в постели и удивленно спросил:

— Ты еще не ушел на работу?

— Иду... Сейчас... — не очень уверенно ответил отец и, открыв дверь, исчез во мраке коридора.

Его встретил холод и острый запах какой-то еды. На ощупь Роберт прошел к двери и выскочил из темноты.

Как обычно, он подошел к хлебной лавке. Постояв около нее несколько минут, он пошел дальше.

Около моста находился барак с вывеской «Биржа труда». Все, кто ожидал работу, записывались здесь в очередь.

Роберт подошел к окошку.

— Роберт Купер, восемьсот семьдесят третий...

— Ничего нет.

Зная заранее, что ответ будет таким, он выслушал его, уже отходя от окошка.

Роберту известен был тихий подъезд возле одного ресторана. Он зашел туда и, пристроившись на корточках в углу, задремал.

Через некоторое время он почувствовал легкое прикосновение к плечу чьей-то руки.

— Вставай, нечего попрошайничать. Иди-ка лучше поработай.

Услышав слово «работа», Роберт вскочил. Он вышел за незнакомым человеком.

Работа оказалась легкой: нужно было разгрузить машину с камнями. От радости Роберт даже запел.

Мышцы его рук ритмично напрягались, и он уже не думал ни о чем.

Получив небольшую сумму денег, Роберт побежал к хлебной лавке.

Роберту очень хотелось задержаться в лавке как можно дольше и без конца повторять себе: «Я покупаю хлеб». Но лавочник вопросительно посмотрел на него. Тогда Роберт протянул ему деньги и гордо получил краюху хлеба.

Роберт не пошел прямо домой — нужно как-то еще протянуть время до конца дня. Он бродил по улицам, и его ноздри улавливали поднимающийся из-под пальто аромат свежего хлеба.

В пять часов Джози, стоявший у окна, весело закричал:

— Ма!.. Папа идет с работы!

Сегодня отец вошел в комнату уверенно и смело поцеловал Джози.

Он все еще помнил, как утром сын едва не узнал о том, что он безработный. Это его пугало больше всего. Он не хотел, чтобы Джози уже с детства был знаком с горестями и болью жизни. Пусть он пока не знает, как отец достает тот кусок хлеба, который они едят, и пусть думает, что в мире все хорошо. Занятый этими мыслями, он рассеянно отвечал на вопросы сына.

— А у вас на заводе есть собака?

— Есть.

— Она кусается?

— Конечно.

Но на следующий день случилось непредвиденное. Роберт проснулся и прислушался. Ни петуха, ни звона церковного колокола не было слышно: «Рано еще», — подумал он и снова закрыл глаза.

С улицы доносился шум дождя. Капли ударялись в стекло и, казалось, о чем-то напоминали. Но Роберт не понял этого. В его сознании проплывали всевозможные магазины, столовые, различные люди, поражавшие своей невероятной худобой или чрезмерной тучностью, и все, как один, молчаливые и неприветливые.

Рита, сжавшись от холода, спала.

Джози проснулся. Он поморгал глазами, посмотрел вокруг, увидел спящего отца и, выскочив из постели, подбежал к окну. Вот отец Макдональда, он быстро шагал, зажав под мышкой намокший портфель. Да, он торопился. А куда он мог сейчас идти, кроме как на работу? Вот и отец того смуглого парня, который недавно поселился в этом квартале. У него есть маленький велосипед.

Отцы Джорджа и Джона о чем-то говорят и смеются. Отец Джорджа всегда как-то удивительно смеется. Своей полнотой он напоминает мясников, которых Джози видел на рынке.

Все, все идут на работу. Только его отец спит, и это очень странно. А если он опоздает? Джози слышал, что опаздывающих наказывают. Если накажут его отца, все дети станут смеяться над Джози.

Он подошел к отцу и потормошил его. Отец лениво перевернулся на другой бок. В его сознании промелькнула мысль, что наверняка что-то случилось. Но нет, это просто сон. Спать... Вот он на хлопкоочистительном заводе. Визжат машины. А вот к нему подходит его товарищ и трясет его за плечо... Впрочем, это как будто не товарищ, рука совсем маленькая. Может быть, это Джози? Нет, ведь петух матушки Берты еще не прокричал.

Роберт сквозь сон услышал, что сын зовет его, но ему все еще не верилось, что это Джози. И как может появиться ребенок тут, на заводе, среди грохота этих машин?

А Джози с отчаянным упорством продолжал трясти отца, и все напрасно, отец только переворачивался с боку на бок. Это казалось мальчику странным, не нравилось ему. Может

быть, разбудить маму?

Он дернул отца сильнее. Наконец тот приподнялся и сердито поглядел на сына. Джози растерялся. Он не понял: что плохого в том, что он разбудил отца?

— Поспать не дадут, — проворчал Роберт.

Джози слышал подобные слова впервые. Почему же отец может спать? Отец же не безработный, как их сосед, который только и делает, что спит целыми днями. Ведь у отца есть работа, и он должен ее выполнять.

— Можно бы поспать еще немного, — бессознательно закрывая глаза, проговорил Роберт и натянул на себя одеяло.

Джози увидел за окном торопливо идущего дядю Вильяма, который, как он знал, работает на том же заводе, где и отец. Мальчик удивился и уже с подозрением посмотрел на отца.

Было тихо. Слышалось только равномерное дыхание матери.

— Почему ты не идешь на работу? Дядя Вильям уже пошел.

Только теперь сознание отца стало проясняться. Он растерянно вскочил.

— Я... Иду, иду... Немного опоздал... Сейчас иду...

Он быстро оделся, несколько раз неправильно застегнув пуговицы и вместо мыла схватив какую-то деревяшку. Джози смотрел на него с подозрением. Что случилось с отцом, почему это он с таким опозданием и так внезапно вспомнил о своей работе?

— Вот опоздал, — сказал Роберт, чтобы нарушить тягостное молчание. — Как же это?

Он попытался ускорить движения, но ничего не получалось, как нарочно, все не ладилось. А сын из угла внимательно наблюдал за ним. Роберт порылся в карманах, достал расческу, потом, передумав, сунул ее обратно в карман. Нужно было поскорее, хоть на минуту раньше выйти из дома. Он даже не зашнуровал ботинки и забыл поцеловать Джози. Уже у самой двери он вспомнил, что не взял кепку. За ней нужно было идти в противоположный угол комнаты, а это значит снова встретиться с недоумевающим взглядом сына. «Можно и без кепки», — подумал он и вышел.

Джози следил за ним из окна. Отец шел удивительно медленно, то и дело лениво оглядываясь по сторонам. Дождь безжалостно барабанил по стеклу, бил по голове отца, и волосы его мокли все больше и больше.

Джози открыл окно, и дождь, будто вырвавшись из укрытия, сильно хлестнул его.

— Па!.. Па!.. — закричал Джози. — Как же можно забывать кепку?

Отец поспешно обернулся.

— Кепку!

Джози быстро схватил ее и выбежал на улицу. Он догнал отца. Тот смущенно взял кепку. Они посмотрели друг на друга. Отец быстро повернулся и пошел. А Джози, несмотря на дождь, еще долго стоял и глядел ему вслед, на его длинную фигуру, вырисовывавшуюся сквозь дождь в конце улицы.

1953 г.

Из книги «От Парижа до Лиона»

Я ОТОМСТИЛА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ СУМАСШЕДШЕМУ МИРУ

Я весела. Я бесконечно счастлива. Долгие годы я ждала этого дня. Он наступил, и в этом, мне кажется, есть и моя заслуга. Мне исполнилось восемнадцать лет.

Только странно, пока я этого не чувствую. Я просто знаю, что это так. Но это неважно. Важно, что об этом знают все. В жизни важно не то, что ты чувствуешь, а то, что известно всем, важны факты. А что мне восемнадцать лет — это факт.

Сейчас лето. Мы уехали из Парижа в предместье, в Альфорвиль, и живем у себя на

летней вилле. Мне хорошо. Ибо почувствовать, что тебе восемнадцать лет, можно только тогда, когда уйдешь от привычной жизни, от привычного окружения.

Я начинаю внимательнее присматриваться к молодым людям, бывающим у нас в доме. Я впервые обращаю внимание на то, как они одеваются, как причесываются, как разговаривают. И мне неприятно, что все они без исключения излишне щепетильны в отношении своей внешности, до противного чисты. Мне кажется, что если бы эти мужчины были хоть на капельку менее чисты, я бы больше уважала их, многие из них нравились бы мне.

Вот видите, у меня уже в восемнадцать лет складываются свои принципы. Значит, когда я постарею, у меня накопятся сотни принципов и от этого будет трудно жить. Наверно, поэтому все мои знакомые, кому уже за тридцать, не уважают никаких принципов.

Из всех молодых людей, которые у нас бывают, больше всех мне нравится Роже. Он выделяется среди других своей серьезностью, умом. Я даже решила, что, если мне придется выйти замуж за кого-нибудь из этой компании, я выберу его. Он очень сдержан. Когда мы остаемся в саду одни, он даже не пытается меня поцеловать, хотя мне этого хочется. И мне это нравится. Я вижу в нем силу, которая мне очень нужна. Я хочу, чтобы эта сила была со мной, хочу всегда чувствовать, что она принадлежит мне. Отец мой считает, что у меня она есть, что моя сила — в нем и в его заводе. Он не понимает, что он со своим заводом представляется мне не силой, а слабостью.

Отец устраивает у нас на вилле большой бал, к нам съезжается весь цвет города. Зал залит огнями, я чувствую необычайную легкость, все кружится, точно в вальсе. Со всех сторон слышится приятный шелест нарядов, и каждый уголок наполнен весельем. Это первый бал, на котором я в центре внимания.

Роже как-то грустен сегодня. Наверно, оттого, что я танцую с другими.

Я подхожу к нему:

— Этот вальс я хочу танцевать с тобой.

Он ведет меня без особого удовольствия, будто бы ждет, когда кончится музыка.

— Что-нибудь случилось, Роже?

— Да нет...

— Когда я танцую с тобой, ты не имеешь права быть грустным.

Он пытается улыбнуться, из этого ничего не получается, и я жалею его:

— Не надо. Я хочу, чтобы ты оставался самым собой. Видишь, какая я хорошая? Я тебе все разрешаю.

Роже — это сила, которой я горжусь. Вот почему мне так нравится разрешать или запрещать ему что-либо. Это говорит о том, что сама я слаба и очень в нем нуждаюсь.

— Обними меня крепче, — шепчу я ему. В его руках я чувствую себя очень уверенно.

Он принимает мои слова за признание в любви и поверяет мне причину своего плохого настроения.

— Знаешь, Бетси упала и сломала ногу.

Я удивленно смотрю на него.

— Кто такая Бетси?

— Моя новая лошадь. И теперь я не знаю, как мне завтра выйти на бега. Все товарищи будут участвовать, а я не смогу...

Он продолжает что-то говорить, но я уже не слушаю его, мне кажется, что вокруг все разом умолкло и померкло, и я одна бессмысленно верчусь в этом огромном зале.

Я убегая в свою комнату, падаю на кровать. Я плачу. Я начинаю понимать, как я глупа.

Роже выдал себя. Он не смог скрыть, что ничем не отличается от всех своих друзей. Что он пустой и слабый, до жалости слабый человек. Теперь я его ненавижу больше других. Другие хоть ничего не скрывали. А Роже не имел права быть похожим на них, не имел права быть до противного чистым. Теперь я понимаю, что, когда мы остаемся в саду одни, он очень хочет меня поцеловать; но не делает этого потому, что боится. Он боится, что я рассержусь и он может меня потерять. Теперь я уже подозреваю, что он в каждом своем шаге неискренен. Я чувствую, что мое положение, мой отец со своим заводом мешают мне быть счастливой.

Теперь я вижу неискренность во всем. Я больше ничему не верю. Все те, кто хотел на мне жениться, тоже не меня любили, а любили положение моего отца.

Только теперь я начинаю понимать, что вступаю в жизнь, в первый раз я чувствую, что мне восемнадцать лет.

И мне хочется сейчас стать младше хотя бы на год. Мне так не хочется быть восемнадцатилетней!

Почему-то я вспоминаю Мишеля. Он сбежал с какой-то женщиной. Это произвело на меня сильное впечатление. Я так хочу, чтобы и меня кто-нибудь похитил, увез на край света и чтобы я была там без приданого и навсегда забыла эту виллу, этот город. Но я глупа: кто может меня похитить? Я долго думаю и понимаю, что даже Мишель не похитил бы меня, потому что отец и так согласился бы на наш брак. А Мишель увез эту женщину потому, что она была замужем. А Альфонс? Нет, он труслив. Но даже если бы он был смелым, ему не понадобилось бы меня похищать: отец согласился бы и на этот брак. Никто не может похитить меня. Как все трусливы!

Мне восемнадцать лет, но кажется, что я успела уже постареть.

Каждое утро в один и тот же час перед моими окнами проезжает какой-то велосипедист. У него коротко стриженные волосы. Он всегда в джемпере. Мне нравится, как он лихо ездит на своем велосипеде.

Мы уже давно с ним знакомы, хотя он этого и не подозревает. Я понимаю, что мне нравится в нем не только его умение хорошо ездить.

Он всегда куда-то спешит, на работу, конечно. И, вероятно, не всегда успевает дома позавтракать, потому что часто жует на ходу. Одной рукой он придерживает руль, а в другой у него бутерброд. К концу дня он возвращается этой же дорогой, но едет уже медленно и всегда насвистывает. Вечером, очень поздно, он опять появляется, и позади него, на багажнике велосипеда, сидит какая-нибудь девушка. Я им завидую. Во всем этом есть какая-то чистота. Для них в жизни все ясно и просто, им не в чем подозревать друг друга. И я не обвиняю этого парня в том, что каждый раз он проезжает с какой-то новой девушкой. Мне нравится, что у них, как видно, нет никаких претензий друг к другу и они не хотят иметь никаких прав друг на друга. Может быть, они даже не знают друг друга по имени. Просто они любят жизнь, и больше им ничего не нужно. Возможно, в этой любви они нарушают даже границы принятого, совершают какие-то ошибки и дают другим повод называть себя аморальными. Но мне они нравятся. Я принимаю их такими, с их ошибками, с нарушениями границ принятого. Я всякий раз радуюсь, когда вижу рядом с этим парнем новую девушку. Сами того не зная, они смеются надо мной, над моим отцом, над всеми, кто меня окружает. А я получаю от этого удовольствие, подобное тому, какое получает человек, знающий, что его бьют поделом.

И я... я решаю встретиться с этим парнем.

Я стою со своим велосипедом на углу улицы. Сегодня воскресенье, но я знаю — он проедет. И я жду.

Может быть, я поступаю неправильно? Может быть, я ошибаюсь?

Вскоре он появляется, и я избавляюсь от всех сомнений, от глупых и трусливых мыслей. Я сажусь на велосипед и еду рядом с ним. Сначала он не обращает на меня внимания. Но потом понимает, что я хочу обогнать его. Он спокойно прибавляет скорость. Значит, мы познакомились.

Мы выскакиваем на шоссе. Он не ожидал, наверно, что я так хорошо езжу. А я радуюсь, что оказалась его достойной соперницей. Теперь он уже серьезен, и наша езда становится состязанием.

Я чувствую себя прекрасно. Меня возбуждает эта бешеная скорость. Я чувствую себя сильной, уверенной. Сейчас я понимаю, что во всех соревнованиях люди не только хотят победить, обогнать друг друга, но и обретают силу и стремятся к мечтам своей жизни.

Он мчится впереди меня и вдруг резко тормозит. Я, не успев сообразить, что и мне нужно

затормозить или свернуть в сторону, наскакиваю на него, и мы оба падаем.

Так кончаются соревнования...

Я чувствую боль во всем теле, вижу, что и он ушибся. Мы оба медленно поднимаемся. Он стряхивает с себя пыль и смотрит на меня. Затаив дыхание я жду. Ведь кто-то должен сказать мне, наконец, всю правду честно и откровенно. Он смотрит на меня угрюмо. И вдруг начинает улыбаться, потом смеется.

Я не улыбаюсь. И не смеюсь. Мне не до этого. И все же я чувствую, что никогда еще не была такой счастливой, — я понравилась ему.

Он смеется еще громче. Потом подходит ко мне и, продолжая смеяться, обнимает меня и целует. Он стискивает меня в своих объятиях так сильно, что я не могу ни двигаться, ни говорить. Но я не хочу противиться. Мне нравится его дерзость. Я не легкомысленна, нет, я смотрю на это очень серьезно. Все это имеет для меня большое значение.

И потом, когда мы входим молча в рощу и я опускаюсь на траву, единственное, что я замечаю, о чем думаю и упорно повторяю в мыслях, — это то, что на его джемпере шесть пуговиц...

Держа велосипед за руль, мы медленно выходим на шоссе. Уже смеркается, накрапывает дождь. Мы должны расстаться. Мне очень грустно. Я чувствую, как по щекам у меня сбегает слезы. Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не расплакаться громко. Мы еще ни о чем не говорили. Мы не сказали друг другу ни одного слова. Он смотрит мне в глаза, потом вдруг опять смеется, целует меня, садится на свой велосипед и уезжает.

Я бесконечно счастлива, что он не назначил мне свидания, не заметил моих слез, не попрощался со мной, даже не спросил, как меня зовут, работаю ли я, не обручена ли. Меня не оскорбил его смех. Ничего плохого в этом смехе нет. Я поняла, что он видел в этой неожиданной и странной встрече торжество жизни, радости жизни. Он самый честный человек из всех, кого я до сих пор встречала.

Держа велосипед за руль, приятно уставшая, я медленно вхожу в город.

Вокруг все удивительно изменилось, будто ушла я отсюда много лет назад. Я не знаю, что именно изменилось, я это просто чувствую. Может быть, я сама изменилась, а не мир, который меня окружает. Но так или иначе, я счастлива.

Дождь усиливается. А я медленно иду по темным улицам города, и мне кажется, что я отомстила за все своему отцу, Роже, всем. Отомстила этому большому, сумасшедшему миру...

Ко мне подходит какой-то мужчина, он что-то говорит мне, предлагает куда-то пойти. И удивляется, что я не сержусь, но и никуда с ним не иду.

Хлещет дождь, он оmyвает землю. Я не пытаюсь укрыться и продолжаю идти так же медленно. Мои волосы совсем мокры, они спадают мне на лицо, и с них стекают струйки воды.

Счастливая и спокойная, я улыбаюсь ночному городу.

Я люблю дождь.

И мне хочется, чтобы в этом мире всегда шел дождь.

1960 г.

ОТ ПАРИЖА ДО ЛИОНА

За большим окном кафе появилась и исчезла красивая женщина. Гастон всегда мечтал жениться на красивой женщине, но из этого, увы, так ничего и не вышло. И сейчас, почувствовав себя очень несчастным, он спросил Жоржа:

— Ты знаешь мою жену?

— Знаю, а что?

— Так, ничего.

Втроем они вышли из кафе.

У тротуара стояла машина Гастона, их ждал шофер.

Машина отъехала.

Три товарища приехали в Париж по разным, может быть, и не очень важным делам. Но как можно упустить даже незначительный повод и не приехать в Париж?! Правда, и Лион большой город, но Париж — это другое дело!

Гастон еще раз посмотрел на улицы Парижа, где было много женщин в изящных туфельках на высоких каблуках. Если бы он не стыдился своих лет и своих товарищей, он сейчас вышел бы из машины и остался в Париже еще на один день.

И он почему-то вдруг сказал:

— Жена моя владеет пятью языками.

Да, очень многого не понимают его товарищи. Вот Жорж — прокурор, и его интересует только выражение лица людей. У него своя теория: преступника можно разоблачить по выражению лица, а не по его словам.

Рене — банковский чиновник, и, кроме своего банка и дома, он нигде не бывает. Он не любит делать поспешных выводов и избегает высказывать свое мнение. И оба они не понимают, что, помимо всего прочего, на свете существуют женщины на высоких каблуках и долг каждого мужчины, пусть даже ему этого не хочется, обращать на них внимание, занимать их. «Если бы мы больше уделяли внимания женщинам, у нас не оставалось бы времени совершать плохие поступки, — подумал Гастон. — Красота пробуждает в человеке благородство». Он хотел сказать это товарищам, но сказал совершенно другое:

— Завтра день рождения Жаклин, и мне обязательно нужно быть в Лионе. Только вот пока я не купил ей никакого подарка.

— А кто такая Жаклин?

— Ну... Как бы это сказать... В общем одна особа, к которой я не совсем равнодушен. Что бы такое купить, чтобы было оригинально и поразило ее, а?

Неожиданно машина остановилась. Товарищи вопросительно посмотрели на шофера. Тот указал рукой на тротуар.

Улица была пуста, а на тротуаре стоял какой-то чемодан.

— Нам-то что? — сказал Гастон.

— Потеряли, — равнодушно сказал шофер.

— Ну так что?

— Неужели такие люди, как вы, проедут мимо?

Товарищи сразу встрепенулись. Слова шофера были такими неожиданными, что они даже не заметили иронии, сквозившей в его тоне.

— Нужно непременно разыскать хозяина, — решительно сказал Гастон.

Минут пять они подождали — не подойдет ли кто-нибудь. Но никого не было.

Первым нашел выход Рене:

— Отвезем в полицию.

Когда машина подъехала к полицейскому участку и Гастон уже собрался выйти, шофер сказал:

— Напрасно, господа. Вас здесь продержат не меньше часа, будут расспрашивать.хлопотное дело. Могут даже заподозрить.

Гастон испуганно сел на место. Некоторое время товарищи молча раздумывали.

— Поехали обратно, на ту же улицу, — сказал Рене.

Там по-прежнему никого не было. Гастон собрался уже поставить чемодан на старое место, но тут опять послышался равнодушный голос шофера:

— Если уж что-то взято, то обратно ставить не следует. Придут, увидят чемодан, заподозрят неладное, станут копаться, кто тут был.хлопотное дело.

Гастон сунул чемодан обратно в машину.

— А знаете, у меня идея, — сказал Рене, и Жорж по его лицу понял, что тот очень доволен собой. — Откроем-ка чемодан и поглядим, что там есть. И уж тогда в зависимости от содержимого решим, как нам поступить.

Товарищи согласились и открыли чемодан, он даже не был заперт на ключ.

Все трое пришли от содержимого в восторг. Чемодан, конечно, принадлежал молодой женщине. В нем было несколько флаконов с духами, новые платья, тонкое, нежное дамское белье, от которого веяло чистотой, и две пары совершенно новых туфель. Больше всех разволновался Гастон. Он взял в руки белье, долго рассматривал и щупал его, а потом сказал то, что было остальным и так понятно:

— Это чемодан какой-то молодой девушки...

— Так что же будем делать? — прервал его Рене, задав, как всегда, самый логичный вопрос.

Гастон никогда не отличался сообразительностью, но сейчас, когда дело касалось этой загадочной незнакомки, он сразу же нашел выход:

— Давайте по дороге в каком-нибудь селе положим перед каждым домом по одной из этих вещей. Утром люди проснутся и увидят, что Дед Мороз принес подарки. Представляете, какая это будет картина! Мне бы даже хотелось быть там и все увидеть своими глазами.

Товарищи, немного поразмыслив, пришли к заключению, что это очень остроумно, и согласились.

Машина тронулась.

Они были преисполнены гордости от сознания, что получили возможность подумать о человеколюбии и сделать людям добро. Иногда это очень нужно. Хотя бы для того, чтобы успокоить собственную совесть. Настолько они были преисполнены этой гордости, что стали насвистывать «Марсельезу».

Вдали показалось первое село, редкие огни его постепенно гасли. Скоро там станет совсем темно, и это хорошо: никто их не увидит.

Одно только было обидно — никто не узнает, что это они совершили такой великолепный поступок. Их благородство пройдет бесследно. А хорошо, если бы об этом стало известно. Но, к сожалению, это так и останется их тайной. Оригинальной и красивой тайной. И, может быть, так даже лучше. Иногда приятно сделать что-нибудь хорошее так, чтобы никто не узнал. В таких случаях люди не высказывают своей признательности. И даже в том, что, идя по улице, чувствуешь себя незаслуженно неприметным, тоже есть своя прелесть.

Интересно, кто живет в этом селе?

Гастону представлялось, что там живут красивые женщины, которые умирают от сельской скуки и достойны жить в городе. Уже давно они не выезжали из села и живут лишь воспоминаниями о городе. На стенах у них висят картины с изображением большой площади или широкой улицы, по которой несутся автомобили, или женщины, одевающейся перед зеркалом. После того как они обнаружат утром свалившиеся с неба подарки, всю неделю они будут чувствовать себя счастливыми, и новых воспоминаний хватит на целый год.

Жоржу представилось, что в этом селе непременно живет кто-то очень талантливый, кому предстоит в один прекрасный день стать известным человеком. «Все великие люди рождаются в таких вот глухих уголках, — думал Жорж. — Впоследствии, в зените своей славы, этот человек вспомнит сегодняшний случай и скажет, что и в былые времена жили на свете добрые люди». Жаль только, что так он и не узнает имени ни одного из этих троих.

Рене... Рене не любил думать. К чему делать поспешные выводы или представлять себе что-то, чего не знаешь наверняка? «Обрадуются» — это была для Рене самая удобная мысль.

Машина въехала в село. Никого не было видно, вокруг темно. Товарищи вышли из машины и в темноте стали отыскивать дома.

Здесь, в этом мраке, на этой сельской улице, они вдруг почувствовали что-то необычайно приятное. То, что им предстояло совершить, показалось им очень значительным и более остроумным, чем казалось прежде. Они прониклись симпатией к жителям этого села, даже полюбили их, потому что они дают всем троим возможность наслаждаться мыслью, что они делают доброе и благородное дело.

Они подошли к одному из домов, и Жорж уже собирался открыть чемодан, когда за

изгородью залаяла собака. Другие собаки сейчас же ответили ей и, сбежавшись с разных сторон, окружили товарищей. Те стали разгонять их, швырять в них камни, но все было напрасно. Собаки, продолжая лаять, обступали их все плотнее и плотнее.

Послышался равнодушный голос шофера:

— Укусить могут.

Гастон испугался. Это вполне возможная вещь. Продолжая защищаться, он стал отступать к машине. Сев в машину, он выглянул. Его товарищи все еще продолжали сопротивляться. Они не слышали слов шофера.

— Укусить могут, — сказал Гастон.

Только теперь Жорж и Рене тоже поняли, какой опасности они подвергаются. С трудом пробившись к машине, они вскочили в нее и, наконец, смогли отдышаться.

Шофер даже не стал дожидаться распоряжений хозяина. Машина тронулась.

Собаки преследовали их до последнего дома. А потом, довольно помахивая хвостами, гордые тем, что одержали верх над цивилизацией, разбежались в разные стороны.

Машина поехала дальше.

Настроение товарищей испортилось. Они сидели угрюмые и не разговаривали.

Вдруг они услышали, что шофер стал насвистывать «Марсельезу».

— Раздадим в следующем селе, — как бы в ответ сказал Рене, и на сей раз этим решением был доволен не только он сам, но и его товарищи.

Шел дождь. Крупные капли ударяли в стекла машины. На темную дорогу падал молочный свет фар, и от этого все стало каким-то таинственным. В такую погоду еще эффектнее раздать содержимое чемодана. Обнаружить под дверью подарок после дождливой ночи куда интереснее, чем после обычной. «А почему бы не повторять такую вещь часто? — думал Гастон. — Это распространилось бы по всей Франции, и люди не знали бы, кто такое придумал. Это могло бы превратиться даже в хорошую традицию: незнакомые люди подносят друг другу подарки».

В этот момент у него появилось искреннее желание помогать людям. Может, это потому, что шел дождь, а на дорогу падал молочный свет машины. Молочный свет его машины. В этом Гастон видел определенный смысл. Он хотел сказать об этом товарищам, но с удивлением почувствовал, что не может. Он почувствовал, что почти никогда люди не могут высказывать друг другу хорошие мысли, потому что боятся показаться смешными.

Интересно, кто живет в следующем селе? Огни его уже виднелись в стороне от дороги.

Гастону представилось, что жители села в этот дождь притаились в своих домах и каждый занят своими думами. Все чувствуют себя какими-то очищенными, омытыми, потому что идет дождь. Многие, вероятно, очень, хотят сейчас совершить какое-нибудь добро, помочь кому-нибудь. Даже горожанам. Ведь и в городе люди недовольны жизнью. На этот раз Гастон не чувствовал гордости и радости от мысли, что они раздадут содержимое чемодана. Сейчас это казалось ему вполне естественным, обыденным. Так и должно быть.

А Жорж думал о том, что в такую погоду всегда совершаются преступления и полиции трудно бывает раскрыть их. «Чем меньше будет дождей, тем людям будет легче», — думал он.

А в голове Рене промелькнула все та же мысль: «Обрадуются». И больше он уже ни о чем не думал.

Машина свернула в сторону и въехала в село.

В некоторых домах за занавесками окон виднелись силуэты людей. В одном доме сидели за поздним ужином. («Перед сном ужинать вредно», — подумал Рене.) В другом доме играли в карты и пили вино. («Будет драка», — подумал Жорж.) В третьем доме за занавеской виднелась тень раздевающейся женщины. («Мужа не любит, несчастлива», — подумал Гастон.)

Машина остановилась. Товарищи уже собрались выйти, когда послышался равнодушный голос шофера:

— Промокнете.

Товарищи в недоумении посмотрели на шофера. Дождь лил, как из ведра, он даже заглушал шум мотора. Вокруг была грязь и лужи!

— У меня ревматизм, — вспомнил Гастон, и ему стало обидно, что исчезли те хорошие мысли, которыми совсем недавно была переполнена его голова. Виноват в этом, конечно, шофер. Он всякий раз говорит что-нибудь такое, что мешает им. Гастону захотелось ответить шоферу чем-нибудь резким, но он не смог. По сути дела, шофер был прав, и обвинять его не в чем.

— А у меня хроническая болезнь, — сказал Жорж, и никто не догадался спросить, какая это болезнь. Жорж и Гастон смотрели на Рене с надеждой, что он опять подскажет что-нибудь разумное.

— В следующем селе, — решительно сказал Рене.

Пассажиров тряхнуло — машина двинулась.

Они опять проехали мимо тех же домов. Ужин уже кончился. Игра в карты еще продолжалась, и игроки жестикулировали больше прежнего. А женщина, та, что раздевалась, уже спала, света в ее окне не было.

«Противная штука этот дождь, — подумал Гастон, — сейчас начнутся ревматические боли».

И опять послышалось, как шофер насвистывает «Марсельезу».

Дождь прекратился.

Товарищи были полны решимости во что бы то ни стало раздать содержимое чемодана. Теперь уже они хотели сделать это в пику шоферу.

Когда в стороне от дороги показались огни еще одного села, все трое опять задумались: кто же там живет? Но на этот раз никому не хотелось заниматься догадками. Только Рене высказал вслух свою постоянную мысль — он не хотел, чтобы она пропала даром:

— Обрадуются.

Машина свернула к селу. Гастон уже даже чуть-чуть приоткрыл дверцу. Это придало ему уверенности. «Плохо правит, — подумал он о шофере, — уволю я его».

Не доехав до села, машина вдруг остановилась.

— В чем дело? — сердито спросил Гастон.

— Речка тут разлилась, — сказал шофер, — мотор может заглохнуть.

Наступила тишина. Гастон машинально закрыл дверцу.

— Хотите, попробую проехать? — сказал шофер.

Жорж и Рене на этот раз были спокойны. Все это их не касалось. Машина принадлежала Гастону, пусть он и решает.

Гастон с неприязнью смотрел на шофера. А тот равнодушно ждал.

Тогда Гастон почему-то вдруг вспомнил все свои горести: поседели виски; нет подходящего гаража для машины; дела в магазине идут не так уж ладно — по соседству открылся другой парфюмерный магазин, и он переманивает покупателей; и еще — Гастон всегда мечтал жениться на красивой женщине, но из этого так ничего и не вышло.

— Хотите, попробую проехать? — повторил шофер.

— В следующем селе, — пробормотал Гастон.

Никто его не слышал.

— Что вы сказали? — спросил шофер.

Гастона охватила ярость, но пришлось все же повторить немного громче:

— В следующем селе.

Машина развернулась и пошла дальше.

Гастон сидел мрачный, а два его товарища весело беседовали.

— А помнишь, — говорил Рене, — в прошлый раз Роже Паскуаль во время исполнения арии Каварадосси упал? Мне кажется, опера — устаревший вид искусства.

— В следующем селе! — неожиданно взорвался Гастон и побагровел от злости.

К счастью, в следующем селе не было ни дождя, ни разлившейся речки, да и собаки были не столь враждебно настроены к цивилизации.

Товарищи взяли чемодан и вышли из машины. Они заметили, что перед одним из домов сидит крестьянин. Завидя их, крестьянин вошел в дом, погасил свет. Потом снова вышел и сел на прежнее место.

Товарищи решили пройти чуть дальше, чтобы не раскладывать содержимое чемодана при этом человеке. Они отошли на порядочное расстояние и остановились перед следующим домом. Но, прежде чем открыть чемодан, они обернулись и увидели, что крестьянин поднялся со своего места и подошел к машине. В луче фар был виден его гигантский рост. Он наблюдал за ними.

Им ничего не оставалось, как вернуться обратно. Рене не смог сдержать себя и выругался.

— Что вам нужно? — спросил крестьянин. Он страдал бессонницей и поэтому обычно сидел по ночам перед домом.

Товарищи не ответили. Что они могли сказать ему?

— Что вам нужно? — повторил крестьянин.

— Ничего, — ответил Гастон.

— Если ничего, зачем же вы приехали?

— Мы из города, — сказал Рене, будучи уверен, что такое пояснение их выручит.

— Зачем же вы приехали из города? Я знаю, вы не с добром приехали. Вчера тоже одни приезжали, купили бочку вина и уплатили фальшивыми деньгами.

— Мы не из таких, — промолвил Гастон и замолчал, не зная, что бы еще сказать.

— Если станете много говорить, спущу собак, — пригрозил страдающий бессонницей, злой на все крестьянин. — Эй, Жано, вставай-ка, гони этих!

Товарищи в испуге попятились и сели в машину, а крестьянин все стоял в луче фар.

Машина опять выехала на шоссе. Село осталось позади. Позади остался и крестьянин со своей бессонницей и полученными вчера фальшивыми деньгами.

Все трое молчали. Они были угрюмы и устали.

«Бочка вина стоит самое большее шесть тысяч франков, — думал Гастон. — Можно было бы собрать эти деньги и дать крестьянину. Жорж дал бы три тысячи, Рене — две тысячи и я бы тоже две... Но это составило бы семь тысяч. Больше, чем нужно. Я мог бы дать тысячу франков. Конечно, было бы неплохо сделать так».

Еще некоторое время товарищи пребывали в испуге и напряженно чего-то ждали. Шофер снова стал насвистывать «Марсельезу».

«Машину все время болтает, — подумал Гастон. — Плохо правит».

Вскоре все трое крепко уснули.

Рене спал спокойнее остальных. Жорж храпел. А Гастон во сне улыбался, ему, видимо, снилось что-то приятное. Только под утро он проснулся, поглядел в окно и увидел, что вдали мерцают огни какого-то села. Но он ничего не сказал товарищам и снова уснул.

Утром въехали в Лион.

Сегодня почему-то город показался товарищам особенно большим и красивым.

Они сразу оживились и самодовольно заулыбались. Никогда они не встречали свой город так радостно.

Машина ехала по широкой улице.

Магазины уже открылись, сквозь двери и витрины были видны первые покупатели. Газетчики что-то громко выкрикивали, стараясь, чтобы их голос был слышен повсюду. Они не знали, что в большом городе ничей голос не слышен, даже если он очень зычный и даже если вокруг тишина. Расхаживали полицейские, по их свежим лицам было видно, что они хорошо выспались.

— Хорошо жить в большом городе, — вдруг сказал Гастон и, довольный, вытянулся на

сиденье.

Товарищи понимали, что в таком хорошем настроении было бы глупо ехать прямо домой.

— Заглянуть бы в кафе, — предложил Рене.

Через несколько минут машина подъехала к кафе. Товарищи собирались выйти, когда шофер остановил их и равнодушно указал пальцем на чемодан.

— А это?

На лицах товарищей появилась кислая мина.

Они снова сели. Жорж положил чемодан себе на колени.

Они были растеряны и не знали, что делать. Жорж почему-то открыл чемодан, и все трое стали молча смотреть на содержимое. Настроение у них еще больше упало. Ведь они стояли у кафе и не могли войти в него.

Вдруг Гастон улыбнулся.

— Я бы ничего не имел против подарить что-нибудь отсюда Жаклин.

Рене и Жорж немного помолчали, поразмыслили, потом тоже улыбнулись.

Гастон стал перебирать сложенные в чемодане вещи. Он искал что-нибудь подходящее. Духи, туфли, платья казались ему обыденными. Товарищи подавали советы, но Гастон их не слушал. Он уже решил. В чемодане было шесть пар треугольных дамских трусов. Он молча взял их и рассовал по внутренним карманам пиджака.

— Я подарю ей тайком от других. Приятный будет сюрприз.

— Очень пикантный подарок, — сказал Рене.

— Я тоже был бы не прочь отнести что-нибудь жене, — промолвил Жорж. — Ведь домой возвращаемся без сувениров. И, откровенно говоря, нет настроения выслушивать упреки жены. Я думаю, и ты, Рене, неплохо сделаешь, если что-нибудь возьмешь.

— Пойдите, пойдите, — перебил его Гастон. — Я и забыл, что у меня тоже есть жена. Так что и мне нужно что-нибудь еще взять.

Три товарища с сосредоточенными лицами перебирали содержимое чемодана. То, что каждый считал подходящим, брал и клал в карман или в портфель.

Разделив между собой все содержимое чемодана, они, удовлетворенные и спокойные, собрались выйти из машины, и вдруг их остановил все тот же бесстрастный голос шофера.

— Что еще? — рассердился Гастон.

Шофер равнодушно указал пальцем на пустой чемодан.

— А это?

Товарищи на мгновение растерялись.

— А это ты возьми себе, — сказал Гастон.

— Мне не нужно, — ответил шофер.

Гастон рассердился еще больше, но ничего не смог сказать.

— Ладно, положи в багажник. Может пригодится.

И тут он с удивлением почувствовал, что не сможет уволить шофера, хоть сделать это было очень просто.

Три товарища весело и оживленно, на этот раз сами насвистывая «Марсельезу», вошли в кафе.

— Три рюмки коньяку! — громко сказал Гастон.

1960 г.

Из книги «Война»

ЗА ПАРИЖ

Другу Роберту Мергеряну

Город пуст и безлюден. Город, называвшийся когда-то Парижем. За эти несколько дней город устал и постарел. Молчат дома, в неловкости за свою бессмысленную высоту.

Пустота и безлюдность вызывают ощущение, что город построен из картона и стоит только подуть — он рухнет.

Безлюдность удлинила улицы, и кажется, будто в испуге спешащие куда-то редкие прохожие блуждают в хорошо им знакомом городе.

Самыми беспомощными выглядят памятники. Они словно сникли и хотят сказать, что гениев больше нет, нет величия, нет города. И что теперь сами они тоже бессмысленны, даже смешны.

С удивлением смотрит Эйфелева башня со своей высоты, почему никто не восхищается ею. Она тоже чувствует себя усталой и постаревшей.

Каждому кажется, что в этом городе живет только он один, только его семья. Знакомые больше не встречаются друг с другом. И все с ужасом думают о том, что Париж, может быть, никогда в действительности и не существовал. Что это был только сон. Мираж.

Так началась для Парижа война.

Лишь в кафе старины Жюльена ничто не переменялось. Все здесь осталось по-прежнему. Но Жюльен знал, что в действительности это не так. Те двенадцать, что каждый день появлялись здесь, были симпатичны Жюльену, он всегда оживлялся при виде их. А однажды, когда на соседних улицах появились листовки, он самодовольно ухмыльнулся и, несмотря на свою скаредность, разрешил жене поджарить к обеду мясо.

Было уже восемь. Жюльен знал: сейчас по одному начнут сходитьсь двенадцать товарищей. Пока не собирались все, никто не притрагивался к ужину.

Так было и сегодня. Но вот, наконец, все в сборе, и один из них подал Жюльену знак рукой. Тот ответил кивком и еще раз пересчитал собравшихся. К его удивлению, их оказалось тринадцать. Жюльен растерялся, но только на один момент, он тут же понял все и лукаво улыбнулся. Конечно, у них опять нет денег, и они хотят, чтобы Жюльен вписал сегодняшний счет в книгу долгов. Они знали, что старина Жюльен суеверен и, подобно многим другим, не любит число тринадцать, считая, что оно приносит лишь одни несчастья. И в те дни, когда их карманы бывали пусты, они находили кого-нибудь на улице и, пообещав накормить и напоить, приводили в кафе.

— Ну ладно, — сказал Жюльен, сделав вид, что рассержен. — Так уж и быть, сегодня тоже накормлю.

Жюльен, угрюмый старик огромного роста, с большими волосатыми руками и нависшими над глазами мохнатыми бровями, выглядел очень смешно, когда он пытался ласково смотреть на посетителей своего кафе. Он слыл человеком скаредным, и было удивительно, как это он поддавался уговорам этих двенадцати и отпускал им ужин в долг.

Жюльен был необычайно высок, и именно поэтому немцы, особенно те из них, кто был среднего и низкого роста, не имея даже оснований к подозрению, задерживали его на улице и проверяли документы. Видимо, их оскорблял рост этого человека. А Жюльен гордился этим и в своем блокноте записывал, сколько раз его задерживали на улице. Четырнадцать раз. А это равносильно, скажем, тому, как если бы он убил четырнадцать немцев.

Он был горд тем, что в его кафе еще жив Париж и что ему удалось его сохранить. Он хотел, чтобы и все другие умели так же оберегать Париж. Чтобы Париж по кусочкам сохранялся в углах квартир, под крышами домов, в сквернословии мясника, в запрятанных французских газетах. А он навсегда сумеет сохранить свой город вот в этом кафе, даже вот в этом вине, которое было таким французским.

Ему казалось, что между этими двенадцатью и им существует какая-то невидимая связь, о которой никто, кроме него, не знает, не знают даже и они — двенадцать товарищей. От этого все вокруг становилось таинственным и красивым и переполняло Жюльена гордостью.

Жюльен подошел и поставил перед ними тарелки с ужином. В какой-то момент он все же пожалел, что делает это бесплатно, — книге долгов он не верил. Теперь ничему нельзя

верить. Но потом, махнув рукой, сказал:

— Смотрите, в следующий раз не испугаюсь тринадцати. Суеверие — глупая штука.

Товарищи будто ждали повода рассмеяться. Старина Жюльен было обиделся, но потом улыбнулся и сам, продолжая подавать ужин своими большими волосатыми руками. Только незнакомец, тринадцатый, никого не слушал, а сосредоточенно ел.

Если бы кто-нибудь знал друзей только по кафе, он не поверил бы, что в жизни это совсем другие люди — серьезные и задумчивые, хмурые и неразговорчивые, они лишь вечерами меняются, становятся веселыми и шумными.

Каждый из них по-своему понимал и чувствовал Францию. И каждый сражался за нее по собственным, только ему известным причинам. И тоже по-своему.

Шарль давно, еще со школы, мечтал стать художником. Но, как это обычно в большом городе случается, человек, мечтавший стать художником, сам даже и не осознает, как и когда он стал часовщиком. Однако Шарль не забыл о своей мечте. И начал собирать репродукции картин своих любимых художников. Больше всех он любил Мане и его картину «Бар в Фоли-Бержер». И сейчас, когда началась война и немцы захватили Париж, Шарль вдруг почувствовал, что теряет что-то самое дорогое. Это был не Марсель, не Лувр, Лион или Париж: один человек не может вместить в себя такую огромную потерю. Шарль почувствовал, что теряет Мане, что нужно защищать Мане. Всю Францию он видел в Мане. Свою копию с «Фоли-Бержер», которую он купил в Лувре, он спрятал в самую глубину подвала. И в эти опасные дни он не спускался туда посмотреть на нее. С одной стороны, он боялся, что в этот момент в его дом могут войти, с другой стороны, он не хотел видеть картину, что никак не соответствовала этим дням. Кончится война — тогда он достанет ее из своего подвала. Лишь одно беспокоило Шарля. С каждым днем он понемногу забывал «Фоли-Бержер», он уже не мог четко ее представить себе, картина в его памяти тускнела и угасала. Но Шарль никому не рассказывал о своих мыслях. Он был уверен, что никто не поверит, не поймет его. Над ним просто посмеются, и только.

Самым младшим из двенадцати товарищей был Жерар. Ему было не более семнадцати лет. Даже в эти дни войны он не переставал заботиться о своей одежде и причёске, хорошо одевался. Он и сам не понимал, что своей элегантностью невольно утверждал простейшую истину — эти дни неестественны для нашей планеты, люди должны жить иначе, среди них должны быть и семнадцатилетние.

У Жерара была своя тайна.

Каждое утро, выйдя из своей квартиры, он останавливался на лестнице и ждал, пока не откроется дверь этажом выше и не появится на лестнице соседская девушка. При ее появлении Жерар краснел и не осмеливался взглянуть наверх. И это несмотря на то, что каждый день перед тем как выйти из дома, он решал обязательно посмотреть наверх, потому что оттуда, где он стоял, были видны ее стройные бедра. Он стыдился думать об этом, стыдился своего мальчишеского желания, и все же ничего не мог с собой поделать и снова решал посмотреть, посмотреть хоть раз. Но каждый раз его голова будто каменела, он застывал на месте, пока девушка не проходила мимо. Только после этого он спускался, твердо решив, что на следующий день будет смелее.

Жерар не был близок ни с одной женщиной. Ему было не больше семнадцати лет. Но он любил их, любил какой-то удивительной любовью, любил как семнадцатилетний юноша, и как брат, и как мужчина, которому надлежит защищать слабый пол. И Францию он видел в девушках Парижа, воевал за девушек большой улицы и этим защищал Францию.

В этот день старина Жюльен кормил их курицей. Все шумно, со смехом и шутками расправлялись с ней. Только один из двенадцати, удивительно красивый юноша, ел курицу вилкой, не спеша, аккуратно. Это был Робер, самый богатый среди двенадцати. Его отец был фабрикантом, и он с детства приучил сына всем говорить «вы». Вот это-то «вы» и мешало ему всю жизнь. Оно не давало ему возможности иметь закадычных друзей. Он и на все в жизни смотрел с точки зрения этого «вы». Лишь однажды только одному человеку он сказал «ты». То была высокая белокурая девушка Джильда. Именно ее и полюбил Робер. Отец был против

их брака, потому что Джильда была дочерью учителя. И Роберу захотелось восстать против всего, чему он говорил «вы». А для этого нужно было уйти от отца, нужно было навсегда отказаться от завода, богатства и любить Джильду такой, какая она есть. И он ушел из дома. И с того дня, несмотря на то, что по старой привычке даже к любимой девушке он продолжал обращаться на «вы», она стала для него самой настоящей «ты».

Робер и Джильда перенесли много трудных дней, целый год жили в мансарде. И единственной радостной минутой была та, когда в самое тяжелое для Парижа время Робер нашел хорошую работу в бакалейном магазине в предместье. Как раз в тот день немецкие самолеты бомбили предместья города, но он не смог удержаться, радостный выскочил из магазина и побежал домой. Бежал он с быстротой, на которую только хватало сил, и ему казалось, что это не бомбежка, а артиллерийские салюты в честь 14 июля. Он добежал до их дома и хотел еще снизу крикнуть Джильде, но... Он с ужасом смотрел вверх. Крыша была разрушена. Возле дома собрались незнакомые люди и что-то делали. Робер, запыхавшись, взбежал наверх и беспомощно замер на пороге комнаты. Одна часть комнаты осталась нетронутой, словно в насмешку, здесь царил полный порядок. А другая часть комнаты была засыпана обломками крыши, и все тут было перевернуто. Джильда лежала в той нетронутой и чистой части комнаты, и от этого еще больше чувствовалось, что она мертва. В руке она сжимала коробку спичек, видимо, собиралась зажечь керосинку.

Робер почувствовал, как спазмы сжали горло. Ему хотелось громко плакать, рыдать, кричать, ругаться. Но он молча стоял окаменев, и только слезы катились по его щекам и падали на пол. Там, на полу, капли слез сейчас же смешивались с пылью и исчезали. Будто хотели сказать, что война никому не сочувствует, даже смеется над всем, что так естественно на нашей планете.

Робер медленно подошел к Джильде, достал из кармана сигарету, лицо его стало строгим, мрачным. Он нагнулся, взял из руки Джильды спички и зажег сигарету...

И теперь этот человек, который ел курицу ножом и вилкой, этот удивительно красивый, мужественный юноша, который и сейчас, если бы с ним заговорил товарищ, сказал бы ему «вы», видел Францию в крышах Парижа и во всех живущих под крышами людях. А они были той частью города, где не существует «вы», где все просто и ясно, где каждая вещь, даже если назовешь ее на «вы», все равно зовется на «ты».

Среди этих людей был и один немец, Ганс. Казалось странным, что он попал в число этих двенадцати. У всех были свои причины, которые заставили их сражаться и которые объединили их в то, что называется Францией. А что делал этот человек, который, казалось, каждую минуту готов был покраснеть, устыдиться и ждал, что его выругают? Он стыдился потому, что был немцем. Ему было очень тяжело от того, что сейчас немцы враги всего мира, что все их не любят. Он держал себя с товарищами так, будто в этом была и его вина. И почему-то надоедливо лънул к ним и все время читал им что-нибудь из немецких поэтов, просил слушать немецких композиторов. Люди понимали его и выполняли его желания.

Но почему этот человек воевал за Францию, за Париж? Он это делал для Германии. Во Франции и в Париже он видел Германию. Он воевал против Германии за Германию. И ему казалось, что этим он хоть немного, совсем незначительно искупает вину своей родины...

Среди двенадцати товарищей был только один, о котором никто ничего не знал. Он молчаливо участвовал в шутках, слушал и иногда улыбался. Он был загадкой для остальных. Много раз друзья пытались вовлечь его в разговор, но напрасно. Не то чтобы он хотел что-то сказать и скрывал, он просто был неразговорчивым человеком.

Об этом человеке знали только одно — зовут его Морис. Даже фамилии его никто не знал. В эти дни многое казалось лишним, показным, даже фамилия. Одного имени было достаточно. Во всяком случае, до сих пор его фамилия никому не понадобилась. Итак, значит, Морис...

Во время ужина старина Жюльен стоял рядом с их столом. Будто бы просто так наблюдал, как они едят. Но нет. Он жалел, что кормит их бесплатно. А когда стоял рядом, ему делалось вроде бы легче. Товарищи чувствовали это, подмигивали друг другу и с трудом

сдерживали смех.

Когда кончили ужин и Ганс прочел отрывок из Гёте, товарищи поднялись и по одному стали выходить из кафе. Старина Жюльен провожал их ласковым взглядом, который так не вязался с его огромным ростом и мохнатыми суровыми бровями. И все же перед уходом последнего он не смог не сказать:

— Следующий раз не испугаюсь тринадцати. Суеверие — глупая штука.

А тринадцатый, который так и не понял, почему его пригласили и бесплатно накормили, весело шел домой и думал о том, что война вещь очень странная. Ничего в ней нельзя понять.

В этот день все двенадцать были необычно веселы. Именно поэтому старина Жюльен сумел побороть свою скарედность и убеждал себя в том, что остался доволен, накормив их бесплатно. Он не знал, что завтра их ждал трудный день. Они должны были подорвать один из немецких складов с боеприпасами.

Это-то и было причиной их необычной веселости, ею они хотели заглушить в себе страх.

Когда друзья расстались и пошли по домам, они опять были и молчаливы и хмуры.

На следующий день, когда Жерар вышел из своей квартиры, он испытывал и страх и гордость. Он был в восхищении от того, что его ожидал опасный день. Он даже не понимал, что такое состояние ему невыгодно: оно снова доказывает, что ему не больше семнадцати лет.

Сегодня он имел право взглянуть наверх, увидеть стройные бедра соседки. Сегодня он уже не чувствовал того скрытого стыда, который до сих пор заставлял его смущаться. И девушка сегодня не рассердится, если заметит его взгляд. Ему казалось, что все знают, какая опасность ожидает его через несколько часов.

Но сегодня произошла удивительная вещь. Вместо того чтобы спускаться сверху, девушка поднималась по лестнице с нижнего этажа. Она как будто спешила. Как только заметила Жерара, замедлила шаги и остановилась на несколько ступенек ниже.

— Вы сегодня ошиблись. Рано вышли, — улыбнулась девушка. Жерар удивленно смотрел на нее. — Я всегда спускаюсь на полчаса позже. Забыли? — Она поднялась на несколько ступенек. — Здравствуйте.

— Здравствуйте... — смутился Жерар.

Девушка засмеялась, быстро поднялась на свой этаж и уже оттуда сказала:

— Я скоро спущусь.

Жерар стоял в растерянности, не понимая, что произошло. Потом он спустился и стал ждать на улице.

Скоро девушка вышла из подъезда.

Вместе они шли по пустынной улице, не спрашивая, куда идет другой. И при виде этого огромного молчаливого города, этих пустынных улиц им вдруг показалось, что никого, кроме них, в этом мире не существует, только они вдвоем. И что знают они друг друга очень давно. Они неожиданно почувствовали себя очень близкими, и девушка сказала:

— Меня зовут Жаклин...

— Я каждое утро жду вас...

— Почему?

— Не знаю. Просто.

— А я знаю. Но вы смешной парень. Сейчас никто не тратит времени на то, чтобы ждать, когда спустится соседка.

— Вы тоже смешная девушка. Сейчас никто не заметит, что сосед, живущий этажом ниже, ждет вас.

Девушка не ответила. Они молча шли по пустынной улице. Прошел какой-то человек, и его появление еще сильнее подчеркнуло пустоту улицы.

— Я каждый день у себя в комнате слышу ваши шаги. А вы, наверно, даже и не подозревали об этом.

Девушка засмеялась.

— Над вами живу не я. Я в квартире рядом. А над вами живет одна старуха.

Жерар смутился, но все же ответил:

— Это неважно. Я считал, что это ваши шаги.

— Вы очень смешной парень. Не такой, каким я вас представляла.

— А каким вы меня представляли?

— Не знаю. Но не таким.

Жерара это несколько обидело и в то же время рассердило: наверно, он ведет себя не так, как нужно. Он захотел было рассказать о том, что ему предстоит сделать через несколько часов, и это подняло бы его в глазах девушки.

— Вам не кажется, что Париж принадлежит только вам? — услышал он голос девушки.

— Да.

— И мне. — Девушка стала серьезной и грустной. — Наверно, всем так кажется. Даже немцам. Когда кончится война, я целую неделю буду бродить по улицам. Я хочу почувствовать, что Париж не только мой. Вот тогда можно будет сказать, что Париж есть, что он снова существует... Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Нет, не понимаете. Я всегда плохо говорю. Но я чувствую слова, чувствую свои мысли.

— Меня зовут Жерар, — почему-то вдруг сказал он, и ему показалось, что сейчас это очень естественно и что сейчас самое время сказать об этом.

— Знаете, — сказала девушка, — может, именно таким смешным я и представляла себе вас. Может, мне даже хотелось, чтобы вы были смешным. Если бы вы были серьезным, я бы сейчас не шла с вами. Вы бы мне напоминали тогда о том, что я и сама знаю, но часто забываю, — что сейчас мало хлеба, трудно достать уголь... Что за керосином очередь... Что война... А куда мы идем?

— Разве не все равно? — голос Жерара чуть-чуть дрогнул, и он неуверенно протянул руку к волосам девушки.

Девушка остановилась. Она сказала:

— Не нужно... Не смотрите так... На пустой улице... Если бы были люди, я бы не стеснялась... А сейчас стыдно... Никто нас не видит...

Жерар растерялся и убрал руку. Его испугали слова девушки.

— Я должна идти, — сказала девушка.

— А когда мы встретимся? — спросил Жерар. Он нетерпеливо смотрел на нее.

— Поднимитесь вечером ко мне... Я живу одна...

Она повернулась и быстро пошла. Жерар долго смотрел ей вслед, пока девушка не скрылась совсем.

Возможно, это был самый счастливый день в его жизни. И Жерар был весел, безгранично весел и чуточку горд тем, что он смешной парень.

Старина Жюльен сидел за столом и занимался счетами своего кафе. Он внимательно просматривал записи в книге должников. Так продолжаться не может. Половина Парижа ему должна. Нужно быть решительным. Как только появится первый должник, он подойдет и строго скажет, что это не благотворительное заведение.

Но, как ни странно, во всем этом было все же что-то приятное: аромат мирных дней.

Жюльен остановил жену, которая несла посетителям обед.

— Почему так много мяса?

— Мы всегда столько кладем.

— То было до войны. Если каждому давать столько мяса, мы разоримся. А кому это нужно? Ни нам, ни посетителям. Ведь у людей должно быть какое-то место, куда они могут прийти и отдохнуть...

Вдруг Жюльен что-то услышал. Он отошел от жены и, широко раскрыв глаза, стал со страхом прислушиваться.

— Наверно, сегодня же их расстреляют.

— Но как это они не смогли убежать? Хоть бы одному из двенадцати удалось спастись.

— Улицы сразу перекрыли.

— Хорошо, что хоть склад взорвали.

Посетители заметили, что старик их слушает, и в испуге умолкли.

А Жюльен никак не мог поверить тому, что услышал. Теперь он уже ни о чем не мог думать. Его огромная фигура с волосатыми руками точно окаменела, и ему казалось, что он никогда не сдвинется с этого места, никогда не заговорит. Эти люди лгут. Они не понимают, как важно, чтобы все это было ложью.

Ему казалось, что в кафе вдруг сразу стало пусто. И чем больше в нем было посетителей, тем более пустым казалось оно. Сейчас здесь их было не двенадцать, а восемь или семнадцать, двадцать три, тридцать...

Один из посетителей подошел к нему.

— Сколько я должен уплатить?

Жюльен бросил на него удивленный, ничего не понимающий взгляд и не ответил.

— Сколько я должен уплатить? — повторил посетитель.

Это был для Жюльена новый и, может быть, более сильный удар.

— Не слышите, что ли?! — посетитель был нетерпелив.

Жюльен отвернулся от него и посмотрел в зал, на сидевших там людей. Ему казалось, что он виноват и перед собой и перед теми двенадцатью.

— Послушайте, я же не шучу. Сколько я должен уплатить? — откуда-то издали услышал Жюльен голос посетителя.

Он посмотрел на этого человека и, не сумев сдержать себя, с отчаянием крикнул:

— Бесплатно кормлю, всех!..

Потом рассерженно повернулся в сторону жены:

— Разве можно класть так мало мяса?! Разве...

Он хотел сказать еще что-то, но почувствовал, что не может, и что его огромное тело задрожит, и он, как ребенок, разрыдается перед этими незнакомыми людьми, перед этими восемью, семнадцатью, двадцатью тремя, тридцатью...

Друг возле друга перед большой толпой стояли Шарль, Жерар, Робер, Ганс, Морис... Все они понурили головы. Только голова Жерара была высоко вскинута, волосы растрепаны, а на щеках застыли капли слез. Он слышал в себе какую-то музыку и сам как бы слился с этой музыкой, и не только он, но и все, что было вокруг, — люди, небо, каштаны. И он не мог не быть семнадцатилетним...

Толпа все увеличивалась.

Почему-то она радовала этих двенадцать. И в то же время удивляла. Они словно забыли, что в Париже столько людей. Они смотрели на собравшихся, и лица всех казались им поразительно знакомыми.

Шарль хотел почувствовать страх, ужаснуться смерти. Но он окаменел и ничего не понимал. Он попытался вызвать в памяти какие-нибудь события, которые ему были дороги. И тоже не смог. Воспоминания громоздились, цеплялись одно за другое и путались. Ему показалось, что он не имел прошлого, что вся его жизнь была сном без событий, без воспоминаний. И вдруг вместо всего этого он до боли ясно представил себе картину Мане. Ту картину, которую постепенно, изо дня в день забывал и так боялся забыть. И почему-то сейчас, совсем не к месту, он очень ясно увидел перед собой эту картину.

...Фон — огромное зеркало. В нем отражается веселящаяся парижская толпа. Перед зеркалом стоит буфетчица, грустная, меланхоличная парижанка. По-видимому, она совершила какой-то поступок и сейчас думает о нем с сожалением. В зеркале видна и спина этой девушки и лицо какого-то мужчины. Этот мужчина, видимо, нравится ей, но она знает, что ей не избавиться от мучительных мыслей, она знает, что ей многие могут нравиться, многое ей может хотеться в жизни, но она не в силах забыть, что ее место здесь, что она не имеет на все это прав. А на фоне — парижская толпа ликует в Фоли-Бержер и не замечает грустную,

меланхоличную парижанку...

А Робер вспомнил случай из своего детства. Как-то он не хотел идти в школу и заранее, с вечера стал жаловаться на то, что у него болит палец. Даже плакал. Отец перевязал ему больной палец, согласился, чтобы он не пошел на уроки, и Робер, счастливый, уснул. Утром, когда он проснулся, отец спросил, перестал ли болеть палец. Робер схватился за перевязанный палец и начал стонать. Тогда отец побил его и послал в школу: ночью он снял повязку и перевязал Роберу другой палец...

Робер хотел улыбнуться. Он и сам не знал, почему ему вспомнился этот случай. Но вместо улыбки на лице получилась гримаса.

Вдруг ему показалось, что в гуще толпы он различает отца. Робер давно не видел его. Он проникся неожиданной лаской к старому затерявшемуся среди людей отцу и, вместо того чтобы думать о себе, стал жалеть отца. Он хотел крикнуть, что прощает его, хотел просить, умолять, чтобы он понял его, понял всех их, чтобы он оставил свою прежнюю жизнь, покинул свой город. Он хотел добавить и еще одно: чтобы он ушел отсюда пешком, непременно пешком. Но он ничего не сказал. Он знал, что это не отец, а какой-то совершенно незнакомый человек. Тогда Роберу захотелось больше не видеть ничего, закрыть глаза. Он обратился к одному из немцев:

— Вы... Вы не дадите мне что-нибудь, чтобы завязать глаза?

Он сказал это, и ему стало досадно. Опять «вы». И теперь его мучала единственная вещь — что так он и умрет, не исправившись...

Немецкий офицер подошел к Гансу и с презрением спросил по-немецки:

— В вашем роду не было смесей? Видимо, какая-нибудь подлая раса замешалась в ваш род.

Ганс тоже с презрением глянул на офицера и ответил по-французски:

— Я чистокровный немец.

Потом повернулся к своим французским товарищам и сказал по-немецки:

— Вы ведь знаете все, что я чистокровный немец.

— А кто среди вас коммунист? — спросил немецкий офицер.

Никто не ответил.

— Мы знаем, что среди вас есть один коммунист.

В строю посмотрели друг на друга. Никому из них не было известно, кто среди них коммунист. Может быть, такого вообще нет. Может быть, это просто уловка.

— Все равно мы узнаем. Напрасно скрываете. Вы подводите этим ваших же товарищей.

Послышался истерический смех Робера. Перед смертью эти слова немца казались глупыми и бессмысленными.

Вдруг из строя вышел Морис, тот молчаливый человек, о котором никто ничего не знал. Он спокойно подошел к немцу.

— Я.

Товарищи, опешив, смотрели вслед Морису, которого уводили немцы.

Если бы долгие годы им читали лекции о коммунизме, возможно, они не были бы для них достаточно убедительными. А этот молчаливый человек, спокойно вышедший из строя, худой, даже костлявый, со своей улыбкой, которая иногда озаряла его лицо, когда другие шутили, сказал им значительно больше и значительно больше доказал. И всем им вдруг показалось, что они всегда любили коммунистов, всегда понимали их...

«Жаклин сейчас ждет», — думал Жерар. Сейчас в ее комнате, наверно, задернуты занавески, и она сидит в полутьме и ждет его. Это мучило Жерара больше всего. Он вошел бы к ней в комнату, ничего бы не сказал. Жаклин тоже молчала бы. Потом Жерар обнял бы ее и поцеловал. И вдруг Жерар испугался своего ощущения — он был счастлив. Счастлив потому, что знал, был уверен — свершилось то, о чем он мечтал всю жизнь: он уже вырос. Вырос вот сейчас, в эту минуту. И только теперь он пожалел, что умрет. Он хотел крикнуть, объяснить

людям, просить, умолять, убедить их в том, что он хочет жить. Но он знал, что, если бы он так поступил, он перестал бы чувствовать себя взрослым, опять стал бы мальчишкой, которому не больше семнадцати лет.

И, гордо затаив в себе эту тайну, он услышал, как звучавшая в нем музыка усилилась, окрепла, и не от страха, а от радости, что он почувствовал себя взрослым, и от волнения, охватившего его, он высоко поднял голову и заплакал...

Раздался ружейный залп.

Упал Шарль. Упал Мане.

...Фон — огромное зеркало. В нем отражается веселящаяся парижская толпа. Перед зеркалом стоит буфетчица, грустная, меланхоличная парижанка. По-видимому, она совершила какой-то поступок и сейчас думает о нем с сожалением. В зеркале видна и спина этой девушки и лицо какого-то мужчины. Этот мужчина, видимо, нравится ей, но она знает, что ей не избавиться от мучительных мыслей, она знает, что ей многие могут нравиться, многое ей может хотеться в жизни, но она не в силах забыть, что ее место здесь, что она не имеет на все это прав. А на фоне — парижская толпа ликует в Фоли-Бержер и не замечает грустную, меланхоличную парижанку...

С Робером рухнули все крыши Парижа, исчезли все жившие под крышами люди, рухнула та ясная и простая жизнь, то «ты», которое Робер едва успел постичь.

А вместе с Гансом немцы убили свободную Германию, убили самих себя, но этого они так и не поняли.

А Жерар, элегантно одетый, умирая, был опечален только одним: почему он не смог пожить, не смог насладиться молодостью, насладиться жизнью, когда так любил ее? Почему, почему хотя бы только раз не посмотрел он наверх и не увидел стройные бедра девушки, жившей этажом выше? И впервые в жизни он не устыдился этой мысли.

1960 г.

КАЖДЫЙ ДЕСЯТЫЙ³

— Скоро придут.

— Курево есть?

— Мне страшно.... Я не хочу умирать...

— Замолчи, ничего с тобой не сделают.

— Дома под кроватью я оставил бутылку виски. Если мать не заметила, после войны разопью...

— Я же спрашиваю — курево есть?

— В Париже я знаком с одним сапожником... После войны пойду к нему в ученики...

— А который час?

— Часов теперь ни у кого нет.

Это были небритые, хмурые солдаты. Они не любили много говорить, но если все же завязывался разговор, то он касался очень незначительных, мелких тем. Слушали все друг друга внимательно, и каждому было все понятно.

Им нравилось рассказывать о себе и повторять одно и то же по нескольку раз. Никто не протестовал в таких случаях, не останавливал говорившего, и даже если кому-нибудь надоедало, он все равно терпеливо слушал.

Случалось, правда, что находился человек, обрывавший рассказчика:

— Хватит болтать об одном и том же!

³ В основу рассказа положен эпизод, упоминаемый Анри Барбюсом в его эскизах ненаписанного киносценария «Человек против человека». (Прим. автора.)

Но на такого все смотрели сердито, а случалось даже, кто-нибудь хватал его за шиворот, сильно встряхивал и сбивал с ног. И тут же начинал думать, как объяснить остальным свой поступок. Ему казалось, что никто не поймет его состояния. Все, однако, прекрасно его понимали, только не одобряли вспышку. И он, запинаясь, оправдывался:

— Он сегодня мне в обед соли подсыпал.

Все знали, что это неправда, что ничего подобного не было, но успокаивались — за подсыпанную в обед соль можно и побить человека.

А рассказчик тем временем продолжал:

— Когда я передвинул шкаф в угол — комната была большая, в месяц я платил тридцать тысяч франков, — жена сказала, что лучше будет поставить его у двери...

— А у двери он не мешал бы? — с интересом спрашивал кто-нибудь.

Несколько дней назад эта группа солдат отказалась выйти на передовую. И теперь они со страхом ждали, как с ними поступят.

— Идут, — вдруг послышался чей-то растерянный голос, и каждому показалось, что этот голос он слышит уже давно.

Офицеры подошли. За ними следовал карательный отряд.

— Встать! — послышалась команда. — Стройся!

Все были настолько возбуждены, что места в строю занимали как попало. Каждый думал, какое их ожидает наказание. Они считали, что самым тяжелым будет, если их силой выведут на передовую и заставят идти в бой. Может случиться, что их предадут военно-полевому суду. А быть может, просто арестуют.

Один из офицеров заговорил. Из его длинной речи солдаты запомнили только одно — их считают предателями, и за неподчинение военному приказу каждый десятый будет расстрелян.

Наступила мертвая тишина.

Никто не понимал того, что только что услышал. Никто не верил этому.

И вдруг в этой ужасающей тишине раздался истерический выкрик:

— Я не хочу умирать!.. Меня заставили!..

Только сейчас все поняли: каждый десятый должен умереть — десятый, двадцатый, тридцатый... А всего их было семьдесят. Значит, семеро из них должны умереть. Десятый, двадцатый, тридцатый...

Тот, кто стоял первым, бессознательно улыбнулся. Он смотрел на офицеров, и в его взгляде было и счастье и благодарность. Первый заложил руки в карманы и с облегчением потянулся. В этот момент он даже готов был одобрить принятое офицерами решение. Действительно, кто они такие, чтобы не выполнять приказаний командования? Никто, просто солдаты. И теперь они должны быть наказаны. Но тут он вспомнил, что сам был одним из зачинщиков этого дела. Он испуганно и стыдливо вынул руки из карманов и потупил взгляд.

Второй и третий никак не могли поверить, что они не умрут. Они, не переставая, считали: первый, второй... Он второй! Первый, второй, третий... Он третий! И все же оба неизвестно почему завидовали первому. Хотя ни первый, ни второй, ни третий не будут расстреляны, они завидовали первому, завидовали именно потому, что он был первым, самым первым.

А остальные солдаты с искаженными от ужаса лицами ждали, потому что никто из них не знал, каким по порядку он стоит.

Начался расчет. Каждый с задержкой и страхом произносил свой номер. Даже первый испугался, услышав собственный голос:

— Первый...

Девятый побледнел. Потому что он стоял рядом с десятым. Между числами девять и десять разница незначительная. И поэтому что-то от десятого переходило к девятому. Он чувствовал, что его мозг сковала какая-то тупая боль. Эта боль заставила его посчитать от одного до десяти. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой,

девятый, десятый... Нет, разница на единицу, а это немало. Если бы не было разницы, не существовало бы и цифры девять. И он улыбнулся своему открытию.

Между долгими паузами слышались голоса солдат:

— Шестнадцатый...

— Семнадцатый...

— Восемнадцатый...

— Девятнадцатый...

Девятнадцатый испугался, потому что в его сознание вошла страшная мысль. Он хотел отогнать ее от себя, но чем больше старался он это сделать, тем отчетливее она становилась. Он был рад, что он не двадцатый, что он не умрет. Но он понял, до чего малы и незначительны люди, до чего они боязливы. Он всегда считал себя человеком, умеющим постоять за свою честь. И вот сейчас впервые в жизни он с ужасом понял, что же он в действительности из себя представляет.

— Я не хочу умирать!.. — опять послышался истерический голос.

А люди продолжали медлительно отсчитывать:

— Двадцать шестой...

— Двадцать седьмой...

— Двадцать восьмой...

— Двадцать девятый...

Двадцать девятый улыбнулся. Он почему-то с самого начала был уверен, что не окажется последним в каком-нибудь десятке. Он был верующим, всегда прилежно молился, каждое воскресенье водил своих детей в церковь и заставлял их наизусть заучивать псалмы. А чтобы задобрить детей, он покупал им сладости. Его жена была беднее его, но он все же женился на ней, потому что она была богомольной. Они встретились с ней в церкви под распятием Христа и улыбнулись друг другу. А однажды они протянули друг другу руки и поцеловались. И им показалось, что Христос, увидев это, улыбнулся им. Вот почему теперь он оказался двадцать девятым. Он с самого начала был убежден, что так и будет. Он настолько искренне верил всему этому, что захотел даже крикнуть: «Братья! Если бы вы верили в бога, он бы спас вас». Он забыл, что до этого боялся, что окажется последним в своем десятке. А думал он так потому, что занял когда-то у соседа большую сумму денег, да так и не возвратил. Были у него и другие грехи...

— Тридцать шестой...

— Тридцать седьмой...

— Тридцать восьмой...

— Тридцать девятый...

А тридцать девятому стало неловко за то, что его номер на единицу меньше сорокового. Сороковой был его другом, они вместе воевали, вместе переносили все трудности. И сейчас, в строю, они тоже были вместе, совсем рядом. Если бы они не были друзьями, они не оставались бы всегда друг с другом и в строю не стояли бы рядом, вероятно, друг его тогда не оказался бы сороковым. Ему стало неловко за их дружбу, и показалось ему, что все то хорошее, что он сделал для своего товарища, в действительности было направлено против того. Но вдруг он радостно улыбнулся. И спокойно вздохнул. Он нашел для себя оправдание. Никто теперь не сможет упрекнуть его в этой дружбе. Он вспомнил, как однажды причинил товарищу зло, поступил с ним нечестно. Они оба были безработными, он узнал, что в одном месте появилась возможность устроиться, и ничего не сказал об этом товарищу, пошел туда один. Позднее он пожалел об этом, ему было стыдно. Вспомнив, что он пожалел тогда о своем поступке, он на секунду снова испугался. Ведь выходит, он опять оказывается хорошим товарищем, который просто однажды в жизни ошибся. С большим трудом он избавился от этой мысли, подумав, что все это неважно. Важно то, что он все же поступил тогда нечестно. Если бы все стоящие здесь люди узнали об этом, они назвали бы его подлецом. Он снова успокоился — он был плохим товарищем. В огромном человеческом страхе это оказалось для него вполне серьезным оправданием.

- Сорок шестой...
- Сорок седьмой...
- Сорок восьмой...
- Сорок девятый...

Сорок девятый и пятидесятый посмотрели друг на друга. Каждый из них многое хотел сказать товарищу. Пятидесятый хотел попросить его написать его жене и детям, рассказать им обо всем, а если вернется с войны живым, почаще навещать их. И еще чтобы сорок девятый рассказал всем, что с ними сделала Франция.

Но оба они молчали. Они и без слов хорошо понимали друг друга.

Вдруг послышался голос одного офицера:

— Отставить! Кто там сбился? С сорокового — рассчитайсь!

И вот оказалось, что при новом расчете сорок девятый стал пятидесятым, а пятидесятый — пятьдесят первым.

Они опять посмотрели друг на друга. И сейчас пятьдесят первый прочел на лице пятидесятого все то, что перечувствовал сам. Он покраснел, будто сам виноват в этой ошибке. Извиняющимся тоном он тихо сказал:

— Я... я не виноват...

Но он знал, что этого было слишком мало. Это было самое тяжкое преступление. Истина сейчас действительно выглядела преступлением, издевкой над товарищем. И он опять что-то тихо сказал. И на этот раз его слова прозвучали искренне:

— Может... может, и я умру. С войны мало кто возвращается...

Это было единственным убедительным оправданием.

— Пятьдесят шестой...

— Пятьдесят седьмой...

— Пятьдесят восьмой...

— Пятьдесят девятый...

Вдруг между солдатами, стоявшими после пятьдесят девятого, вспыхнула драка. Они с яростью накинулись, избивая друг друга, и каждый чувствовал, что получает огромное удовольствие, когда у товарища на лице появлялась кровь. Офицеры смотрели на них и не вмешивались...

А люди, нанося друг другу удары, вкладывали в них все свое отчаяние и безнадежность. И в этой чудовищной драке слышался все тот же испуганный голос:

— Я не хочу умирать!.. Меня заставили!..

Каждую минуту нарушенный строй восстанавливался и тут же снова ломался. И все это делалось для того, чтобы каждый раз бывший шестидесятый или семидесятый перешел на новое место. Но, становясь в строй, люди уже не придавали значения тому, кто из них шестидесятый. Они знали, что при всех случаях один из них должен быть шестидесятым. И поэтому, охваченные ужасом, они продолжали побоище.

Наконец офицеры вмешались и с помощью карательного отряда водворили порядок. Строй опять восстановился. Усталыми голосами солдаты продолжали расчет:

— Пятьдесят шестой..

— Пятьдесят седьмой...

— Пятьдесят восьмой...

— Пятьдесят девятый...

— Я не хочу умирать!.. Меня заставили! — послышался истерический крик шестидесятого.

Но ни в ком не проявилась к нему жалость. Все с безразличием смотрели, как он пополз в сторону офицеров, как он обнял ноги одного из них. Офицер брезгливо оттолкнул его.

Жалость чувствовали только к семидесятому. Потому что и десятый, и двадцатый, и тридцатый — все надеялись, пока счет не дошел до них, что они не окажутся завершающими свой десяток, а семидесятый, этот последний солдат, знал свою участь уже давно.

1958 г.

ГОЛОСА НАШЕГО КВАРТАЛА

(Повесть)

Часть первая

КВАРТАЛ НАЧИНАЕТСЯ С НЕДОСТРОЕННОГО ЗДАНИЯ

Глава 1. Утро квартала

Над дверями домов еще горят электрические лампочки. Вот гаснет одна — видимо, кто-то из домашних уже встал. Вот гаснет вторая, третья. В замочной скважине одной из дверей щелкает ключ. Из приоткрытого окна в первом этаже выглядывает лицо парня. В окне дома напротив показывается девушка с растрепанными волосами. Парень и девушка улыбаются друг другу. Потом оба, видимо боясь привлечь внимание домашних, исчезают.

Раздаются первые звонки будильников. Понемногу просыпается весь квартал, и уже слышны знакомые звуки, которые повторяются изо дня в день. В нашем квартале все, даже такая неприметная вещь, как погасшая лампочка, имеет свой голос. Присущий только ей голос. И пусть даже этот голос в отдельности не слышен, но вместе они-то и составляют наш квартал. Квартал, который имеет не только название и номера домов, но и свою мелодию, хорошо знакомую всем его жителям, хотя они ее и не могут спеть. Но они чувствуют эту песню каждую минуту, на каждом шагу и, естественно, напевают ее в уме.

Каждое утро, еще до того, как квартал пробудился, Акоп приходит на работу. Он спускается в подвал бани, разжигает топку, а затем подходит к окошку, что вровень с землей. Он видит отсюда всех, видит весь квартал. А жители квартала проходят мимо и не замечают его: ведь он смотрит из окошка подвала. Когда Акоп работает вечерами, он видит, как влюбленные пары встречаются у бани, полагая, что это единственное место, где их никто не услышит. Они целуются и клянутся в вечной любви. В такие минуты этот маленький полутемный подвал становится каким-то таинственным и кажется, будто жизнь всей земли сосредоточилась именно здесь. Акоп вдохновляется, хочет что-то сказать, сделать что-то необычное, закричать от радости. Но он не имеет права мешать стоящим возле подвала парню и девушке. Он должен молчать, чтобы пара могла шептаться. И все же, не в силах ничего не делать, он подхватывает лопатой большую кучу угля и вдохновенно швыряет ее в огонь. Огонь, словно замешкавшись на секунду, осторожно облизывает уголь. И вдруг сразу разрастается, ярко освещает подвал, маленький подвал, на который никто не обращает внимания.

...А когда уже начинает светать, показывается во дворе какой-то старик, он опасливо озирается. Будто готовится к чему-то недоброму. Но... он просто начинает зарядку. Приоткрывается окно, и выглядывает закутанная в теплую шаль голова его жены.

— Простудишься.

И окно тут же захлопывается.

Как всегда, утром появляется почтальон. И сразу же люди становятся недовольными — им нет писем.

— Посмотри-ка, нет ли мне из Ленинанкана?

— Нет.

— Почему? Посмотри получше, может, есть. Как это вы работаете!

Выходит еще один житель квартала делать гимнастику. Но в этот момент его жена приоткрывает глаза, садится в постели и говорит:

— Ты же уполномоченный квартала⁴. Люди увидят, как ты занимаешься зарядкой. Где ж твой авторитет?..

В нашем квартале есть свой поэт Зарэ. В каждом квартале есть свой поэт. Они очень похожи друг на друга. Все эти молодые поэты носят свои произведения в кармане. И если просишь их прочесть что-нибудь, они читают подряд несколько стихотворений, целый цикл. Многие из них по утрам ходят на мост смотреть на восход солнца. Восходы действительно стоит смотреть, даже если ты не поэт. Восходы не похожи друг на друга. Не потому, что солнце каждое утро встает по-разному. Это понимают даже молодые поэты. А просто потому, что каждый раз у одного и того же наблюдателя рождаются разные мысли, разные чувства. И именно в эти минуты особенно поэты удивляются, почему до сих пор они еще не написали хороших стихов — ведь они связаны с жизнью с самого восхода солнца.

Но вот на улице подрались два мальчугана. Матери, вместо того чтобы наказать их, тоже начинают скандалить друг с другом.

Такие скандалы очень выгодны уполномоченному квартала. Ему трудно созвать жильцов на собрание. А во время скандалов люди сами собираются, выходят из домов, смотрят, шумно разбираются, кто виноват. Стоит только начаться скандалу, как уполномоченный квартала, дядя Арам, он же парикмахер нашего квартала, сейчас же бросает работу, чтобы не упустить подходящего момента для собрания.

— Товарищи! Вопрос асфальтировки нашего квартала...

Тут он замечает, что жена подает ему какие-то знаки. Он растерянно замолкает. Потом догадывается, что галстук повязан криво. Он поправляет галстук и продолжает:

— Товарищи! Вопрос асфальтировки нашего квартала...

В этот момент проезжает тяжелый грузовик и обдаёт всех грязью. Брызги долетают даже до галстука дяди Арама. Люди расходятся, потеряв веру в то, что у них будет когда-нибудь асфальтированная улица.

Просыпается Карен. Сидя на краю постели, он лениво одевается. В соседней комнате его отец Гурген Григорьевич, еще в пижаме, допивает из большого бокала коньяк.

— Нунэ! — слышится голос его жены Седы.

В маленькой комнатке торопливо одевается Нунэ. Она быстро проходит через комнату Карена. Карен будто и не замечает ее. Он встает, хочет выпить воды, но графин пуст.

— Нунэ, — ворчит он.

В соседней комнате что-то тщетно ищет Гурген Григорьевич.

— Нунэ...

Нунэ их дальняя родственница. Поселилась она у них после смерти матери. Седа пользуется каждым подходящим случаем, чтобы заверить людей в том, что она любит Нунэ, как родную дочь. Это и заставляет людей сомневаться в ее искренности.

Во дворе, под краном, умываются парни. Они в одних трусах. Заметив их, дядя Арам выходит из парикмахерской и издали кричит:

— Поздравляю!

Ребята удивленно переглядываются. Потом, наконец, понимают, в чем дело. Зарэ хватается полное ведро воды и, опрокидывая его над головой Тиграна, весело кричит:

— Поздравляю!

А Тигран выливает воду из своего ведра на Вачика:

— Поздравляю!

Да, это не такое уж обычное утро. Они кончили школу. Они больше не ученики. С завтрашнего дня они уже будут приходить сюда умываться в брюках.

С ведрами в обеих руках к крану торопливо идет Нунэ. Большинство ребят уже умылись и наполнили свои ведра. Вдруг у Зарэ выскальзывает из рук мыло и попадает в полное ведро Вачика. Зарэ запускает руку в ведро, вылавливает мыло. Вачик огорченно берет ведро,

⁴ В некоторых кварталах Еревана вместо домового комитета выбирается только уполномоченный.

выплескивает воду в сторону. Он не замечает, что подходит Нунэ и окатывает ее с ног до головы. И вдруг...

Веселый смех обрывается.

Ошеломленная Нунэ стоит с ведрами в руках. Мокрое ситцевое платье облепило ее тело, и кажется, что она голая. Под платьем вырисовываются ее длинные, стройные бедра и маленькие, крепкие девичьи груди. От стыда, обиды и злости она готова расплакаться.

Ребята опешили и молчат. Некоторые краснеют и опускают головы. Другие не выдерживают и исподтишка рассматривают ее. Никто не может понять, что происходит. Будто они в первый раз видят Нунэ. Они начинают чувствовать, что теперь уже с Нунэ так шутить нельзя...

На лице Нунэ внезапно появляется непонятная, едва заметная улыбка. Словно она довольна и все это ей приятно. Она будто впервые замечает, что у Зарэ коротко острижены волосы, а Тигран строен, высок и широкоплеч.

Нунэ уже не плачет.

Зарэ, у которого лицо еще в мыле, догадывается, что нужно все-таки что-то сказать:

— Я тоже должен отнести домой воду...

Из подвала бани рассерженно смотрит Акоп.

Очнувшись, Нунэ бросает ведра и бежит домой.

Дома Карен в недоумении смотрит на Нунэ.

— Не смотри, — просит она и быстро проходит к себе в комнату. — Ведра внизу, возле крана, — слышен ее голос из-за двери.

— Я принесу, — отвечает все с тем же недоумением Карен и быстро выходит из дома.

По лестнице поднимается истопник Акоп. Он несет полные ведра.

— Я и сам мог бы, — сердито говорит Карен и берет ведра у него из рук.

Немного погодя Гурген Григорьевич выезжает куда-то на своей новой машине. Уполномоченный квартала сидит в дверях парикмахерской. Он замечает Гургена Григорьевича. Гурген Григорьевич — председатель какой-то артели. В квартале никто не знает, какой именно. Поговаривают, что по ремонту автомашин. Может быть, так, а может, и не так. Известно лишь одно — он очень влиятельный человек, и у него большие связи. Поэтому-то он и признан самой важной персоной квартала. Каждый раз, видя его, Арам встает с места и здоровается подчеркнуто вежливо. Он старается не делать различия между жителями квартала, но при виде Гургена Григорьевича не может держать себя просто.

Вчера, например, Гурген Григорьевич залез под машину и что-то ремонтировал. Когда дядя Арам проходил мимо, из-под машины раздался голос:

— Подайте-ка мне эту гайку.

Дядя Арам покорно выполнил просьбу.

— И молоток брось сюда.

Дядя Арам сделал и это.

— Теперь можешь идти, — сказал Гурген Григорьевич.

И уполномоченный квартала удивляется, почему он робеет перед этим человеком.

Ребята тем временем продолжают умываться. Им все еще кажется, что они и завтра должны войти в класс и рассестись по своим партам. Кажется, что чего-то не хватает, кажется, что нужно сделать еще что-то, чтобы убедиться, что школьные годы действительно кончились.

— Устроим вечер, — говорит Зарэ, и все с восхищением смотрят на своего поэта. Особенно Люсик. Все знают, что четыре месяца назад имя Люсик попало на страницы дневника, который ведет Зарэ, и с тех пор с них не сходит.

В этот момент в улицу квартала въезжает грузовая машина. Это прибыли новые жильцы. Они поселятся в том доме, единственном во всем квартале с балконом на улицу.

В кузове грузовика стоит девушка в брюках. Она помогает разгружать мебель. Естественно, что в такую минуту все девушки квартала собрались вместе. Они знают, что эта новенькая будет их соперницей. Они хотят что-нибудь сказать, но не могут. Только Люсик не выдерживает:

— Мама говорит, что в доме, где мы раньше жили, тоже был балкон на улицу.

А новенькая замечает глазающих ребят и зовет:

— Мальчики! Чего вы стоите, помогите же!

Ребята будто этого и ждали. Они почти бегом бросаются помогать.

Вдруг поднимается облако пыли. А если поднялось облако пыли, значит идет Арсен, неряшливо одетый здоровенный парень с растрепанными волосами. У него в руках прут, шагая, он всегда им размахивает, ударяя по земле, и поднимает пыль.

Два года назад, окончив седьмой класс, Арсен перестал ходить в школу. С тех пор он и таскается по улицам без дела. Живет с бабушкой. Каждый вечер бабушка твердит ему, что нужно читать. Неважно, что именно читать, лишь бы читать. Но Арсен все отнекивается и заявляет, что он не «болельщик» таких несерьезных дел.

Он каждый день подходил к школе, останавливался чуть в стороне от ребят своего квартала и, постояв немного, уходил. Никто его не приглашал сюда. Просто Арсен боялся, что кто-нибудь станет задевать или притеснять ребят его квартала. В школе все его знали, и поэтому к ребятам его квартала относились почтительно. Но некоторые из ребят квартала ничего об этом не подозревали и всегда с гордостью полагали, что они сильнее всех в школе и все их боятся.

Вчера был последний день, когда Арсен их сопровождал. Это не укладывается в сознании Арсена. А что они будут делать теперь? От кого и от чего их нужно защищать теперь? Это очень сложный вопрос, на который Арсен не может найти ответ. Поэтому он растерян и задумчив. И чтобы избавиться от растерянности и больше не думать над такими сложными вопросами, он еще сильнее размахивает прут, еще ожесточеннее ударяет по земле, поднимая столбы пыли.

На миг свой равнодушный и безразличный взгляд он задерживает на ребятах, которые переносят мебель и разную утварь, и на девушке в брюках. А потом, взметнув еще одно облако пыли, продолжает свое шествие.

Чуть позже приехавшая девушка выходит на балкон. Заметив ее, ребята, не сговариваясь, подходят к валяющейся на площадке спортивной штанге и поочередно пытаются поднять ее. Никому это не удастся. С балкона слышен смех девушки. Смеется и Вачик, заложив руки в карманы брюк. Он самый слабый и самый шуплый парень в квартале. Все уже давно привыкли, что он не подходит к штанге. Он единственный в своем роде. Можно ведь выделяться среди других и тем, что ничего не делаешь, пренебрегаешь всем.

— А ты почему не пробуешь? — неожиданно спрашивает с балкона девушка.

Вачик, смутившись, вытаскивает руки из карманов.

Кто-то из ребят, чтобы разрядить напряженность атмосферы и спасти Вачика, вдруг обращается к нему:

— Сколько будет: двадцать пять на тридцать восемь?

Вачик, которого до этого смутил вопрос девушки, самодовольно улыбается. Сейчас он себя покажет. Ребята вопросительно смотрят на него.

— Девятьсот пятьдесят, — гордо говорит Вачик.

— Двадцать семь на тридцать пять? — спрашивает Зарэ.

— Девятьсот сорок пять, — не задумываясь, отвечает Вачик и, равнодушно подойдя к штанге, усаживается на нее.

— А пятьдесят четыре на девятнадцать? — вдруг спрашивает с балкона девушка.

— Тысяча двадцать шесть.

— Он обязательно станет ученым, — говорит Зарэ с такой гордостью, будто речь идет о нем самом. Он горд и за Вачика, и за себя, и за всех ребят квартала.

Парень высокого роста, с длинной шеей стоит в стороне и наблюдает за ребятами. У него глупое выражение лица, и на все, даже самое простое, он смотрит с любопытством.

Он из соседнего квартала. Каждый день он приходит поглядеть, что делается в квартале

рядом. Ему кажется, что в чужом квартале всегда интереснее.

— Опять пришел! Чего тебе здесь надо? — сердятся ребята.

Парень немного отходит и снова останавливается, продолжая наблюдать за ребятами.

Глава 2. Печаль Тиграна

Многое в жизни квартала повторяется изо дня в день, никогда не меняясь. Поэт Зарэ записывает в своем дневнике наиболее значительные события дня. Уполномоченный квартала целый день сидит у входа в парикмахерскую, ожидает посетителей, а заодно следит за порядком в квартале.

Каждый день Тигран вывозит в коляске своего маленького братишку на прогулку. Но лишь один Гришик, другой его младший брат, знает, почему Тигран такой «примерный». И он всегда грозит, что раскроет всем секрет Тиграна. Тот побаивается его и всякий раз обещает ему купить мороженого.

В дверях соседнего дома каждый день именно в этот час стоит Гоарик. Она знает, что сейчас пройдет Тигран. Заметив его, она подхватывает ведра и идет за водой. Она идет с ведрами, а позади, подталкивая коляску, шагает Тигран. Каждый раз Гоарик надеется, что Тигран заговорит с ней. А Тигран каждый раз молчит. Он догадывается, что Гоарик ходит в этот час за водой ради встречи с ним. Но он не обращает на это внимания. Он удивляется, как это Гоарик не понимает, что он не может с ней гулять, ходить в кино, есть мороженое. Он готов даже объяснить ей, почему это невозможно. Ничего не поделаешь, коли уж она его соседка, коли уж они оба живут на одной улице, совсем рядом, коли уж его мать часто ходит к ним за зеленью к обеду. А Гоарик все еще на что-то надеется. Нет, она ничего не поймет. Вот и сейчас она идет впереди, а сзади толкает коляску Тигран. Они идут медленно, доходят до крана. Гоарик наполняет ведра. Тигран, поравнявшись с ней, проходит.

Однажды в жизни Тиграна произошел перелом. Почему-то в тот день все изменилось. Он пришел к заключению, что должен кого-нибудь полюбить. Он даже обрадовался этому открытию. И удивился, как это он раньше не подумал об этом. Но именно с того дня он сделался очень молчаливым. И каждое воскресенье, ровно в полдень, он стал выходить с коляской на прогулку. А сейчас кончились занятия в школе, и он это делает каждый день. Ведь он должен кого-нибудь полюбить. Он начал искать. Когда же Гоарик начала открыто показывать, что это она ожидает его в дверях, он подумал, что нельзя любить девушку, которая живет рядом. Любимая девушка должна жить на какой-нибудь отдаленной улице. Нужно уставать, добираясь к ней, попадать под дождь. Вечерами, лежа в постели, Тигран представлял все это, даже поеживался в наслаждении и улыбался в темноте. Он обязательно найдет ее. Так он думал каждый вечер. Но дни шли, а он все не находил ее. Оказываясь на улице, он с завистью смотрел на парней и девушек, гулявших под руку. А он вот одинок. И он вспоминал, что когда-то в жизни все было хорошо, весело, а сейчас ему грустно и тоскливо. Он убедил себя в том, что прошли его лучшие дни, когда он был простым беззаботным парнем. И он понял, что отныне всегда будет грустить, всегда его будет снедать какая-то неопределенная печаль.

Так, незаметно, взрослеют люди, так, незаметно, проходит детство. Настолько незаметно, что дядя Арам даже не успевает понять все это и порадоваться, а молодой поэт Зарэ не успевает записать все это в дневник, который он ведет для того, чтобы не нарушилась его тесная связь с жизнью.

А квартал продолжает жить своей простой и в то же время сложной жизнью. Продолжает звучать его едва уловимая мелодия, которая принадлежит всем. И в этой мелодии находит свое маленькое место, свою маленькую нотку печаль Тиграна.

Глава 3. Промокшей девушке хочется жить

— Нунэ, иди на кухню, — слышится голос Седы.

Платье Нунэ еще не просохло. Как назло, день сегодня пасмурный. Она вспоминает про платье, которое ей купили к Новому году. Нунэ о нем давно забыла. У нее никогда не появлялось желания надеть его. Она всегда была безразлична ко всяким удовольствиям.

Нунэ выросла у своих родственников. Для нее весь мир ограничивался этим домом, его четырьмя комнатами и большими окнами. Она стала здесь тихой и замкнутой.

Сегодня она вынуждена достать из шкафа новое платье. Она равнодушно надевает его и чувствует себя в нем непривычно. Смотрит на старое платье. Подходит и проверяет, не высохло ли оно. И вдруг замечает в большом зеркале что-то голубое. Она оборачивается и видит в зеркале девушку в голубом платье и с голубыми глазами. Она удивляется, узнав себя. Она долго и внимательно смотрит в зеркало, и вдруг ее рука сама собой тянется к собранным волосам, распускает их. Волосы спадают на плечи. Ей ни разу не приходило в голову ходить так. Это желание проснулось неожиданно, будто оно всегда существовало, но таилось где-то глубоко-глубоко.

Слышен голос Карена:

— Нунэ, скорее. Мама говорит, что нет воды и что еще нужно сходить в магазин, и...

И он замирает в дверях, ошеломленный и потрясенный. Нунэ улыбается, но словно откуда-то издалека. Оба молчат. Карен чувствует, что от удивления что-то застряло в горле и у него очень глупый вид.

— Видела, новые жильцы приехали... — бормочет он.

— Да-а... В дом с балконами на улице... — едва слышен голос Нунэ.

Карен растерянно улыбается, пятится назад и закрывает за собой дверь. Он выходит на веранду, достает сигарету, закуривает, забыв, что родители дома. Вдруг он замечает Нунэ, которая с ведрами в руках идет за водой.

— Он курит, он курит! — испуганно кричит Седа.

В окне подвала появляется измазанное сажей лицо Акопа. Он с восхищением смотрит на Нунэ. Нунэ оборачивается, смотрит на черное лицо Акопа, на его белые зубы и хочет рассмеяться. И вдруг, спохватившись, придерживает подол платья.

— Не беспокойся, ничего не видно, — говорит Акоп.

Нунэ краснеет. А Акоп становится серьезным, собираясь что-то сказать. Нунэ наполняет ведра и слышит слова Акопа:

— Когда в следующий раз придешь за водой... надень старое платье... Я бы хотел только один раз видеть тебя такой...

Акоп хочет еще добавить, что он не только истопник, но и учится в институте, о чем мало кто знает в квартале. Но ему кажется, что это будет уж очень нескромно. А что же в таком случае сказать? Молчать нельзя. Нунэ сейчас уйдет, и опять ему придется ждать несколько часов, а может быть, целый день или даже до завтрашнего утра. Может, уж сразу сказать ей, что...

— Эй, Акоп, вода пошла холодная, — басит кто-то сверху, и лицо Акопа выражает досаду. Он быстро исчезает.

Нунэ возвращается с полными ведрами домой. Карен замечает, что издали Нунэ еще красивее. Он быстро сбегает вниз и впервые в жизни берет из ее рук ведро.

Нунэ входит в свою комнату, на секунду останавливается посередине. Она закладывает руки за голову и потягивается всем телом. На ее лице появляется счастливая улыбка. Она бросается на постель и зарывается лицом в подушку. Желание чего-то большого от жизни, очень большого заполняет ее существо. Эта перемена в ней так неожиданна, и в этот момент так много хочется от жизни, что она внезапно ощущает усталость. Но это приятная усталость. Приятная потому, что напоминает ей, что она любит. Нунэ пока не знает, кого именно. Но не это важно. Она чувствует, она уверена, что он есть, что он где-то обязательно существует. И, быть может, ждет ее. Ей кажется, что все вокруг подтверждает это. Даже воздух, кажется, напоен этим, даже складки старого платья, даже пуговицы. Эта любовь все растет, она сейчас разольется, выйдет из берегов, затопит весь квартал.

А верит она всему этому потому, что у нее закрыты глаза, потому что лицо утонуло в

подушке и, главное, потому, что она чувствует свое дыхание, знакомое, родное, горячее.

Нунэ сейчас уверена, что кто бы в эту минуту ни вошел в комнату и кто бы он ни был, это будет тот, о ком она мечтает.

Она слышит стук в дверь. Она удивлена. Никогда еще никто, входя к ней, не стучал. В удивлении она даже не догадывается встать с постели. Дверь открывается, и входит Карен.

— Ты пришел, — почему-то говорит Нунэ, будто она давно ждала его.

— У меня... у меня два билета в кино... Сходим вечером вместе, а?..

Глава 4. Счастье под фонарями

Нунэ с восторгом смотрит фильм. Она давно не была в кино. И даже когда бывала, фильм никогда не производил на нее такого сильного впечатления, как сегодня. Несмотря на то, что сегодняшний фильм явно плохой. Только ведь это неважно.

— Смотри, как здорово играют, — говорит она Карену и замечает, что он смотрит на нее. Она улыбается и поворачивает лицо Карена к экрану. Но Карена ничто не интересует. Она чувствует, как его рука скользит по ее руке, и теряется. Нунэ не знает, как ведут себя в таких случаях. Но она чувствует себя очень счастливой. И в то же время хочет отстранить руку Карена, в ней рождается какой-то страх перед неизведанным. И тут на экране молодой парень целует девушку. Нунэ улыбается и невольно кладет другую руку поверх руки Карена.

— Смотри, смотри, сейчас его убьют! — испуганно вскрикивает Нунэ. Люди поворачиваются, удивленно смотрят на нее. Карен отдергивает свою руку. Нунэ даже не замечает этого. Но потом, когда на экране никого не убивают и фильм опять делается неинтересным, она ощущает холод в своей ладони.

— Дай руку, — шепчет Нунэ.

Под руку они возвращаются домой. Уже темно. Зажглись уличные фонари, и многие гуляют парами. Нунэ смотрит по сторонам и удивляется, что и другие счастливы, что и они улыбаются друг другу, что и они идут под руку. Ей казалось, что только она должна чувствовать этот таинственный и приятный мир. Правда, теперь этот мир, освещенный уличными фонарями, теряет свою прелесть, и Нунэ делается немного грустно. Ей сейчас вовсе не так уж приятно, что Карен взял ее под руку. Все так ходят, все смотрят на своих девушек, улыбаются и ничего не говорят. Все хотят уйти с освещенной улицы, скрыться от людей, чтобы поцеловаться. Нунэ молчит. Она ничего не может понять. Она без конца думает об этом, и вдруг ей делается радостно. Неожиданно она радуется тому, что это ощущение принадлежит всем. Так даже лучше. Наверное, было бы ужасно, если бы это принадлежало только ей и если бы только она чувствовала это счастье. И теперь она рада, что Карен держит ее под руку и улыбается ей, своей девушке, Нунэ. Она крепко прижимает руку Карена, как бы желая этим передать ему все то, о чем она думает.

И тут Нунэ вдруг догадывается, что Карен ей что-то рассказывает, а она его не слушает.

— В школе я был отличником. Но некоторые учителя относились ко мне враждебно. На экзаменах они специально снизили отметку, чтобы я не получил медали.

Как ни старается Нунэ сосредоточиться и слушать его, ничего у нее не получается. Мимо под руку проходит какая-то пара. Нунэ глядит им вслед.

— Почему ты оборачиваешься?

— Показалось, что знакомые...

Проходит еще одна пара. Парень говорит девушке:

— Я сохранил все твои письма...

Пара проходит, и продолжения разговора уже не слышно.

— Я обязательно поступлю в университет. Неужели ты думаешь, что я буду целых два года работать и только потом поступлю?

Чуть дальше, в тени, парень целует девушку. Заметив Нунэ и Карена, они уходят.

— Некоторые думают, что я смогу поступить только с помощью отца. Завидуют. А я

могу поступить и без чьей-либо помощи.

Нунэ перебивает его:

— Если ты куда-нибудь уедешь, будешь мне писать?

— Ну конечно, — ничего не понимая, говорит Карен.

— Я сохраню все твои письма...

Они молча стоят в темном коридоре. Пора расставаться. Нужно что-то сказать. Но оба молчат. Потом Карен подходит вплотную и шепотом говорит:

— Хороший был фильм, правда?

— Очень, — отвечает Нунэ.

— Хочешь, еще раз сходим?

— На ту же картину?

— Да.

— С-с-с!.. Тише... Да, хочу.

Карен обнимает Нунэ.

— Тише... Услышат, — шепчет она.

Карен целует ее. Потом оба снимают туфли и, взяв их в руки, на цыпочках, очень осторожно идут к своим комнатам.

— Карен...

— Что?

Карен возвращается.

— Карен... — шепотом говорит Нунэ и в этот раз не краснеет. Ведь сейчас темно и никто не видит. Только вот туфли ее выskalзывают из рук. Но теперь ни Карен, ни Нунэ уже не обращают на это внимания. И не слышат, что падающие туфли громко ударяют об пол.

Глава 5. Шутка всерьез

Наконец наступил торжественный вечер. Все собираются в клуб. У всех праздничные лица. Ведь это будет не обычный вечер. После него они официально могут считаться окончившими школу.

— Надо и новенькую пригласить, — предлагает Вачик.

Ребята задумываются. А что, если вечер ей не понравится? Ведь они-то впервые собираются потанцевать, и кто знает, сколько раз бывала уже на таких вечерах эта странная девушка в брюках?

— Если бы я не был маленького роста, я бы сходил ее пригласить, — говорит поэт Зарэ.

— Есть ребята и пониже тебя, — возмущенно говорит Люсик.

Слышится равнодушный голос:

— Я схожу.

Все оборачиваются и видят Арсена. Он даже не ждет ответа.

Ударяя прутком по земле, он направляется в сторону дома Анаит. Ему ничего не стоит пригласить новенькую. Он не влюблен и не умеет стесняться. Он решительно стучит прутком в окно Анаит. Она выглядывает.

— Там ребята танцуют. И тебя приглашают. Пошли.

— Подожди. Сейчас иду.

— Я пошел. Придешь сама.

Он ударяет прутком по земле, взметает облако пыли и возвращается в клуб. По дороге он встречает уполномоченного квартала, который косо поглядывает на него. Больше всех в квартале дядя Арам не любит Арсена, потому что он постоянно нарушает законы квартала. Арсен больше всех не любит дядю Арама, потому что тот постоянно твердит о законах. Женщины говорят, что каждый квартал должен нести свой тяжкий крест и что таким крестом их квартала является Арсен. Он швыряет камнями в кур и побросал в речку почти всех кошек квартала.

Но в квартале почему-то забывают другое — у Арсена золотые руки. Достаточно засориться дымоходу в доме той самой женщины, которая называет Арсена «тяжким крестом», Арсен тут как тут. Эти же женщины не могут не признать, что когда любой из них привозят дрова на зиму, у Арсена руки чешутся, и в конце концов оказывается, что он переколот все дрова. Вот пусть скажут: если им нужно очистить крышу от снега, разве не Арсен приходит на помощь? А разве не вчера это было — дядя Арам мастерил у себя во дворе курятник, а Арсен, несмотря на их вражду, принес инструменты (никто не знает, даже у них дома, где он прячет эти инструменты) и молча стал помогать ему.

Что ж вам еще? Ведь никто не станет отрицать, что его золотые руки и его сила — именно они дали Арсену право на всеобщий авторитет в глазах ребят квартала.

Но тем не менее жизнь, говоря откровенно, странная штука. И люди странные. Почему-то о плохих поступках Арсена они вспоминают чаще, чем о хороших. Хотя Арсену это в общем-то безразлично. Он меньше всего заботится о том, чтобы о нем вообще как-то вспоминали.

Насвистывая, Арсен входит в зал, где собрались парни и девушки. В клубе у Арсена есть свое определенное место. Он устраивается возле патефона и заводит его (сегодня, как назло, испортилась радиолка). Арсен получает огромное удовольствие, наблюдая за танцующими, сам он танцевать не умеет. Иногда, заметив на патефоне пыль, он тщательно стирает ее и принимается насвистывать в такт звучащей мелодии.

Входит Анаит, и все ребята смотрят на нее с восхищением. Впервые они видят ее не в брюках. Взгляды некоторых прикованы к ее ногам.

Все ребята хотят с ней танцевать. Девушки собрались в углу. Люсик начинает что-то рассказывать, девушки громко смеются, хотя в том, что рассказывает Люсик, нет ничего смешного. Исподтишка они наблюдают, слышит ли их Анаит. Но Анаит, танцующая в это время с Зарэ, не обращает на них внимания.

— Вам понравился наш квартал? — спрашивает Зарэ.

— А я кварталу понравилась?

Зарэ теряется, Анаит смеется. Девушки в углу умолкают.

— Ребятам вы понравились, — все еще растерянно говорит Зарэ. И, чтобы переменить тему разговора, спрашивает: — Вы учитесь?

— В этом году кончила. Хочу поступить в театральный.

Танец кончается. Зарэ провожает Анаит к стулу, затем подходит к ребятам и гордо говорит:

— Я узнал, она хочет стать артисткой.

Ребята смотрят на него с завистью.

— Если б с ней первым танцевал я, разузнал бы побольше, — говорит из угла Вачик.

Вдруг Люсик предлагает Зарэ прочесть свое новое стихотворение. Она знает, что стихотворение плохое. Поэтому-то она и хочет, чтобы он прочел. Зарэ растерянно озирается. Он, конечно, думает, что стихотворение неплохое. Ему просто неловко. Все начинают его упрашивать, и он окончательно решает не читать.

— Почему бы вам не прочесть? — спрашивает Анаит. — Я очень люблю стихи.

— Читай, — неожиданно говорит Арсен.

Анаит и Арсен, два авторитетных человека, требуют, чтобы он читал. Зарэ вытирает со лба пот и начинает декламировать. Люсик с улыбкой наблюдает за Анаит. По лицам всех видно, что стихи никому не нравятся. И чем вдохновеннее читает Зарэ, тем очевиднее становится, что они плохие. Зарэ кончает. Наступает неловкое молчание. Зарэ смущенно смотрит на товарищей. Он понимает, что стихотворение не понравилось, и бормочет:

— Нужно еще доработать...

И вдруг замечает торжествующий взгляд Люсик. Вообще Люсик очень переживает, что Зарэ до сих пор ничего хорошего не написал, но сегодня она этому рада. Зарэ все понимает.

Она просто хотела оскандалить его. Он враждебно смотрит на Люсик и вдруг слышит голос Арсена:

— Хорошее стихотворение.

Анаит не может сдержать улыбки. Все с опаской глядят на Арсена. В первый момент Арсен даже теряется от неожиданности — кто-то рискнул смеяться над ним. В гневе он готов нагрубить Анаит.

— Это над кем ты смеешься?

Зарэ и другие ребята с мольбой смотрят на Арсена. Тот сдерживается и, чтобы излить свой гнев, начинает ожесточенно крутить ручку патефона. Ребята успокоенно переглядываются.

Вдруг слышится голос Астхик:

— Вачик самый слабый в нашем квартале...

— А Тигран ни разу не влюбился, — застенчиво добавляет Гоарик.

Тигран и Вачик не знают, куда деться от смущения. Анаит смотрит на них и улыбается. И ребята уже готовы провалиться сквозь землю.

Открывается дверь, входит Карен.

Сразу же наступает тишина. Все вопросительно смотрят на него. А тот подходит к Нунэ и строго говорит:

— Иди домой.

— Почему? Ведь она пришла потанцевать с ребятами, — говорит Анаит.

Карен с неприязнью смотрит на нее, только Анаит не обращает на это внимания и улыбается.

— Может, и ты останешься?

— Нет охоты, — хмуро отвечает Карен.

Все недовольны Кареном. Недоволен и Арсен, но пока молчит.

Завод патефона кончается, и музыка звучит протяжно. Странно, что Арсен не замечает этого.

Первое, что промелькнуло у него в голове, — Карен не из этого квартала. Но нет. Их дом, правда, самый дальний, но все же это не чужой квартал. И Арсен оказывается в затруднительном положении. Не в первый раз он задумывается над тем, в каком квартале живет Карен. Он ничем не похож на ребят квартала. У его отца собственная машина, и никто из их семьи не приходит умываться под краном.

Карен стоит посередине зала, и взгляды всех устремлены на него. Это его злит, и, чтобы отвлечь от себя внимание, он подходит к патефону, заводит его. Именно это почему-то вызывает у Арсена бешенство, и он угрожающе цедит сквозь зубы:

— Сейчас же убирайся.

Карен не ожидал этого. Ребята довольны. Они бы не решились выгнать его. Все знают, что Карен сильный.

— Пошли, Нунэ.

— Нунэ не пойдет, — говорит Арсен. — Она еще потанцует.

Карен подходит к двери.

— Неохота просто связываться.

Он открывает дверь, хочет уйти. У всех на лицах некоторая растерянность. Только Арсен продолжает спокойно накручивать ручку патефона.

В этот момент в зал входит дядя Арам. Словно он знал, когда нужно прийти, чтобы разрядить атмосферу. В дверях он сталкивается с Кареном и почтительно уступает ему дорогу.

Дядя Арам сегодня в своем лучшем костюме. Ни с кем не здороваясь, он деловым шагом проходит на середину зала. Развернув принесенный с собой пакет, достает оттуда сложенные листки бумаги, сыпает их в шляпу.

— Кому кем быть! — торжественно произносит он.

Сразу же забывается только что случившееся, все подходят к дяде Араму, окружают его.

— Пустое дело, — говорит один из гостей, пришедших из соседнего квартала, — да и

старомодно.

Анаит, укоризненно взглянув на скептика, демонстративно подходит к дяде Араму и берет свернутую бумажку. Девушки не очень ею довольны, так как этот поступок дает ей право считаться настоящей девушкой квартала. Анаит медленно разворачивает бумажку, читает:

— Домашняя хозяйка.

Она хмурится. И ребята недовольны. Придумает же этот дядя Арам! Они не могут себе представить, чтобы желание новенькой не исполнилось. Вот если бы с кем-нибудь из них это случилось — другое дело, никого это не удивило бы.

— Все равно я стану актрисой, — говорит Анаит, и ребята не могут не поверить ей.

К дяде Араму подходит Зарэ. На бумажки он смотрит не без волнения. Ему бы хотелось взять сразу все. Вокруг тишина. Зарэ неуверенно протягивает к шляпе руку.

— Поэтом будет, — говорит Арсен.

Зарэ бросает на него благодарный взгляд. Потом разворачивает бумажку и читает:

— Певец.

Никто не может сдержаться. Все смеются. Когда бумажку вытянула Анаит, они отнеслись к этому очень серьезно. Но вот сейчас почему-то все смеются.

И именно сейчас Зарэ особенно жалеет, что стихотворение, которое он прочел, было слабым. Если бы оно было хорошим, сейчас никто бы и не подумал, что он не станет поэтом. Сам он тоже был бы спокойнее и увереннее. Но все же, может быть... Может быть, в самом деле он плохой поэт? Как же быть, если вдруг выяснится, что это так? Что он умеет делать, кроме как писать стихи? Ничего.

Во всяком случае, он благодарен дяде Араму. В этой шутке было что-то серьезное. Она заставила всех их серьезно подумать обо всем этом.

Подходит Арсен. Дядя Арам недолюбливает его, он недоволен, что Арсен здесь, но это такой вопрос, в котором он не имеет права помешать ему.

— Тяни, — говорит дядя Арам. До этого он никому не говорил так.

Арсен вытягивает бумажку, разворачивает ее, силится прочесть. Там написано что-то очень сложное. И он читает по слогам:

— Аст-стро-стросбио-биолог.

Арсену нравится это сложное слово. Он собирается положить бумажку в карман, но тут замечает расстроенного Зарэ. Подходит к нему и со всей искренностью говорит:

— Хочешь, отдам тебе?

«Хоть бы дал мне», — думает Вачик. В квартале все знают, что он хочет стать астрономом. «Почему же сейчас никто об этом не вспоминает?» — думает он.

И опять в этой шутке что-то серьезное. Она заставила задуматься и Вачика: а станет ли он астрономом?

Тянет Тигран. Наконец-то он узнает, что из себя представляет тот неопределенный, далекий и полный романтичности мир, та работа, о которой он мечтает. Он очень осторожно разворачивает бумажку и дрогнувшим голосом читает:

— Токарь.

На этот раз смеется даже дядя Арам.

Тигран, конечно, понимает, что все это шутка, но все же ему становится грустно.

Что общего между токарем и тем далеким миром с его трудностями, о котором он мечтал вечерами? Что общего между токарем и той любимой девушкой, которую он пока не нашел, но которую обязательно найдет? Ну, было бы на бумажке написано хотя бы «путешественник» или «полярник». Токарь! Надо же так!..

Видя, в какое положение попадают его друзья, Вачик пробует улизнуть. И в тот момент, когда он незаметно добирается до двери, Анаит оборачивается и говорит:

— Почему ты и здесь увертываешься?

Вачик вынужден вернуться. Он понимает, что нужно действовать смело и решительно, чтобы хоть сколько-нибудь развеять впечатление, оставшееся у Анаит после истории со

штангой. «Лучше бы снова попросили посчитать, — думает Вачик. — Восемнадцать на двадцать два будет триста девяносто шесть».

Не колеблясь, он берет бумажку и быстро разворачивает.

— Парикмахер.

Дядя Арам становится серьезным. А ребята смеются. Смеется и Вачик.

— А что в этом плохого? — говорит оскорбленный дядя Арам.

Арсен подходит к Нунэ, которая забилась в угол. Со смешной, непривычной для него заботливостью и нежностью он говорит:

— Потяни и ты, Нунэ.

Нунэ неуверенным шагом подходит. Собирается взять бумажку, но вдруг бросается к двери и выбегает.

На улице стоит рассерженный Карен. Нунэ подходит к нему с нежной улыбкой, она хочет его успокоить. А Карен говорит ей резко:

— Иди, иди обнимайся с ними!

И уходит.

Нунэ опешила. Что же теперь делать? Из клуба доносится музыка. Старая пластинка шипит. Нунэ не может вернуться туда. А дома — Карен. Обиженный на нее Карен.

Вернувшись домой, Карен направляется в свою комнату. Из спальни доносятся голоса отца и матери. Услышав, что произносится его имя, он останавливается и прислушивается.

— Не для того я его растила, чтоб сейчас его отняли у меня и отправили в армию...

— Понял, все понял, — сердито говорит отец. — В сотый раз повторяешь одно и то же.

— Я хочу, чтобы он учился, поступил в университет, — твердит свое мать.

— Ну ладно, ладно. Я уж думал об этом. Что-нибудь сделаю. Будто я хочу, чтоб его забрали в армию...

Карен радуется. Он уже собирается войти в свою комнату, но, задумавшись, опять останавливается: а если отцу в этот раз не удастся ничего сделать?..

Все живут на одной улице, но уж так повелось, что каждый должен проводить свою девушку до самой двери ее дома. Сегодня всем хочется пойти с Анаит, но это невозможно. Свободны только Арсен и Тигран. Решают, что с Анаит пойдет Арсен, а Тигран проводит Гоарик.

По улице идут пары. Всем хочется заговорить, но вначале все молчат. Разговор начинается лишь в последний момент, когда уже совсем близок дом и уже нельзя откладывать разговор.

— Знаешь, Зарэ... Мне очень нравится одно твоё стихотворение. Помнишь, я говорила тебе об этом? Я забыла, как оно называется. Если бы я помнила, то подсказала бы тебе прочесть именно его... Хочешь, прочти сейчас? Я с удовольствием послушаю...

— Он не послушался меня... Есть ребята и слабее тебя. Ты не обиделся? — Астхик хочется сказать что-то еще. — Смотри, вот наше дерево. Здесь нас никто не увидит... Ты всегда так говорил...

— Мы всегда здесь целовались. Ты говорил, что нас никто не увидит. А я не хотела, помнишь? Но ты меня заставлял, — говорит Астхик и опускает глаза.

— Больше не буду.

— Да нет же, я не для этого сказала!.. Хочешь, пойдем?..

— Ты хотела меня опозорить, — сердится Тигран, — но тебя никто не стал слушать. Все же видят, что ты еще носишь косички, и никто тебе не поверил...

Арсен чувствует себя неловко. Он особенно сильно хлопает прутом по земле и

поднимает пыль, чтобы Анаит шла чуть поодаль. Он хочет рассердиться на нее и сказать: «Иди одна. Я не хочу тебя провожать».

Но он не может ей сказать этого. Ребята доверили ему ее, и он не должен их подвести. Он успокаивает себя тем, что скоро уже покажется дом Анаит и он избавится от нее. И от этой мысли начинает насвистывать. Замечая неловкость Арсена, Анаит еле сдерживает смех.

Зарэ опять слышит голос Люсик:

— Я уверена, что когда-нибудь твои стихи напечатают. А потом у тебя будет и своя книга. Вначале всем поэтам бывало трудно...

— Хочешь, я распущу свои косы? Уговорю отца. Буду плакать и добьюсь своего...

— Он всегда такой, — неожиданно говорит Тигран.

Гоарик удивленно смотрит на Тиграна. Он ее даже не слушал.

— Кто?

— Карен. Разве это товарищ!

— Спокойной ночи, — грустно говорит Гоарик и хочет еще что-то сказать о себе. — Конечно... Жалко Нунэ...

— Спокойной ночи, — говорит Люсик.

— Спокойной ночи, — говорит Астхик.

Арсен все еще о чем-то думает. Анаит уверена, что сейчас он все же заговорит. И действительно, Арсен начинает говорить, но при этом не смотрит на нее. Он вкладывает большой смысл в свои слова, и чувствуется, что их он обдумывал долго.

— Если кто-нибудь из другого квартала попытается с тобой заговорить, скажи мне. А сейчас иди домой...

Глава 6. Дождь

Кап-кап... Идет дождь. На улице — никого. Только на мгновение появляется мать Вачика с накинутым на голову пиджаком мужа, быстро собирает с веревки белье. И опять на улице никого. Кап-кап... Дождь ударяется о стекла окон, сбегает, они заплывают струйками, и люди, сидя дома, больше не видят, что делается на улице. А по улице проезжает машина Гургена Григорьевича.

Дядя Арам сидит дома и размышляет о делах квартала, мечтает об асфальте. Услышав шум машины, он ворчливо говорит жене, что хочет ко всем жителям квартала относиться одинаково, но, встречая Гургена Григорьевича, каждый раз против своей воли здоровается с ним подчеркнуто вежливо. Жена говорит:

— Ну, так он же влиятельный человек.

Огорчившись, что жена не понимает его, дядя Арам подходит к окну, смотрит сквозь заплывшее стекло на улицу. Кап-кап... Дождь хочет успокоить людей...

Зарэ пишет стихотворение и думает об Анаит. Люсик из окна напротив смотрит на дом Зарэ и прислушивается к шуму дождя. Кап-кап... Дождь зовет людей к окнам. Вачик тоже думает об Анаит. Когда идет дождь, все люди делаются задумчивыми. Даже Арсен. Он размышляет о том, что прут его уже стар и нужно заменить его новым. Он сидит под стеной недостроенного здания и хлопает прutom по луже.

Кончился торжественный вечер, кончились школьные годы. Что теперь будут делать эти молодые? Станет ли Зарэ поэтом? Что в конце концов представляет из себя тот далекий мир, о котором мечтает Тигран? Пора бы уже перестать мечтать о далеком мире, нужно найти его. Но как? Кап-кап... Но как? — вторит дождь.

Тиграну обидно, что он сидит дома. Сейчас бы он должен быть на свидании. Потом

неожиданно появился бы брат девушки, и они, скрываясь от брата, бежали бы по улицам. Сейчас очень многие отсиживаются дома, а некоторые стоят парами под стенами домов и ждут, когда пройдет дождь. Парень набрасывает на плечи девушки свой пиджак, и они о чем-то шепчутся. Они почти не слышат друг друга. Но это неважно. Важно шептаться. Тиграну кажется, что и он тоже под стеной, и его охватывает приятный трепет. Потом он внезапно сознает, что стоит всего-навсего у окна. И он опять вспоминает, что кончились школьные годы. А что делать теперь? Все как-то тоскливо, неопределенно... И его охватывает печаль. Кап-кап... Кап. Весело смеется дождь.

Даже Аноп, всегда такой жизнерадостный, сейчас задумчиво сидит возле топки. Он и сам не знает, о чем думает. Может быть, об огне в топке. А может быть, о том, что и дома пора бы уже иметь свой очаг, свою семью. Он каждый день шутит с девушками, часто посмеивается над ними и, может быть, именно поэтому ни разу не подумал о своем очаге. Кап-кап... Дождь задумчиво стучит по крыше бани, по деревьям, по лужам, по стеклам окон.

Смотрит на улицу, о чем-то мечтая, и Анаит. Из репродуктора слышен голос диктора. Передают сводку погоды. В Кафане тридцать градусов, в Степанаване и Кировакане... Анаит поворачивается, подходит к репродуктору, выключает его. Потом возвращается к окну и начинает шепотом читать отрывок, который она приготовила для вступительных экзаменов в театральном институте:

«Вода!

Вода, у тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя невозможно описать, тобой наслаждаются, не ведая, что ты такое! Нельзя сказать, что ты необходима для жизни: ты — сама жизнь. Ты наполняешь нас радостью, которую не объяснить нашими чувствами. С тобой возвращаются к нам силы, с которыми мы уже простились. По твоей милости в нас вновь начинают бурлить высохшие родники нашего сердца.

Ты самое большое богатство на свете, но и самое прихотливое, ты такая чистая в чреве земли. Можно умереть возле источника с водой, отравленной окисью магния. Можно умереть в двух шагах от соленого озера. Можно умереть, несмотря на два литра росы, которая содержит осадок некоторых солей.

Ты не приемлешь никаких примесей, ты не выносишь порчи, ты — пугливое божество...

Но с тобой вливается в нас бесконечно простое счастье»⁵.

У каждого свои мечты. Кто знает, осуществляются ли они? Всем кажется, что в жизни не все устроено, не все на своем месте.

Нунэ тоже стоит у окна. Она слышит, как открывается дверь и в комнату входит Карен. У него в руках какая-то коробка. Нунэ радостно открывает крышку и видит флакон духов.

Карен подходит к ней совсем близко. Глаза Нунэ улыбаются. Карен обнимает ее. И вдруг Нунэ со страхом понимает, что Карен несет ее к кровати. Она пытается вырваться. Карен раскраснелся, он боится, что Нунэ выскользнет из его рук. И действительно, ловко вывернувшись, Нунэ отбегает в угол комнаты.

Карен сидит на кровати, опустив голову.

— Нунэ... меня забирают в армию... — хочет он оправдаться.

Потом он встает, идет к двери и оттуда, не глядя на Нунэ, говорит:

— Все равно я опять приду.

Он выходит из комнаты.

Нунэ подходит к окну, подышав на стекло, протирает его и с грустью смотрит на улицу. На улице совсем пустынно, и ей становится страшно от одиночества. Раньше одиночество ее не пугало. Но сейчас ей хочется, чтобы по улице кто-нибудь прошел, хотя бы один прохожий. Она слышит шум приближающейся машины. Догадывается, что это едет Гурген Григорьевич. Вот и машина. Гурген Григорьевич едет на большой скорости и непрерывно сигналист,

⁵ Антуан де Сент-Экзюпери, Земля людей.

вероятно, очень довольный собой. Вдруг машина останавливается. Открыв окно, Нунэ выглядывает. Она видит, что колеса машины буксуют в грязи. «Когда Карен вошел в комнату, он был в серой рубашке», — вспоминает Нунэ. Из машины вылезает Гурген Григорьевич. Он толкает машину, но она не двигается с места. Гурген Григорьевич проклинает уполномоченного квартала: до сих пор тот не добился, чтобы заасфальтировали улицу. Если для остальных жителей квартала это не так важно, то для него, Гургена Григорьевича, это самый насущный вопрос. Нунэ смотрит, что будет дальше. «Когда мы с Кареном в первый раз ходили вместе в кино, герой то и дело смеялся на экране, но в зале смеха не было». Открывается дверь дома напротив, и оттуда выходит сосед. Подойдя к машине, он, не поздоровавшись с Гургеном Григорьевичем, начинает помогать ему. «Карен знал, что я очень люблю духи». Откуда-то появляется еще один сосед и тоже принимается толкать машину. Машину удастся выкатить из лужи. Гурген Григорьевич растерянно смотрит на соседей. Его голова промокла, волосы прилипли ко лбу.

— Вы здесь живете?

— Да, — отвечает сосед.

— Давно?

— Давно.

— Спасибо вам большое, — смущенно говорит Гурген Григорьевич.

Нунэ слышит весь этот разговор. «Карен сегодня вошел не постучавшись. Он был в серой рубашке», — думает она. Гурген Григорьевич садится в машину и уезжает.

Нунэ знает, что вечером Карен опять придет к ней. И знает, что, если даже ей удастся его выгнать, он все равно завтра опять придет. Нунэ казалось, что она уже нашла то, что искала, к чему так тянулась. Тянулась даже тогда, когда ей казалось, что она об этом вовсе и не думает. А сейчас выясняется, что напрасными были ее мечты, что любовь их — это вовсе не то, о чем она мечтала. Сейчас ее мечты отступили на второй план. Сейчас она раздумывает, как ей поступить. Может быть, разрешить Карену прийти к ней ночью? Но она чувствует, она всем сердцем убеждена, что этого делать нельзя. Значит, она должна поссориться с Кареном. Она боится этого. Нунэ вспоминает свое новое платье и духи — подарки Карена. Она должна будет отказаться от них, вернуть ему подарки. Нет, она этого ни в коем случае не сделает. И не только потому, что ей хочется носить это новое платье. Новое платье просто помогло ей понять многое такое, чего она раньше не замечала. Ей сейчас кажется, что, если она вернет Карену его подарки, она опять станет той прежней Нунэ, которая ни о чем не мечтала. А она хочет мечтать. Она хочет, лежа вечерами в постели, мечтать о чем-то неопределенном, потому что она еще сама до сих пор точно не знает, чего она хочет. И вот сейчас ее заставляют стать той прежней Нунэ, отнимают у нее новое платье и духи. Но она не отдаст. Она враждебно смотрит на дверь и верит, что сейчас она может вступить в бой с любым. Даже с Седой, которую она всегда побаивается.

Кап-кап, кап...

Дождь все идет и напоминает, что люди сейчас задумчивы. А может быть, кое-кто и смеется, кое-кто и плачет. Но от этого музыка квартала не прекращается. Она только меняется, потому что меняются люди. Сейчас она звучит для всех, кто чего-то ищет в жизни и пока не находит. Кап-кап... Как же быть? — все спрашивает и спрашивает дождь.

Глава 7. Голубь Сурика улетел и не вернулся

И на этот раз выход из положения нашел Зарэ. Все согласны с его предложением и в то же время все досадуют на то, что первым догадался об этом он.

Сейчас Тигран и Вачик ждут его в недостроенном здании.

А Зарэ стоит снаружи и украдкой озирается — не увидел ли его кто-нибудь. И тут он замечает высокого парня с длинной шеей, который приходит из соседнего квартала. Парень с любопытством наблюдает за Зарэ.

— Ты зачем опять пришел?

Парень молча удаляется.

Зарэ проскальзывает в здание. Ребята улыбаются ему. Их взгляд выражает нетерпение, а он, чтобы придать моменту побольше торжественности, медлит. Наконец он достает из кармана три сигареты, две из них протягивает ребятам. Они берут сигареты в губы и долго с деланным безразличием разговаривают.

— Строительство закончат в этом году.

— Наверно.

— А вы переедете на новую квартиру?

— Возможно, переедем.

— Мы тоже.

— А старый дом кому оставите?

— Посмотрим, может, брат там останется.

Но вот они догадываются, что в такой момент можно поговорить о вещах поважнее — о девушках.

— Ты Соню помнишь?

— Какую?

— Что училась с нами, а потом осталась на второй год.

— Да, помню. Краснощекая. Я не люблю краснощеких девушек.

— А ты не видел, как сейчас за ней увиваются ребята? Если б видел, не говорил бы так.

— Мне все равно. Наплевать. Я люблю высоких девушек.

— А я вот низкий, и мне трудно целовать высоких, — вздыхает Зарэ.

— Ребята, послушайте, — вдруг что-то вспоминает Вачик. — Каждый день в десять часов здесь проходит одна красивая девушка. Увидите — закачаетесь. Потом поднимемся на крышу, я покажу ее вам.

Наступает молчание. Почему-то все трое хмурятся и делаются задумчивыми. Они забывают о строительстве здания (этот разговор, правда, и прежде их не интересовал) и о девушках. Они молчат.

В здание забрела какая-то курица, увидев незнакомых людей, она быстро убегает. А ребята все думают. В квартале не хотят замечать, что они уже взрослые. И до каких же пор они должны хранить эту тайну? Так ведь люди никогда не узнают об этом, и это останется их тайной. Такая мысль приводит их в отчаяние и навеивает на всех троих непонятную печаль.

— Закурим? — наконец спрашивает как бы между прочим Вачик.

— Закурим, — как бы между прочим отвечает Зарэ.

Зарэ зажигает спичку, и три лица сближаются. В этот момент они чувствуют какую-то особую близость друг к другу.

— Я дам тебе свою сумку, — говорит Зарэ Тиграну. — Вчера я заметил, когда ты шел в баню, что твоя уже совсем старая.

Спичка гаснет. Ребята удивленно смотрят на нее. Зарэ собирается продолжить разговор. Это будут первые слова, сказанные после того, как они закурили, и им кажется, что это имеет большое значение.

— Голубь Сурика улетел и не вернулся. Вероятно, переманили...

Они в недоумении переглядываются: это ли нужно было сейчас сказать? Вдруг Зарэ закашлялся, глаза его наполнились слезами. Вслед за ним закашлялся и Вачик. Теперь Зарэ и Вачик ждут, когда начнет кашлять Тигран, и удивленно смотрят на него.

— Ты и раньше курил? — сердито спрашивает Зарэ.

Они чувствуют, что Тигран вдруг пал в их глазах, хотя все трое пришли сюда именно для того, чтобы закурить.

Ребята слышат насвистывание. Они с трудом сдерживают кашель, чтобы Арсен, проходящий мимо здания, не обнаружил их присутствия. У Вачика и Зарэ сигареты погасли. Это их радует, нужно опять зажигать спичку. На этот раз спичку зажигает Вачик, и теперь уже сближаются два лица. И теперь эти двое чувствуют еще большую близость.

Начинает кашлять и Тигран. Это он попробовал затянуться. Теперь всех троих тошнит,

и у всех кружится голова. А в мыслях Зарэ почему-то навязчиво вертятся все те же слова: «Голубь Сурика улетел и не вернулся. Вероятно, переманили...»

Немного погодя ребята встают.

— Ну пошли, — вспоминает Вачик. — Та девушка скоро пройдет.

Глава 8. Мечты на крыше недостроенного здания

Ребята поднимаются на крышу недостроенного здания. Садятся на разостланную там солому.

Ясная, безоблачная ночь. Одна из тех ночей, когда кажется, что небо всегда было вот таким ясным и всегда будет таким. На мягком и очень знакомом куполе поблескивают звезды, словно отражая огни ночного города.

Все вокруг становится таинственным и торжественным. А ведь совсем недавно — всего несколькими метрами ниже — такой обыденной казалась эта земля, земля, на которой они живут. Тигран думает, что это, видимо, потому, что они уже привыкли к этой земле, к ее радостям, горестям, даже к счастью на ней. Потому-то все и стало обыденным. Но нельзя допустить, чтобы это было обыденным. Нужно иногда заново почувствовать, как бы впервые догадаться и неожиданно открыть для себя то, что знакомо и тебе и всем: что ты живешь, что существует земля, что существуешь ты сам, с радостями и печалью. И тогда ты не станешь никогда маленьким человеком, никогда не будешь думать только о себе, и никогда тебе не будет казаться, что только ты живешь в этом мире.

Тигран хотел сказать обо всем этом товарищам, но увидел, что и они задумались. Почему-то ему показалось, что и они забыли о курении и чувствуют то же самое, может быть, мыслят об этом иначе, но чувствуют непременно то же.

Всем троим хочется поговорить, но каждому кажется, что его голос что-то разрушит.

И сейчас еще больше, чем тогда, когда они курили, они чувствуют близость друг к другу. Это та близость, которую не хочешь скрывать, о которой хочешь говорить. Но как? Нельзя же быть сентиментальным и говорить друг другу слащавые вещи.

Видимо, для этого лучше всего что-нибудь поверить друг другу, какую-нибудь тайну, которая другим, возможно, покажется смешной. И все же им она будет близка, потому что их тайна — это мечта.

Но никто не решается заговорить первым. Неудобно рассказывать о своей мечте. Когда об этом говоришь громко, и ты сам и твои мечты становятся смешными.

Зарэ лежит на спине с соломинкой во рту и смотрит на небо.

— Зарэ, о чем ты думаешь? — спрашивает Тигран.

— Звезды считаю. Хочу узнать, сколько их, — полусерьезно, полушутливо отвечает Зарэ. — Раз, два, три, четыре...

— Зарэ, если бы тебе предложили полететь на Луну, ты бы согласился? — опять спрашивает Тигран.

— Десять, одиннадцать, двенадцать... Конечно... Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

— Как было бы хорошо, если бы мы кончили школу лет десять назад, правда? — говорит Вачик.

— Конечно. Сейчас уже были бы женаты, — иронически перебивает его Тигран.

— Не говори глупости. Я всегда возмущаюсь, что без нас люди делают тысячи открытий. А вы, дурачье несовершеннолетнее, не думаете пока об этом.

— Мне так хочется отправиться куда-нибудь далеко-далеко. — Тигран вдруг не выдерживает и начинает откровенничать. — Если бы я был уверен, что все вы не станете меня разыскивать, я пешком пошел бы по всему миру. Иногда я даже жалею, что уже открыты все материки.

— Зато есть много другого, что еще не найдено, не открыто, — говорит Вачик. Он

замолкает, слегка краснеет, но все же добавляет: — Я умру, если ничего не открою.

Ему кажется, что его слова звучат слишком самоуверенно и что поэтому ребята смотрят на него осуждающе.

— Пусть даже люди не узнают моего имени. Да я и не разрешу, чтоб обо мне писали, — добавляет он и успокаивается: ведь он оправдался, ребята поймут, что это вовсе не самоуверенность.

— Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь...

— А потом вернуться бы с Луны, — говорит Тигран. — Тебя уже никто не узнает. Интересно, а?

— Что интересно? — спрашивает Вачик.

— Так, ничего...

— А ты поставь перед собой цель сделать что-нибудь конкретное. Вот Акоп. Он и работает — весь дом содержит, и учится... Ребята, а почему он такой неприметный, такой тихий, его как будто даже никто не замечает, никто о нем ничего не говорит, а? Но ведь он самый настоящий человек! Такой человек, которому позавидуешь. Почему это, а?

— Секрет, — неопределенно говорит Тигран.

— Сорок, сорок один, сорок два... Это проще всего — стать настоящим человеком. Проще всего, но в то же время нужно знать секрет, — подтверждает Зарэ авторитетным тоном: ведь он поэт квартала. Но он даже не подозревает, что именно сейчас он сказал слова, которые, может быть, значат много больше, чем все выраженное им до сих пор в стихах.

— Вот я поработаю два года, — продолжает Вачик, — потом снова буду учиться, а потом стану работать в Бюраканской обсерватории.

Ему кажется, что ребята не верят в это. А он верит, очень верит. Но вот товарищи... Они тоже должны поверить. Это очень важно. Может быть, важнее, чем то, что он сам верит.

— Я здорово силен в математике. Хочешь, проверь?

— Ладно, знаем.

— Нет-нет, проверь.

— Двести двадцать пять на восемьдесят три.

— Восемнадцать тысяч шестьсот семьдесят пять, — отвечает довольный Вачик.

Нет, товарищи верят в него. Не напрасно они спросили у него трудное, а не легкое.

— Сорок пять, сорок шесть, сорок семь... Ребята, я решил печатать свои стихи под псевдонимом. А потом, когда стану известным, скажу, что это я. Представляете, как будут все удивлены?.. Э-э, сбился. Начну снова. Раз, два, три, четыре...

— Вот, если бы один из нас знал бы какую-нибудь тайну и сообщил бы об этом, — вдруг ни с того ни с сего говорит Вачик.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать...

— Жалко, что я не знаю, а то сообщил бы, — замечая, что на него не обращают внимания, продолжает Вачик.

— Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять...

— А вы, ребята, не знаете? — спрашивает Вачик.

— Ну, ну, — сердится Тигран. Он понимает, что у Вачика что-то вертится на языке и он ищет повода рассказать. — Чего тянешь? Говори.

— Ребята, — виноватым тоном говорит Вачик. — Я собрал приемник.

— Приемник?!

— Да.

— Почему нам ничего не говорил?

— Не знаю... Но я никому не покажу до тех пор, пока в моей жизни не произойдет что-нибудь большое, по-настоящему большое...

— А нам покажешь?

— Конечно.

— Тридцать три, тридцать четыре... А что-нибудь ловит.

— Конечно.

— Например, Киев ловит?
— Ловит.
— Ленинград?
— Все ловит.
— Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь...
— Да, ты станешь ученым, — вздыхает Тигран. — А я... Я и сам не знаю, чего хочу.
— Упала, упала! Сороковая упала! — вскакивает с места Зарэ.
— Что, кто упала?
— Звезда, сороковая звезда. Значит, я стану поэтом.
— А я... — Вачик хочет сказать «ученым», но стесняется. — А я буду работать в обсерватории.
— Ну и я, наверно, что-нибудь буду делать... Что-нибудь хорошее... Чтоб все были довольны мной, — говорит Тигран.
— Ребята, давайте здесь поклянемся, что бы мы ни делали, будем делать так, чтоб люди были довольны, — говорит Зарэ и, вопросительно посмотрев на товарищей, протягивает руку. Хоть он чувствует, что в этом есть что-то детское, все-таки непосредственность берет верх.
— Я не буду, — говорит Вачик.
Зарэ растерянно смотрит на него. Потом на Тиграна.
— Я тоже, — говорит Тигран.
Рука Зарэ так и остается вытянутой.
— Дурак, — вдруг говорит Вачик и пожимает его руку. Тигран тоже кладет свою руку. Зарэ, поняв, что они пошутили, облегченно вздыхает. И все трое смеются.
— А девушка, девушка? — вдруг спохватывается Зарэ и вскакивает с места.
— Какая девушка?

И они только сейчас вспоминают, для чего поднялись сюда. Они совсем забыли о девушке. А сейчас уже поздно.

Но они как будто не так уж недовольны этим. И, видимо, потому, что в жизни есть что-то значительно более серьезное и важное, чем папиросы и девушка, которая должна была пройти в десять часов.

— Сорок пять, сорок шесть, сорок семь, сорок восемь, сорок девять...

Тигран смотрит на вечерний город, на его тысячи огней, прислушивается к окружающей глубокой тишине, которая только одна слушала и знает об их мечтах. И Тигран расправляет плечи. Он действительно сейчас по-новому смотрит на все, будто именно сейчас он открыл для себя что-то новое. Все это больше не обыденно и для этих троих никогда обыденным не будет, ведь в их жизни был этот последний вечер, этот знакомый небосвод, который, кажется, всегда был таким ясным, и есть этот большой город, его тысячи огней и их отражение в небе — крохотные звезды. И самое главное: потому что у них есть мечты, пусть немного детские, пусть немного смешные, раз уж о них говорится вслух.

Тигран смотрит широко раскрытыми от удивления глазами. И в тишине так искренне звучат его слова:

— Ребята, мир-то какой большой!

Глава 9. Я не работаю только по понедельникам

Все в квартале недовольны, как бреет дядя Арам, но все бреются у него. Вот и сегодня он своему клиенту порезал щеку. Клиент не выдерживает и начинает сердиться. Станные эти клиенты! Вот, скажем, этот — вместо того чтобы упрекать дядю Арама в том, что тот порезал его, придирается, что в парикмахерской грязно, что на стульях пыль, что пол никогда не моется. И с издевкой добавляет, что дядя Арам еще, мол, уполномоченный квартала. Однако, уходя, он спрашивает:

— Когда прийти в следующий раз?

— Я не работаю только по понедельникам, — отвечает дядя Арам.

Потом он остается в парикмахерской один и опять ждет посетителей. Через окно он видит Зарэ. Он идет, окруженный ребятами. Они что-то кричат и дергают его за куртку. Дядя Арам не обращает на них внимания. Но вдруг он с удивлением смотрит на дверь, хочет улыбнуться и не может. В дверях стоит Зарэ.

— Здравствуйте, дядя Арам, — говорит он.

— Здравствуй, Зарэ, — весело отвечает дядя Арам.

Ребятишки остались на улице и заглядывают в окно. Зарэ садится в кресло. Делает все точно так, как большинство посетителей парикмахерской. Дядя Арам воодушевленно засучивает рукава и начинает направлять бритву, хотя для того, чтобы побрить Зарэ, можно этого не делать. Дядя Арам чувствует себя счастливым, ему кажется, что до сих пор он ничего особенного для квартала не сделал, а вот сегодня должен сделать что-то очень хорошее, очень важное. Ведь уже начинается новое поколение! И в первую очередь оно проходит через руки дяди Арама. Он горд этим, точно это поколение принадлежит ему и он сам его вырастил.

От радости он начинает разговаривать больше обычного:

— Другие парикмахеры так не бреют. У каждого в работе свой стиль. Так же, как у вас, у поэтов, каждый пишет по-своему...

Дядя Арам говорит, а сам в уме прикидывает, кто же еще скоро станет его клиентом. Арсен, Карен... Он улыбается, вспомнив, что несколько дней назад был с женой в кино и, встретив там Тиграна, обратил внимание, что у него на лице появились жиденькие волосы. Значит, и этот скоро появится здесь...

Вдруг Зарэ перебивает его:

— Дядя Арам, а кроме меня, здесь еще никто не был из ребят?

— Нет, не был.

Зарэ удовлетворенно улыбается.

От ребятшек, собравшихся возле парикмахерской, отходит Гришик. Он оскорблен — почему это Зарэ может бриться, а Тигран нет? — Он идет к брату.

— Ты почему не бреешься?

— Еще не время.

— Если сейчас же не пойдешь бриться, всем расскажу про твою тайну.

— И получишь за это.

— Почему Зарэ может бриться, а ты...

Тигран удивленно смотрит на брата. Вот оно в чем дело! Значит, Зарэ в этот раз решил все сделать втихомолку. Задыхаясь, Тигран бежит по улице, а за ним бежит Гришик. Около парикмахерской они переходят на спокойный шаг.

А дядя Арам принимается рассказывать Зарэ, как он стал парикмахером. И тут он замечает, что в увлечении порезал Зарэ лицо. На лице Зарэ появляется гримаса от боли. И он вспоминает: в квартале поговаривают, что дядя Арам плохой парикмахер. Но он, как бы там ни было, как и отец, как и все соседи, не будет ходить в другое место, а всегда будет бриться здесь.

— Каждый парикмахер имеет право хоть раз порезать клиенту лицо, — растерянно говорит дядя Арам. — В конце концов ведь это бритва, а не игрушка...

Зарэ побрит. Он расплачивается с дядей Арамом и вспоминает, что нужно спросить очень важную вещь:

— А когда зайти в следующий раз?

— Я не работаю только по понедельникам, — отвечает дядя Арам.

Входит Тигран. Ему очень трудно скрыть, что он бежал. Гришик присоединяется к ребятишкам и вместе с ними не без гордости заглядывает в окно. Зарэ несколько смущается, видя Тиграна. Но они деланно улыбаются друг другу.

— Доброе утро, — говорит Зарэ.

— Доброе утро, — говорит Тигран.

— Как жизнь? — равнодушно спрашивает Зарэ.

— Ничего, спасибо, — равнодушно отвечает Тигран, будто они уже сотни раз

встречались в парикмахерской. — Зуб только немного побаливает.

— Нужно аспирин на зуб положить. Быстро пройдет, — советует Зарэ, хотя прекрасно знает, что зуб у Тиграна не болит.

Тигран садится в кресло.

— Побрей, дядя Арам, — как бы между прочим говорит Тигран, а потом спрашивает: — Ты что вечером собираешься делать, Зарэ?

— Посмотрим. Потом встретимся — договоримся.

И он торжественно выходит на улицу. Ребятишки опять окружают его и, как свита, следуют за ним. Гордый, впервые побритый, Зарэ шагает по улице. Лицо ему жжет одеколоном, но он всячески старается не показывать этого.

Слух о посещении Зарэ парикмахерской дяди Арама быстро распространился по всему кварталу и дошел до Вачика. Он торопливо выходит из дому, направляется к парикмахерской, но не заходит туда, а, покрутившись возле, возвращается обратно. У него на лице всего несколько волосков. Дядя Арам не станет брить его. Однако дома он все же пытается побриться. Намыливает лицо. Смотрит в зеркало на побелевшие щеки и готов поверить, что под этим слоем белой мыльной пены очень густые и очень черные волосы, которые он сейчас сбреет. Но бритва снимает лишь совершенно белую мыльную пену, и Вачик с удивлением замечает, что порезал себе лицо...

В этот день еще несколько ребят заходят к дяде Араму побриться.

Когда, наконец, все ушли, уставший дядя Арам садится передохнуть, он чувствует, что ему эта усталость необычайно приятна. Будто и он сегодня стал взрослым. И впервые за много лет он замечает, что пол парикмахерской не мыт, на стульях пыль и что вообще в парикмахерской грязно. Он выходит и кричит:

— Асмик! Иди наведи в парикмахерской порядок!

Так вырастают и меняются не только парни квартала, но и взрослые. Дядя Арам теперь уже чувствует себя настоящим парикмахером квартала, хотя все по-прежнему им недовольны. То, что он плохой парикмахер, не мешает ему оставаться парикмахером квартала. Это ведь совершенно разные вещи. И значительно важнее и приятнее быть парикмахером целого квартала, нежели просто хорошим парикмахером.

Глава 10. Официальная зрелость

— Тигран, меня вызвали в военкомат.

— Заливаешь.

— Да нет, вызвали.

— Скажи: честное слово.

— Честное слово.

Молчание.

— Ну, я пошел, — ни с того ни с сего говорит Тигран.

— Ладно.

Но оба не трогаются с места.

— Почтальон плохо работает, — вдруг говорит Тигран. — Однажды он наше письмо отдал другим.

— Разве? По-моему, он всегда правильно разносит.

Тигран сердито смотрит на Зарэ. Он понимает, что Зарэ хотел бы быть единственным в квартале, кто получил повестку. Тигран очень хорошо знает, что это означает. Ведь это дает человеку официальное право и курить и бриться. Ведь с этим наступает официальная зрелость человека.

Зарэ с деланным безразличием расхаживает широкими шагами. У него сейчас и впрямь большое преимущество перед товарищами.

Но Тигран, подумав о чем-то, начинает лукаво улыбаться. Заложив руки в карманы и равнодушно насвистывая, он подходит к Зарэ и вдруг ставит ему подножку. Зарэ,

споткнувшись, еле удерживается на ногах. Он оскорблен. А Тигран смотрит на него и разражается смехом. Это удивляет Зарэ. Он собрался уже ответить Тиграну, но, почувствовав в его поведении что-то странное, застывает на месте.

— Дурак! — продолжает смеяться Тигран. — Ведь мы-то однолетки.

Зарэ смотрит на него с недоумением: а ведь верно! Как же он забыл об этом?

— А я-то и в самом деле испугался, — признается Тигран. — Не сегодня-завтра мне тоже пришлют.

Зарэ не отвечает — ему больше нечем гордиться. Недовольный, он поворачивается и уходит.

В зале военкомата сидит группа юношей. Все — в трусах. Какой-то широкоплечий парень, напрягая мускулы рук, показывает их товарищам. Он очень доволен собой.

Как ни странно, Карен, который недолюбливает ребят квартала, сейчас сел рядом. Он и сам этого не почувствовал, как-то само собой получилось. Ведь в зале все ребята собрались группами, по своим кварталам.

Карен тоже в одних трусах. Он почему-то смущается, чувствует себя униженным. Ведь он этим ребятам не чета! Нет ничего общего! Эти даже с девочками по-настоящему не гуляли. Он в жизни видел намного больше, чем эти мальцы.

А повестка была просто издевкой над ним. Она напомнила, что они в конце концов сверстники.

Широкоплечий парень продолжает удивлять своих товарищей. Подмигнув, Зарэ говорит:

— Прямо как наш Вачик.

Вачик, смущенный своей худобой, забился в угол. Не случайно он не любит лето. Зимой можно надеть пиджак и пальто с широкими плечами. И тогда кажется, что у него атлетическое телосложение. Летом же, в одной сорочке, он будто голый, весь на виду. А уж сегодня и подавно.

«Хорошо, что нет здесь Анаит», — мелькает у него в мыслях. И он сердито отвечает Зарэ:

— На себя бы лучше посмотрел. Я хоть не пишу, как ты, всякие там стишки. О дереве, о листиках, о муравьях...

— А о чем же писать? О твоих звездах, что ли? — возмущается Зарэ.

— Он ученый нашего квартала, — со всей серьезностью защищает Вачика Тигран.

Этот Тигран очень уж серьезен всегда, до невозможности серьезен!

Вачик вынужден замолчать. По правде говоря, его даже не вызывали сюда. Он на год младше остальных и пришел просто так. И вместе со всеми разделся. Тоже просто так.

— Все вы ученые, — раздается иронический голос Карена.

Тигран готов огрызнуться, но Карен достает из пачки сигарету и демонстративно закуривает. Совершенно спокойно, не кашляя, не задыхаясь.

Вызывают широкоплечего парня. С достоинством вздернув голову, он проходит мимо знакомых и незнакомых ребят и заходит в комнату врачей. Вачик смотрит на него с завистью, но мысленно успокаивает себя: «Знаю, ему-то и мечтать не о чем. Только и думает о своем виде. Только вот почему ребята опять забыли, что я буду астрономом? Да еще издеваются. Может, я их обидел чем-нибудь?»

И он виновато бормочет:

— Зарэ, ты ведь знаешь, что мне всегда нравились твои стихи.

— А как насчет Тиграна? — спрашивает Зарэ.

— Тигран?.. Ну, Тигран обязательно станет полярником.

— Брр... — смеясь, поеживается Тигран. — Не вспоминай о холоде.

Дверь открывается. С опущенной головой, весь сникший, выходит широкоплечий парень. Как общипанная курица.

— Для военной службы пока не годен, — удовлетворенно оповещает вышедший с ним товарищ. — Должен лечиться.

Весь зал хохочет. С особым наслаждением смеется Вачик.

Вызывают Карена и Тиграна. Их имена зачитывает молоденькая девушка. Ребята замечают, что Карен, проходя мимо нее, находит какой-то повод завести с ней разговор. Улыбаясь, он ей говорит что-то. И на лице такая самоуверенность, будто он сейчас в шикарном костюме и при самом модном галстуке.

В зале опять шумно. Молча сидят только Зарэ и Вачик. Будто и товарищи сдают приемный экзамен в институт.

Выходит Тигран. Он издали улыбается.

— Все в порядке? — спрашивает Вачик.

— Все в порядке.

— Сейчас и меня вызовут, — нетерпеливо говорит Зарэ.

— Может, и меня, а? — неуверенно добавляет Вачик.

— Не-е, в будущем году.

— Ребята. — Тигран говорит совершенно другим тоном.

— Что?

— Вовсе не все в порядке.

— А что такое?

— Оказалось, что я близорукий.

— Что, что?!

— Ну, близорукий.

— И признали негодным?

— Ага.

— Ладно, не хмурься. Полярнику это не помешает, — успокаивает Вачик.

— В будущем году и тебя сюда вызовут, — с благодарностью говорит Тигран. — Только, ребята... никому не говорите, ладно?

— Ладно, не волнуйся.

— Хорошо, что Карен не услышал об этом, — продолжает Тигран.

— Так узнают ведь. Все равно тебе придется носить очки.

— Очки?! Ни в коем случае! Только вы не говорите. Хорошо?

— Не продадим.

Выходит и Карен. Одевается. Теперь, одетым, он опять чувствует себя прежним Кареном. И смотрит на ребят пренебрежительным взглядом.

А Тигран почему-то не спешит одеваться. Он хочет подольше остаться таким. Будто ждет, что его снова вызовут. И ничего не скажут о близорукости.

Глава 11. «Порядок?» — «Порядок!»

И сразу все изменилось.

Под стеной недостроенного здания сидит Зарэ. Рядом на столбе укреплен громкоговоритель. Передают музыку. Зарэ не может поверить, что все это, рассказанное сейчас ребятами, правда. Он с нетерпением поглядывает на громкоговоритель. Он уверен, что это недоразумение, в противном случае с ними случится то же самое. Наконец музыка кончается, сейчас будут передавать сводку погоды. Затаив дыхание Зарэ ждет. Вдруг из репродуктора доносится голос Анаит. Значит... значит, все это правда! Она стала диктором.

— В Кафане тридцать градусов, в Кировакане и Степанаване — двадцать два... В Ереване ожидается малооблачная погода без осадков. Ветер слабый, до умеренного. Температура днем двадцать девять — тридцать один градус...

Зарэ в отчаянии хватается с земли камень и швыряет его. Только от этого ничего не меняется. Лишь поднимается пыль в том месте, куда упал камень. А Анаит продолжает спокойно читать.

«Почему она стала диктором? — раздумывает Зарэ. — И почему нам ничего не сказала?»

Ему кажется, что Анаит их предала. Ведь между ними существовало молчаливое согласие делать все для достижения своей цели. И вот один предал. Один оторвался от

товарищей.

Зарэ замечает, что из своего подвала выходит Акоп. Он идет в институт. Это видно по тому, что он в костюме и под мышкой держит рулон чертежей.

Зарэ уже давно собирался поговорить с Акопом, но все откладывал. История с Анаит представляется ему сейчас подходящим поводом заговорить с ним.

Зарэ следует на некотором расстоянии позади Акопа и не решается подойти к нему. Как странно. Ведь все ступени к взрослости преодолены: и покурили, и побрились, и потом, как бы в подтверждение того, что они уже взрослые, их вызвали в военкомат и выдали военные билеты. И все же каких-либо коренных изменений в жизни не чувствуется.

Акоп останавливается купить сигареты. Зарэ пробует свернуть в сторону, но Акоп замечает его. Зарэ вынужден подойти.

— Куда идешь, Зарэ?

— Да так. Гуляю...

Они идут вместе. Зарэ хочет начать разговор и опять не решается. Стоит только заговорить, как все рухнет, он пойдет по стопам Анаит. Прощай тогда стихи, надежда на издание книги.

— Ты слышал, — спрашивает Зарэ, — у нас был вечер?

Акоп торопится и отвечает рассеянно:

— Да, слышал.

— А слышал, что и дядя Арам заявился туда?

— Слышал.

— Так было смешно...

Акоп поглядывает на часы.

— Зарэ, я спешу. Заходи потом, поговорим.

— Ладно. — Зарэ рад, что опять все откладывается.

Акоп прибавляет шаг.

Зарэ останавливается. Он и рад и недоволен. «Нет, вечером пойду и все скажу», — решает он и вдруг срывается с места, бежит вдогонку за Акопом.

— Акоп! Акоп!

Акоп останавливается. Запыхавшийся Зарэ, еще не добежав, издали спрашивает:

— А мне как быть?.. Стать шофером?..

Акоп улыбается. Он понимает, почему Зарэ так взволнован. Впрочем, сейчас Зарэ и не ждет ответа. Он и сам знает, что Акоп только похвалит его. Но тем не менее ему важно было спросить Акопа. Теперь будто гора с плеч свалилась. Теперь он спокоен и доволен.

Акоп опять смотрит на часы — как ни странно, он больше не спешит.

И здесь над ними громкоговоритель. Оба молчат и слушают. Голос Анаит, девушки в брюках... Зарэ смотрит на прохожих и испытывает гордость.

— Лучше всех, конечно, устроился Тигран, — замечает он вдруг с улыбкой. — Глядишь, и впрямь станет великим портным!

Акопу не нравится его ирония, он хочет возразить, но вместо этого смотрит на брюки Зарэ и говорит:

— Сейчас такие широкие не носят.

И, не попрощавшись, уходит.

Акоп возвращается из института и, как всегда, думает: «Что сейчас делает Нунэ? И чего она не уйдет от этих родственников?» Каждое утро, когда Акоп видит, как Нунэ идет за водой, он хочет ей сказать, чтобы она ушла из этого дома, поступила на работу, стала самостоятельной... и не решается. Ему почему-то неловко говорить Нунэ что-то серьезное. Это может сказать кто-нибудь другой, кто относится к ней просто, как к соседке. А если он скажет, то ему же самому покажется это глупым и бессмысленным. С Нунэ он может говорить только об отвлеченном: о ее платье, о кране, о погоде... О тех незначительных в жизни вещах, которые почему-то иногда становятся чрезвычайно значительными.

Акоп вспоминает встречу с Зарэ и улыбается. Да, каждый человек в любом возрасте

всегда чего-то ищет... Вдруг он останавливается. С недоумением смотрит на Вачика, тот, перепачкав лицо и костюм, швыряет лопатой в подвал бани уголь. Заметив Акопа, Вачик в смущении бросает лопату и садится прямо на уголь.

— Что ты делаешь? — удивленно спрашивает Акоп.

Вачик растерянно бормочет:

— Ничего... Привезли уголь... Ну, а тебя здесь не было, и я... — Вдруг он повышает голос: — А что? Я не должен ничем заниматься, что ли?!

Акоп не отвечает. Улыбаясь, он берет другую лопату и начинает бросать уголь в подвал. Вачик удивленно смотрит на него, потом, обрадовавшись, что его поняли, снова берется за лопату.

Но вот что его беспокоит. После того как с машины ссыпали уголь, вместе с ним работал и Арсен. Однако чувствовалось, что он взволнован, казалось, в нем происходила какая-то внутренняя борьба.

Они уже порядочно поработали, когда Арсен сказал, что проголодался и пойдет принесет для обоих еды. Он ушел и не вернулся. Вачик не может понять, что с ним случилось. Вачик не знает, что Арсену встретилась по пути какая-то женщина их квартала и, увидев измазанное лицо Арсена, принялась стыдить его:

— Вот полюбуйтесь на молодца! Интересно, куда только он залез...

Это очень оскорбило Арсена. Но он впервые не огрызнулся и молча ушел.

Все произошло как-то внезапно.

Зарэ замечает Вачика и Акопа, с любопытством подходит ближе. Неожиданно он тоже берет лопату и присоединяется к ним.

Гришик не хочет, чтобы его брат отставал от других. Он бежит домой, рассказывает обо всем Тиграну.

Тигран прибегает и, точно между друзьями была договоренность, тоже принимается за дело.

Им кажется, что именно сегодня, именно сейчас многое должно решиться. Должно решиться то, что каждый из них в отдельности давно уже решил для себя. Нужно только об этом хоть раз сказать вслух, хоть раз услышать свое решение, произнесенное своим же голосом.

Акоп чувствует, что сейчас ему лучше уйти, оставить ребят одних. Ему странно, что на нем сегодня лежит такая ответственность. Ему ведь и самому еще во многом необходимо разобраться, о многом спросить других. Удивительно, как все люди нужны друг другу!

Ребята остаются одни. Они молча работают. Слышен только стук лопат.

Но вот Вачик разгибает спину и решительно, ни на кого не глядя, говорит:

— Я решил. Иду на завод.

Остальные молчат. Зарэ вопросительно смотрит на Тиграна, тот делает вид, что не замечает взгляда.

— Напрасно ты хочешь стать портным, — говорит Зарэ. — Хоть бы уж шофером...

— Или токарем, — добавляет Вачик.

— Скоро стемнеет, нужно торопиться, — бормочет Тигран.

Они опять о чем-то думают и молча продолжают работать.

Скоро возвращается Акоп, останавливается на некотором расстоянии и спрашивает:

— Ну как, ребята, порядок?

Вачик смотрит на Акопа, догадывается о действительном смысле его вопроса, улыбается и говорит:

— Порядок!

Часть вторая **КВАРТАЛ НАЧИНАЕТСЯ С ОТСТРОЕННОГО ЗДАНИЯ**

Глава 1. Первый день

Тигран сидит в портняжной мастерской и с удивлением осматривается. Почему стена напротив, выходящая на улицу, вся застеклена? Почему на улице столько прохожих и почему многие из них заглядывают сюда? А вот какой-то паренек даже высунул язык и скорчил гримасу. И где теперь их квартал? Кажется, что он где-то далеко-далеко, и Тигран туда уже больше не вернется. Может быть, это был только сон? Сном было все: и дядя Арам, и штанга, и девушка в брюках, и клуб, и их вечер — все, что многие годы представлялось Тиграну целым миром. Весь этот мир в течение нескольких дней развеялся, куда-то исчез, а он, Тигран, сидит сейчас здесь, в портняжной мастерской, и слышит голос своего мастера:

— Понял?

— Понял, — отвечает Тигран.

Нет, вероятно, все это только недоразумение, вероятно, его жизнь еще сложится иначе. Недоразумением, вероятно, является и эта застекленная стена, и прохожие, и тот паренек, высовывавший язык.

— Понял? — спрашивает мастер.

— Понял, — отвечает Тигран.

А что сейчас делает Зарэ? Тигран вспоминает, как сегодня утром они встретились на трамвайной остановке. Зарэ направлялся в автошколу. У обоих под мышками были пакеты, и обоим было неловко за них. Зарэ, словно оправдываясь, сказал:

— Отец заставил... Бутерброд с сыром...

Тигран тоже сказал, застенчиво улыбаясь:

— И я не хотел брать. — Помолчав немного, улыбаясь, добавил: — И у меня бутерброд с сыром.

Это совпадение их почему-то обрадовало.

Потом они заметили одного из парней квартала, который, насвистывая, прошел мимо них с маленьким бидоном в руке. Оба долго, очень долго смотрели ему вслед.

— За молоком идет, — сказал Зарэ.

Подошел трамвай, они поднялись в вагон и еще раз оглянулись на свой квартал. Парень с бидоном шел обратно. Зарэ, вздохнув, сказал:

— Молоко еще не привезли.

И они хорошо поняли друг друга.

— Понял? — спрашивает мастер.

— Понял, — отвечает Тигран.

Но кто же эти люди вокруг? Что они хотят от Тиграна? Тигран внимательно смотрит на мастера. Он из репатриантов⁶, чуть сутуловатый, опрятно одетый старичок. Он рассказывает о своей жизни, считая, очевидно, что это очень важно знать начинающему портному. Он жил во Франции, там обучился своему ремеслу, там и работал... Вдруг он умолкает, сдерживает дыхание. По-видимому, наступает самый торжественный момент в его рассказе. Почему-то умолкают и остальные портные.

— Когда Шаляпин был в Париже, я шил ему фрак!..

Кое-кто не выдерживает и прыскает со смеху.

— Мастер, ты ведь забыл сказать, что Шаляпин пригласил тебя после этого на концерт и даже заметил тебя в зале.

— Совсем не обязательно рассказывать обо всем в один день. — Мастер с трудом сдерживает раздражение. — Об этом в следующий раз.

Портные опять смеются.

— Испортят мальчика, испортят, — бормочет мастер. — Ты их не слушай, сынок.

⁶ Имеется в виду репатриация в Армению проживавших за границей армян. (Прим. перев.)

И мастер вынужден перейти к основной теме — разъяснению законов кройки. Он наклоняется к Тиграну и шепчет:

— Конечно, это не самое важное, но иногда нужно бывает заняться и делом. Возьми иглу, продень нитку. Иногда и это бывает полезным.

Тигран с удивлением смотрит на мастера. Мастер лукаво улыбается и еще ниже наклоняется к Тиграну, будто собирается открыть ему очень важную тайну:

— Если будешь работать в поте лица и уставать, никогда не станешь хорошим портным.

Тигран вдруг проникается к нему симпатией.

— Понял? — спрашивает мастер.

— Понял, — отвечает Тигран.

И тут он слышит в репродукторе голос Анаит. Он забывает обо всем на свете, вскакивает с места, быстро подходит к репродуктору и прибавляет звук. Вот он, их квартал! Но... У него тут же падает настроение. Ведь и Анаит лишилась своего квартала. Сейчас ее голоса уже не слышно в квартале.

Он слушает ее голос, и голос этот напоминает ему о былых днях, о былых мечтах. Вспоминает он и коляску своего брата и решает в ближайшее воскресенье снова выйти на прогулку. «Очки не надену», — думает он. Ему кажется, что в очках он будет выглядеть уж очень заурядным.

Кто-то из портных подходит к репродуктору и убавляет звук.

— Понял? — спрашивает мастер.

— Понял, — отвечает Тигран.

Вачик входит в цех в час перерыва. Сначала он идет уверенной походкой, потом, к удивлению своему, замечает, что со всех сторон на него поглядывают как-то косо. Рабочие же просто с любопытством рассматривают его костюм. Он надел свой лучший костюм, будто собрался в театр.

Вачик замечает у одного из станков миловидную девушку. Он останавливается на секунду и потом, пожав своими узкими плечами, идет дальше. Ему кажется нелепым такое сочетание: миловидная девушка — и этот огромный завод.

— Кого вам? — спрашивает девушка.

— Мне... мне... — И уверенным шагом подходит к пожилому рабочему. — Вы бригадир?

Рабочий качает головой и показывает рукой на ту самую девушку. Вачик поражен. В смущении он возвращается к девушке.

— Значит, это ты бригадир?

— Да. Но почему «ты», а не «вы»? — сухо, казенным тоном спрашивает она.

Окончательно смутившись, Вачик тихо говорит:

— Меня приняли на завод... Послали сюда...

Девушка, смерив Вачика взглядом с ног до головы, спрашивает:

— А что вы умеете делать?

— Я... Я часто бывал на заводах. И в школьной мастерской работал на станке... И умножать умею, — добавляет он и уже чувствует себя увереннее.

Вокруг почему-то все смеются. Девушка снисходительно улыбается.

Мимо проходит какой-то паренек, видимо ученик, и будто невзначай замахивается кепкой. Вачик, отпрянув, прикрывает лицо рукой и тут замечает, что рука в саже. Вокруг опять смеются.

— Что ж, пойдем поглядим, — говорит девушка.

Вачик идет за ней. Идут и некоторые рабочие. Все они кажутся Вачику необычайно рослыми и могучими. А сам он, маленький, щуплый, совсем затерялся среди них и среди этих огромных машин. Да еще этот шум. Вачик не слышит, как ему что-то кричат, и едва не стучается головой о какую-то деталь машины, свисающую на цепи подъемного крана.

У одного из станков девушка протягивает Вачику металлическую болванку. Вачик

закрепляет ее, включает станок. Дело не очень ладится. Рабочие поглядывают на него с усмешкой. Вачик чувствует, что он даже вспотел. Но вот, наконец, ему удастся сделать то, что сказала девушка. Девушка задумывается. Рабочие улыбаются. Вачик стоит, опустив голову.

Воспользовавшись этим моментом, все тот же ученик опять поддевает Вачика:

— Это тебе не школа.

— Ладно, и ты хорош, — говорит девушка и взглядом показывает на кучу забракованных деталей.

Парень смущен. Точно веером, он обмахивается кепкой. Потом стирает с лица выступивший пот и вдруг тоже замечает, что его рука в саже. На этот раз вместе со всеми смеется и Вачик.

Почему-то именно в этот момент Вачик со всей отчетливостью понимает, что работать на заводе не так уж легко. В жизни труднее всего постичь простые истины. Сложные вещи понять значительно легче именно потому, что они сложны, и человек не может, не разобравшись в них, пройти мимо.

На улице, возле портняжной мастерской, стоит Арсен. Он бьет прутом по земле и удивляется, почему не поднимается пыль. Здесь асфальт. Это не нравится Арсену. Он отходит в сторону, к деревьям, где нет асфальта, и опять ударяет прутом по земле, поднимается пыль. Арсен доволен.

Вот от кого нужно теперь защищать ребят квартала. Не от учеников маленькой школы, а от большого города, от целого мира. Арсен задумывается. Справится ли он с такой задачей? И сердится на себя за то, что усомнился в собственных силах. Он еще сильнее ударяет по земле прутом, взмывает еще больше пыли.

Вскоре из мастерской выходят Тигран и мастер. Арсен идет следом за ними. Пройдя некоторое расстояние вместе, мастер и Тигран расходятся. Арсен догоняет мастера, поравнявшись, с подозрением оглядывает его и раза два угрожающе хлопает по асфальту прутом.

У Тиграна грустный вид, он идет понуриив голову. А позади, на некотором расстоянии, следует Арсен.

Подойдя к своему кварталу, Тигран ускоряет шаг, потом бежит.

Арсен останавливается и думает о том, что теперь нужно отправиться к автошколе, чтобы встретить и проводить до квартала Зарэ.

Глава 2. Я обязательно должна поехать

Несколько дней назад один из парней сказал Нунэ, что компания ребят и девушек квартала едет в воскресенье на Севан и приглашает ее поехать с ними. Всю неделю Нунэ была в приподнятом настроении. Она с нетерпением ждала воскресенья. Особая прелесть заключалась в том, что она поедет далеко, очень далеко. Ей казалось, что стоит только куда-нибудь далеко уехать, как сразу многое в ее жизни изменится. Она даже и не думала о том, что вернутся они в тот же день. «Я обязательно должна поехать на Севан, обязательно», — каждый раз перед сном твердила Нунэ.

Дома она ничего об этом не сказала. Казалось, она боится, что Карен тут же поймет: если Нунэ выедет из города, хоть ненадолго покинет свой квартал, она уже не будет прежней, она изменится, как изменится и вся ее жизнь. И он помешает ей ехать. Она сделала это своей тайной, и ей казалось, что своей тайной она мстит Карену.

Наступило воскресенье. В этот день на нее взвалили особенно много работы, ее послали на рынок, велели прибрать весь дом. «Не удастся поехать на Севан», — с горечью подумала Нунэ и поняла, что жизнь ее останется такой же, что уже ничто в ней не изменится.

Она видела из окна, как ребята собирались, как они, о чем-то переговариваясь, посматривали в сторону ее дома. «Меня ждут, — подумала Нунэ. — Но ведь никто не рискнет зайти в дом Гургена Григорьевича». Потом они уехали. Когда они проезжали мимо, Нунэ

спряталась за занавеску, чтобы ее не заметили.

И вот вся работа по дому закончена. Но это не радует Нунэ, а, наоборот, навевает грусть. Уж лучше бы работать пришлось до самого вечера, до возвращения ребят из Севана, лучше бы устать как следует. А так — работа закончена, домашние ушли, и она одна. Ее то и дело охватывает страх. Ей вдруг начинает казаться, что этот большой, сейчас такой пустынный дом целиком принадлежит ей, и она пугается этого. «Я бы не смогла здесь жить, я бы переехала в другой дом, в маленькую квартиру», — думает она и вдруг улыбается. А почему бы ей не сходить куда-нибудь одной? В кино, например. Нет, в кино она всегда ходила с Кареном, и теперь это вызывает грустные воспоминания. Может быть, пойти в парк? Но ведь туда один никто не ходит. А ей нужно пойти в такое место, где она будет совсем одна. Может быть, в зоопарк? Да, лучше всего туда.

Она горда тем, что сейчас пойдет одна, и никто об этом не будет знать. Сегодня она непременно должна куда-нибудь пойти. Сегодня у нее непременно должна быть своя тайна, о которой Карен даже подозревать не будет. Она весело закрывает дверь и торопливо направляется к трамвайной остановке. Всю дорогу она спешит и успокаивается только тогда, когда оказывается у входа в зоопарк. Ей нравится, что она платит деньги и покупает билет. Она входит в парк, и в этот момент ей кажется, что она счастлива. Она вырвалась из этого дома. Правда, она должна будет вернуться, но сейчас она вырвалась оттуда.

Акоп сегодня заметил, что Нунэ долго не выходила за водой. Он уже хорошо знал, в какое время она подходит к крану. Сегодня у него выходной. Но он все же пришел сюда. Он не мог оставаться дома и не прийти в этот квартал. Не только потому, что здесь живет Нунэ, а потому, что этот квартал он считает своим, хотя и не живет в нем.

Акоп заметил, как Нунэ вышла из дома, только она не подошла к крану, а направилась куда-то необычно торопливо.

Акоп не выдержал. Он знал, что для своего возраста поступает несолидно, что это мальчишество. Но ему захотелось почувствовать себя в этот день совсем юным. И он последовал за Нунэ.

Ему было непонятно, почему Нунэ так торопится. Он с горечью подумал, что она спешит на свидание. В то же время эта мысль его даже обрадовала как-то. Он был рад за Нунэ...

И вот сейчас Нунэ стоит перед клеткой с обезьянами и с любопытством наблюдает за ними. Обезьяны прыгают из одного угла клетки в другой, забавно кривляются.

Нунэ забыла обо всем на свете, будто снова стала ребенком. Широко раскрыв глаза, она восторженно смотрит на обезьян и смеется. Вдруг она слышит знакомый, очень знакомый голос:

— Я бы хотел, чтобы ты всегда смеялась...

Нунэ удивленно оборачивается и видит Акопа.

— ...тебе это очень идет.

Нунэ теряется. Ей как будто даже стыдно, что ее увидели в таком месте. Но она замечает, что и Акоп растерян, и успокаивается. Она начинает улыбаться.

— Здравствуй, Акоп.

Нунэ впервые видит Акопа в костюме. Она, как ребенок, разглядывает его, а Акоп чувствует себя совсем юным и от этого теряется пуще прежнего.

«Каждое утро первым я встречаю его», — думает Нунэ, и ей кажется, что именно это вносит в их отношения какую-то близость.

— А вон львы! — вдруг восклицает она и бежит к соседней клетке. Акоп, улыбаясь, бежит за ней.

Нунэ с восторгом смотрит на львов. Ей жалко их. Она чувствует в них могучую силу и видит, с каким достоинством они терпят свое пленение. Она долго не отходит от клетки, прислушивается к их рычанию, но не испытывает страха. Ей приятно стоять перед этими сильными зверями и смотреть на них. Она подходит к Акопу ближе и тихо, словно поверяя ему большую тайну, говорит:

— Если бы я смогла, я бы открыла дверцу клетки. Я знаю, они бы нас не тронули.

Она смотрит еще некоторое время, и потом ей становится совестно. Ей совестно, что она так беззастенчиво разглядывает этих сильных зверей, укрощенных железными прутьями клетки. И она отходит.

Дольше всего Нунэ задерживается у клетки с попугаями. В ушах Акопа все время звучит ее смех. В этом смехе он чувствует что-то необычное. Так смеются люди, которые давно не испытывали счастья. И они бывают счастливы от самого малого, от самого незначительного.

Теперь Акоп спокоен. Он спокоен за Нунэ. Ему кажется, что он понимает ее мысли. «Она вырвалась из этого дома», — думает Акоп, и веселый смех Нунэ подтверждает это. И Акоп не подозревает даже, что в это время Нунэ подтверждает это. И Акоп не подозревает даже, что в это время Нунэ думает о нем.

— Ну-нэ, — произносит она.

Попугай повторяет:

— Ну-нэ.

Нунэ в восторге. Она без конца заставляет попугая повторять ее имя.

Акопа охватывает волнение. Он должен ей все сказать. Но он не может, не знает, как сказать.

— Нунэ...

— Что?

Акоп молчит.

— Что? — переспрашивает Нунэ.

— Попробуй... Скажи, пусть он и мое имя назовет... Может, у него получится. — Его голос звучит тихо и хрипло.

— А-коп, — произносит Нунэ.

— А-коп, — повторяет попугай.

Теперь уже восторгаются оба, и оба смеются. И вдруг Акоп становится серьезным, пристально смотрит на Нунэ. А Нунэ продолжает смеяться. Она не замечает его взгляда, который сейчас о многом ее спрашивает и о многом говорит. Нунэ повторяет:

— А-коп.

— А-коп, — не отстает от нее попугай.

И вдруг Нунэ становится серьезной. Она сама не может понять, что произошло. Ей трудно понять, она чувствует себя беспомощной. Ей и весело, и грустно, и чего-то она страшится. Акоп, словно понимая ее состояние, хочет ей помочь и подбадривающе улыбается. Это успокаивает Нунэ. Она опять счастлива, она опять смеется.

Но Нунэ не может больше оставаться с Акопом. Ей хорошо с ним, только сейчас для нее важнее побыть одной, о многом подумать, во многом разобраться. Ведь сегодня необычный день. Может быть, самый счастливый. Может быть, единственный, который навсегда останется в ее памяти.

— До свидания, Акоп.

— Только ты не забывай всегда улыбаться. Я хочу всегда видеть тебя такой, какой ты бываешь в городе, а не какой ты бываешь у нас в квартале.

Нунэ улыбается ему, потом поворачивается и уходит. Акоп рад, что в движениях Нунэ нет больше торопливости. Она идет медленно, спокойно.

— Не забывай — как здесь, в городе! — кричит ей вдогонку Акоп.

И вдруг у него появляется неодолимое желание сделать что-нибудь необычное. Ну хотя бы просто побежать куда-нибудь. Только ведь это будет смешно. Тогда он побежал к клетке вместе с Нунэ. А сейчас он один. Смешно бежать одному.

Мимо него проезжает повозка, запряженная пони. В повозке сидят дети. Акоп завидует им. Он бы тоже сейчас прокатился.

Итак, Тигран, Зарэ, Вачик и... Акоп. Да, и он сейчас вместе с ними. Сейчас он очень похож на них. И он рад, очень рад этому.

Глава 3. Первая неудача

«Сегодня в квартале был переполох. Я вернулся из автошколы и должен был пойти в редакцию, отнести свое новое стихотворение. Никто не знает, что я посвятил его Анаит. Ребята тоже собрались пойти со мной. Я их понимаю. Ведь стихотворение о нашем квартале, и если его напечатают, то это будет и их удача. Это будет удача всего квартала. Все принимали участие в обсуждении этого стихотворения, а многие даже выучили его наизусть.

Мне нужно было повязать галстук. Это тяжелая обязанность, но есть вещи, от которых тоже зависит удача. А удача очень важна для нашего квартала. Галстук сдавливал мне шею. Я расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Решил, что застегну ее, когда выйду из квартала».

Не пришла только Люсик. С того самого вечера Зарэ с ней в ссоре. Она передала через девушек, что ей совершенно безразлично, будет напечатано стихотворение или нет. Но когда Зарэ повязывает галстук, он замечает, что Люсик почему-то именно сегодня взялась мыть окна.

— Ну, Зарэ, пошли! — кричат ребята под окном.

Зарэ выходит. Он ошеломлен: все они в галстуках.

По дороге они замечают, что под стеной недостроенного здания сидит Арсен.

— Куда собрались?

Ему объясняют.

— Прочти-ка мне.

Зарэ удивлен. Они же спешат. Но он не может отказать Арсену. И вот вся компания стоит на солнце, все в галстуках, все с нетерпением ждут. Зарэ читает свое стихотворение. Арсен время от времени кивает головой и прутом ковыряет землю. Значит, он действительно слушает.

— Эту строчку еще раз прочти.

Зарэ повторяет.

— Хорошо, — говорит Арсен. — Напечатают.

Зарэ смотрит на него и почему-то верит его словам. Наверно, потому, что Арсен высокого роста, широкоплеч и у него волосатая грудь.

И Зарэ невольно застегивает верхнюю пуговицу рубашки — у него на груди нет волос.

Все, что бывает последним, вызывает грусть и печаль. Даже последняя остановка трамвая и та навевает грусть. Каждый человек рад, когда он добрался до цели, но даже порой незаметно для себя самого он немножечко грустит. Такую вот печаль вызвало у Зарэ, как и у всех жителей квартала, последнее его стихотворение.

Ребята возвращаются понуриив головы. Стихотворение не принято. Ребята сняли галстуки и запихали их в карманы. Вокруг необычно тихо. Открываются окна и выглядывают жители квартала.

Неровным, корявым почерком Зарэ приписывает в дневнике:

«Для нашего квартала это была, может быть, самая большая неудача».

Глава 4. Тайна Тиграна и вторая неудача

Тигран решает в этот раз выйти на прогулку без коляски. Дома он все время повторяет слова, которые должен сказать своей девушке. Наконец он нашел эту девушку и уверен, что обязательно обо всем ей сегодня скажет. Но, выйдя на улицу, он чувствует, что все приготовленные слова забыл. Тигран проходит мимо большого дерева, что растет в саду дяди Арама. Впрочем, все считают, что это дерево принадлежит Вачику и Астхик. Даже дядя Арам так считает. Каждый вечер Вачик и Астхик встречаются под этим деревом, под ним они ссорятся и мирятся. Тигран задумчиво смотрит на дерево и идет дальше.

Как всегда, в дверях своего дома стоит Гоарик. Она срезала косы и сделала мальчишескую прическу. Но и теперь Тигран проходит мимо, не замечая ее. Повинуясь инстинкту, Гоарик следует за ним. Они выходят из квартала, идут широким проспектом.

Каждый, кто выходит на этот проспект, приносит с собой мелодию своего квартала. И эти мелодии как бы соревнуются здесь между собой — которая зазвучит громче. Но Гоарик слышит мелодию только своего квартала — шаги Тиграна.

Гоарик думает о девушке Тиграна. Конечно, у него есть она. Гоарик хочет представить себе ее. Какую она носит прическу? Как разговаривает? Гоарик знает, что последняя мода — носить коротко остриженные волосы. Как у мальчиков. Гоарик с завистью думает об этой девушке и все старается представить ее себе. Но у нее ничего не получается. Глаза, лицо, фигура — все как-то расплывается. И все же Гоарик ее чувствует. И чувствует, что она красива. Гоарик сердится на себя. Она хочет представить себе ее некрасивой. Только из этого ничего не получается.

В ее представлении эта девушка всегда рядом с Тиграном, и поэтому она не может быть некрасивой. И тогда, расстроенная, она поворачивается и идет обратно.

Тигран входит в парк, ищет девушку. Вот она. Вот она сидит на скамейке и читает. Перед ней коляска с ребенком. Тигран подходит, садится на ту же скамейку. Девушка смотрит на него и здоровается легким кивком головы. Тиграна это удивляет. Прежде, когда он не собирался заводить с ней откровенного разговора, она улыбалась ему. А сегодня она только читает. И Тигран теперь уверен, что никто никогда его не полюбит, что он так и останется навсегда одиноким. Но вдруг он чувствует, что это несчастье вызывает в нем приятный трепет. Он гордится тем, что отличается от всех своих товарищей. Он совсем не такой, как они. Люди будут смотреть на него и говорить: «Это тот, что еще ни разу не целовал девушек». И после этого каждая девушка будет мечтать, чтобы он поцеловал именно ее. Но он не станет этого делать, он будет им мстить. И сейчас он чувствует, как приятный трепет охватывает его все сильнее и сильнее.

Но вот она закрывает книгу и спрашивает:

— Почему вы без ребенка?

— Он заболел.

— Да что вы! А я так ждала вас. — Тигран сияет. — Все думала, что вот вы прикатите коляску с братишкой, и нашим детям будет веселее вместе. — Тигран мрачнеет. — Я вас прошу, поинтересуйтесь у вашей мамы, чем она кормит ребенка. Наш ничего не ест.

Она встает и, подталкивая коляску, медленно направляется к выходу из парка. И Тигран начинает понимать, что до сих пор девушка интересовалась только его братишкой, а он об этом и не догадывался. Он тоже встает и машинально идет за девушкой.

Они входят в какой-то незнакомый Тиграну квартал. Девушка заходит в дом. Тигран удивлен — ему кажется, что он слышит мелодию, знакомую ему по его кварталу. Дом, в котором живет девушка, тоже с балконами на улицу. В окне дома напротив появляется голова какого-то парня. Видимо, он ждал возвращения девушки. Он смотрит на дом с балконами. Тиграну кажется, что парень заметил его. Вероятно, сейчас он смеется над ним, портным из мастерской. Тигран замечает и кран, вокруг которого собрались ребятишки и поливают друг друга водой. Тигран удивлен, что здесь, где живет эта девушка, все так обычно и так знакомо. И теперь ему начинает казаться, что он никогда не любил эту девушку, что просто он принял ее за ту, что жила в его мечтах.

Опечаленный, Тигран возвращается в свой квартал. Он проходит мимо дерева Вачика и Астхик. Останавливается, задумчиво смотрит на него. Каждый должен иметь в жизни свое дерево. Формально оно может принадлежать другому, но фактически — оно твое, в нем твоя сила и твоя мелодия, и они могущественнее силы и мелодии хозяина этого дерева. Да, каждый должен иметь свое дерево. И свой дом. И свою крышу.

Глава 5. Так прощаются с юностью

Тигран ушел на работу рано утром. Сейчас уже поздний вечер, а он еще не возвращался. Всех это беспокоит. Стоящие на улице ребята замечают, как в квартал быстрыми мелкими шагами входит какая-то девушка. Она подходит к ним и спрашивает, где живет Тигран.

— Тигран ушел рано утром и еще не вернулся, — неохотно отвечает Вачик. Девушка осматривается, будто кого-то ищет. Заметив Анаит, она достает из сумочки сложенный лист бумаги и протягивает ей. Девушки более надежны!

— Он послал. Я очень беспокоюсь...

Анаит раскрывает бумагу и читает:

«Дорогая Вардуи! Ты так и не поняла, что ты для меня — весь мир. Не поняла, что я не могу без тебя жить...»

Ребята удивленно переглядываются.

— Вот это да! — восторженно восклицает Вачик. — Не может быть, это не Тигран писал.

Взгляды всех останавливаются на Зарэ. Зарэ в смущении отворачивается.

— Ты писал?

— Что?

— Ты писал?

— Что, письмо?

Листок показывает Зарэ. Он смотрит и окончательно теряется.

— Все ясно, — авторитетно заключает Вачик, чувствуя, что руководство действиями он сейчас должен взять на себя.

— Но вот это не я писал...

— Не ты?!

— Вот эту последнюю строчку. Он сам добавил. Честное слово, я не писал: «Ты больше меня никогда не увидишь».

— Я и не догадывалась обо всем этом. Он даже не намекал, — виновато лепечет Вардуи. — Только всегда предлагал сходить с ним в кино. А что в этом такого?..

— А как вы думаете, почему парень приглашает девушку в кино? — строго спрашивает Вачик. — Разве он не может посмотреть картину один?

— Я... я не знала... Не понимала...

— Ладно, никто вас не обвиняет, — говорит Вачик. — Просто нужно быть более отзывчивой к мужчинам.

Как раз в этот момент подбегает запыхавшийся брат Тиграна.

— Видел... Я его видел...

— Где? Когда? — спрашивают его со всех сторон.

— На мосту.

Всем приходит в голову одна и та же страшная мысль.

— Пошли, — командует Вачик.

Все вместе бегут к мосту. Откуда-то вдруг появляется высокий парень с длинной шеей из соседнего квартала.

Ребята взволнованны.

На мосту никого нет.

— Он был здесь... Смотрел вниз... — хнычет Гришик.

Все подбегают к перилам и смотрят вниз. Внизу, на темном утесе, что-то виднеется.

— Человек! — говорит Вачик.

Ребята торопливо гуськом спускаются по тропинке вниз. Они так возбуждены, что готовы поверить во все.

На утесе лежит какой-то человек. Он поворачивается, и все узнают Тиграна. Ребята удивлены, что он жив, хотя никто и не сомневался в том, что так и должно было быть. Но они потрясены вот чем: Тигран в очках.

Они смотрят на серьезное лицо Тиграна, на его спокойные движения. Тигран мягко улыбается, снимает очки, дышит на них, протирает платком и снова надевает.

Все медленно поднимаются обратно. О недавнем возбуждении уже забыто. Но кажется, что-то разбилось, кончилось и для них и для Тиграна. И этого уже никогда не вернуть.

Им кажется, что сегодня они распрощались с юностью.

Маленький брат Тиграна идет, несколько поотстав от всех. Он разочарован, ему стыдно

за брата, стыдно, что тот не покончил с собой.

Глава 6. Трое

Стучат в окно. Зарэ выглядывает.

— Кто там?

— Это я — Тигран. Выходи.

— Зарэ, ты чего не спишь? — Доносится из соседней комнаты.

— Ложусь, — отвечает Зарэ и, погасив свет, тихонько выходит.

Тигран берет его за руку и ведет к саду.

— Я получил зарплату, — торжественно говорит Тигран.

Ему очень жаль, что сейчас темно и не видно, какое впечатление произвели его слова. Он достает из кармана деньги. Зарэ ощупывает их в темноте.

— Одни двадцатипятирублевки. — с легкой иронией замечает он.

— Сотенка тоже есть, — возражает Тигран. Он достает из другого кармана сторублевку и протягивает Зарэ.

— Жарко, а? — говорит Зарэ, и Тигран теперь уже уверен, что произвел на него должное впечатление.

— Знаешь что, пошли в закусочную.

— Сейчас? — испуганно спрашивает Зарэ.

— А что?

— Ты когда-нибудь там бывал?

— Нет.

— Я тоже.

Оба колеблются.

— Я иду, — наконец говорит Тигран. — Если хочешь, пошли вместе.

Зарэ неуверенно идет за ним. Ведь Тигран действительно может пойти туда один! Зарэ кажется, что это позднее посещение закусочной решит что-то очень важное. Они выходят из квартала и подходят к трамвайной остановке.

В темноте улицы трамвай похож на огромный факел. Вагон пуст. Только в углу дремлет кондуктор.

Ребята садятся друг против друга.

— Вачик, наверно, уже спит, — говорит Зарэ.

— Конечно. Он рано ложится.

— И Карен?

— Наверно, тоже.

Оба улыбаются.

Трамвай трогается. Он идет очень быстро. Сменяют друг друга дома, уличные фонари, остановки. Ребятам кажется, что они не просто едут в трамвае, а куда-то стремительно уносятся, оставляя все позади. Они сидят напряженные, словно происходит что-то необычное, что-то такое, чего никто другой, кроме них, понять и почувствовать не сможет. Кондуктор открывает глаза и механически произносит в пустоту вагона:

— Граждане, получите билеты.

Тигран протягивает ему двадцатипятирублевку и громко говорит:

— Два билета.

Выдав билеты, кондуктор уходит в свой угол и снова погружается в дремоту. И опять все вокруг становится таинственным.

Закусочная — тесное, слабо освещенное помещение в подвальном этаже. Здесь шумно и многолюдно. Все громко разговаривают, курят. Слышен стук ложек, щелканье счетов, откуда-то доносится звон разбившегося стакана. Столик в углу свободен. Растерянный Зарэ следует за Тиграном. А Тигран держится очень уверенно. Он даже берет Зарэ за руку и ведет к угловому столику.

— Два пива, колбасы и хлеба, — заказывает Тигран.

Зарэ никогда не слышал, чтобы Тигран говорил так громко и так уверенно. Он смотрит на него с завистью и думает о том, что Тигран получил зарплату.

Они чокаются. Звон их кружек вливается в общий шум закусочной, и оба улыбаются.

Вдруг Зарэ таращит глаза и с трудом проглатывает кусок хлеба. Он видит, как Тигран достал из кармана сигареты и спокойно закуривает. Он курит открыто! Тигран кладет пачку обратно в карман и, тут же спохватившись, опять достает ее и протягивает Зарэ.

— Закуришь?

— Нет, — говорит Зарэ.

В этот момент их обоих сзади кто-то обнимает. Они удивленно оборачиваются и видят совсем неожиданное — перед ними стоит Вачик. Они до того рады ему, что говорят разом:

— Мы так и знали, что ты еще не спишь.

— А вы знаете, — не успев сесть, говорит Вачик, — я сегодня получил зарплату.

Тигран и Зарэ переглядываются. В их глазах появляется недоумение, которое потом сменяется улыбкой.

— Удивил! — говорит после паузы Тигран. — Я тоже получил.

— И еще, — продолжает Вачик, не обратив внимания на слова Тиграна, — сегодня я решил поступить в институт, на заочный.

— Что ж, правильно, — соглашается Тигран и шутя добавляет: — Спешешь стать ученым?..

Вот как иногда бывает: первая зарплата заставляет подумать и о многом другом, очень важном и серьезном.

— Зарэ, — подняв кружку, говорит Вачик, — ты должен провозгласить тост. Но учти — ты должен сказать что-нибудь такое, что мы запомним навсегда.

— Давайте лучше выпьем молча. Мне не хочется говорить. Не нужно.

На секунду Тигран и Вачик хмурятся. Но вот уже опять все трое улыбаются.

Им сейчас кажется, что ничего плохого с ними случиться не может, ничто не может их сломить, что весь этот огромный мир со всем, что в нем есть, принадлежит им. Может быть, это потому, что ребята уже выросли и сами не сознают этого? Да и в квартале об этом никто не догадывается.

Но они чувствуют себя гордо, потому что у них есть своя тайна и потому что все вокруг шумят и смеются, а они втроем всегда вместе.

Глава 7. Прут опять взметает пыль

В эти дни Арсен рассеян и хмур. С утра до вечера он слоняется по улицам, домой возвращается совсем поздно. А это означает, что ему что-то мешает спокойно жить. Что-то неотвязно преследует его. И чтобы побороть это неизвестное, Арсен одевается еще неряшливее, затевает драки в соседних кварталах, радуется, когда взрослые на него покрикивают и гонят со своих улиц. Но что не дает ему покоя, он и сам пока не знает. Он чувствует только, что это стало его составной частью, что ему же не избавиться от этого, что неизбежно в один прекрасный день нужно будет во всем этом разобраться.

Он больше не провожает ребят до дому. Почему — это тоже ему не совсем ясно. Может быть, потому, что в этом уже нет необходимости. А может быть, потому, что ему просто не хочется. Ясно только одно: он избегает встречаться с ними.

Из дома он теперь выходит поздно, когда ребята уже разошлись, ушли на работу.

Но вот сегодня воскресенье, все дома. И Арсен торопится уйти из квартала, стараясь остаться незамеченным.

Он видит Нунэ, которая сидит на лестнице своего дома, подперев подбородок рукой.

Проходя мимо, Арсен замедляет шаги, хмурится, начинает ожесточенно хлестать прутком по земле, поднимая пыль: он о чем-то думает. Он подходит к Нунэ, некоторое время стоит молча. Нунэ знает, что когда он в таком настроении, лучше не здороваться с ним, не

заговаривать, а просто терпеливо ждать. И Арсен, постояв молча, так ничего и не сказав, идет дальше, злясь на себя за то, что не заговорил с Нунэ. Ведь он должен был сказать ей об очень важном и нужном для нее. Она обязательно должна знать об этом. Наверное, никто никогда не говорил ей ничего более полезного. Он сердито ударяет прутом по земле и, внезапно повернувшись, возвращается, подходит к Нунэ.

— Почему сидишь без дела? — не глядя на нее, спрашивает Арсен.

— Дома нет никакой работы, — отвечает Нунэ.

Арсен хмурится еще больше. Сейчас он уже определенно знает, что должен сказать ей. Впервые он смотрит ей прямо в глаза.

— При чем тут дом, я не о доме спрашиваю. — Его голос звучит строго, и он злится на себя за то, что опять не может смотреть на Нунэ и сразу все ей сказать. С большим трудом он добавляет: — Почему нигде не работаешь?

Нунэ, до того не менявшая позы, даже привстает от удивления. Арсен уже спокоен. Он теперь убежден, что это действительно очень важно для Нунэ. Нунэ обязательно должна знать об этом.

Из дома выходит Карен, он замечает их. Карен зол на Арсена давно, с того самого вечера. Он подходит к Нунэ и недовольным тоном спрашивает:

— А теперь этот чего хочет от тебя?

В другой раз за такие слова Арсен вздул бы его. Но сейчас он сдерживается и с интересом ждет, что же ответит Нунэ. Словно для него это решит многое.

Нунэ довольна, что нашелся, наконец, повод разъяснить все Карену.

— Он говорит... — Нунэ умолкает. Арсен нетерпеливо хлопает прутом. — Он говорит, что каждый человек должен чем-нибудь заниматься...

Карен усмехается и устремляет на Арсена пренебрежительный взгляд. Арсен же, довольный ответом Нунэ, победоносно улыбается.

— Ты бы лучше занимался своим прутом, — язвит Карен.

Арсен хмурится.

— Уйди отсюда, — угрожающе рычит он.

На этот раз Карен не хочет уступать. В конце концов нужно решить, кто же в квартале авторитетнее.

Ребята и девушки квартала, заметив стоящих вместе Карена и Арсена, сразу догадываются, что тут происходит что-то необычное. Они подходят, окружают их. Карен доволен. Пусть все произойдет у них на глазах.

— Ты не очень-то задавайся своим прутом, — с наигранной спокойной улыбкой замечает Карен. Дрожащими от волнения руками он достает сигареты и закуривает.

— Иди домой, Карен, — просит Нунэ.

Арсен недоволен, что она разговаривает с Кареном таким тоном.

— Ты не вмешивайся, — грубо говорит он. И остается довольным, что Нунэ не обиделась на его слова.

Появляется высокий парень с длинной шеей, который живет в соседнем квартале. С любопытством глядя на происходящее, он затирается в толпу ребят и рад, что на него не обращают внимания, не гонят.

Шум будит и дядю Арама, который сегодня чувствует себя неважно и лежит дома с температурой. Нужно пойти вмешаться. О чем это там говорит Анаит? И почему ребята так возбуждены? Он подходит к окну, чтобы открыть его. Но на подоконнике столько горшков с цветами, что к окну не подступишься. Он торопливо одевается, выбегает из дома. И видит: Карен лежит в пыли, а над ним, взмахивая рукой, Анаит считает:

— ...три, четыре, пять...

Вся группа хором подхватывает:

— ...шесть, семь, восемь, девять, десять!

Бурные возгласы, в воздух летят кепки.

Карен поднимается с земли и отряхивает с себя пыль. Опустив голову, он уходит в дом.

Наступает молчание. Все ждут, что скажет Арсен. Сейчас это очень важно. Арсен подбирает с земли прут, хлопает им несколько раз, потом говорит недовольным тоном:

— Напрасно левой ударил. Нужно было правой.

Когда дядя Арам подходит к толпе, он со страхом замечает, что из дома вышел Гурген Григорьевич. Как ни старался Карен незаметно пройти в свою комнату, отец обратил внимание на его вид и понял, что произошло. Выходит и Седа, она становится позади мужа.

Дядя Арам пытается отойти в сторону — он хочет быть как можно дальше от Гургена Григорьевича. Но из толпы его замечают, с уважением расступаются и дают ему пройти вперед, полагая, что он этим будет доволен. И дядя Арам вынужден подойти совсем близко к Гургену Григорьевичу.

— Я знаю, во всем виноват он, — говорит сердито Гурген Григорьевич. — Это он повсюду ходит со своим прутом и затевает драки.

Арсен с презрением смотрит на него.

Нунэ молча заходит в дом. Она чувствует, что дальше так жить нельзя. Но ведь это для нее не новость. И потом, она давно уже, очень давно вырвалась из этого дома.

Все вокруг молчат. Гурген Григорьевич ожидал, что его кто-нибудь поддержит. «Напрасно я вышел, — размышляет он. — Эти женщины всегда все дело портят». И он недовольно косится на жену, хотя она тут вовсе ни при чем. Внезапно его осеняет мысль, что лучше всего сейчас предпринять. Он обращается к дяде Араму:

— А ты чего молчишь? Не видишь, что происходит в твоём квартале?

Дядя Арам виновато лепечет:

— Ну... Ну что я могу поделать?.. У меня температура. — Он поворачивается к Арсену, который стоит в центре толпы и размахивает прутом: — А ты чего опять затеял драку?

Арсену приходит мысль, что пора бы свести счеты и с дядей Арамом, который так его недолюбливает. И он сердито говорит уполномоченному квартала:

— Я не дрался. Я просто сказал, что Нунэ должна где-нибудь работать.

Дядя Арам смотрит на него с удивлением. Для него это очень неожиданно. Слова Арсена его смущают. Он даже чувствует, что у него как будто уже нет температуры. Он смотрит на Арсена, потом на Гургена Григорьевича, потом на всех собравшихся.

Начинает кашлять. И вдруг строго, отвернувшись, однако, от Гургена Григорьевича, говорит ему:

— А чем вам мешает его прут? Во всяком случае, он человек получше, чем ваш сын. — А потом переходит на еще более строгий тон, говорит уже совсем уверенно и даже смотрит Гургену Григорьевичу прямо в глаза: — А почему Нунэ нигде не работает? Почему вы не пошлете ее на работу? Во всем квартале только она одна без дела. Я, как уполномоченный квартала, требую... — Тут он на мгновение умолкает, вспомнив о своем вечном страхе перед этим человеком. Он хочет сейчас расквитаться с ним и за это. — Я требую... И вообще вы мешаете людям жить!

Гурген Григорьевич поражен. Но он понимает, что сейчас лучше всего молча уйти в дом.

На вспотевшем лице дяди Арама появляется легкая, совсем легкая улыбка. Ее никто не замечает. Только он сам ощущает свою улыбку. Сейчас он испытывает такое чувство, будто сбросил с плеч тяжкий груз, который годами давил его. Он так рад этому, что забывает о своей температуре, даже галстук расслабляет, не помня совершенно о том, что жена может сделать ему замечание, снимает его вовсе и дышит полной грудью.

Он поворачивается, собираясь пойти домой. В его движениях есть что-то смешное, но в то же время и что-то героическое. И опять толпа с уважением расступается, давая ему дорогу.

Доволен собой и Арсен. Он улыбается. Ведь сам дядя Арам вступился за него. Он гордо ударяет по земле прутом, поднимая пыль.

Но в этот момент дядя Арам оборачивается, смотрит на него и, что-то вспомнив, хмурится.

Исчезает улыбка и с лица Арсена.

— А ты что? — тоном, напоминающим их прежнюю вражду, говорит дядя Арам. — Не

довольно ли тебе слоняться без дела? Как бельмо на глазу у всех.

Но что такое? Арсен опять улыбается. Никогда не случалось, чтобы он улыбался, когда дядя Арам делал ему замечание.

Наконец-то Арсен, кажется, все понимает. Понимает, что так беспокоило его в последние дни. Все, что он только что говорил Нунэ, он говорил в действительности и себе самому.

И, сразу повеселев, он уходит, взметнув за собой облако пыли.

«Целый день Арсена нигде не было видно. Вечером, когда мы собрались у недостроенного здания в конце квартала, мы заметили облако пыли и приготовились встретить Арсена. Он подошел уже довольно близко, но в смущении остановился. Потом сделал еще несколько шагов и снова остановился. Он долго смотрел на нас. И затем впервые в истории нашего квартала забросил куда-то далеко свой прут и медленно ушел. Мы все были очень изумлены. Никто не мог понять, что с ним произошло. Потом мы молча разошлись по домам.

С того дня все в нашем квартале изменилось. Эта драка Арсена с Кареном почему-то стала переломным моментом для очень многих. Даже Вачик тайком от всех перетащил штангу к себе в подвал. Авторитет уполномоченного квартала несравненно поднялся. Гурген Григорьевич теперь первым здоровается с ним. А Арсен, говорят, перебрался к своему дяде и работает с ним на бульдозере где-то в другом конце города».

Глава 8. Маленький огонек

Это был первый случай, когда Карен не попытался войти в комнату Нунэ. А до этого он пробовал делать это каждый вечер. Нунэ знала, что ни Седа, ни Гурген Григорьевич не станут ее слушать. Теперь они сами говорят, что Карена нужно утешить, нужно войти в его положение, ведь, может быть, скоро его возьмут в армию. Седа даже как-то сказала, что нужно многое прощать Карену и приласкать его. И добавила, что они ведь с Нунэ росли, как брат и сестра.

И Нунэ стала бояться. Но не только Карена. Ее страшила мысль, что мир состоит не только из этого дома, его четырех комнат и больших окон.

Она с грустью достает из шкафа свое новое платье, кладет его на постель и долго на него смотрит. И вдруг у нее появляется какое-то необычное чувство — она ощущает самое себя. Ощущает, что она действительно существует, что у нее есть ноги, руки, глаза. Ощущает себя всю, свое тело, лицо, волосы. Это то состояние, когда человек в глубокой печали начинает ощущать свое существование. Нунэ пугает такое реальное восприятие своего «я». От этого ей еще яснее представляется безнадежность ее положения, и в страхе она подбегает к окну. На улице совсем нет прохожих, темно. Это пугает ее еще больше. В отчаянии она надевает платье, надеясь, что в нем почувствует себя более уверенно. Но это платье напоминает ей о том, что есть и счастливые люди, что когда-то и она чувствовала себя счастливой. Нунэ испуганно снимает платье, бросает его на пол и начинает плакать. Она не хочет быть счастливой. Она хочет быть такой, какой была когда-то прежде. Она станет такой. Она верит в это. И она знает, что всегда будет думать о том, что где-то люди счастливы, где-то молодые пары стоят под уличными фонарями и подолгу разговаривают.

Нунэ ходит по комнате и все пытается найти выход из положения. Она чувствует, что должна поступить как-то решительно и что дальше так продолжаться не может. И вдруг она вспоминает про свое старое, очень старое платье. Это воспоминание вызывает на ее лице довольную улыбку. Нунэ подходит к шкафу, осторожно достает старое платье, надевает его. Смотрит на себя в зеркало, и у нее появляется точно такое же чувство, какое было тогда, когда она впервые надела новое платье. Тогда она стала распускать волосы. И сейчас, надев старое платье, она распускает волосы и улыбается, потому что волосы спадают ей на плечи.

— Мама просит принести воды. — Карен замирает на месте. И испуганно спрашивает: — Что ты делаешь, Нунэ?

Нунэ не отвечает. Она с легкой улыбкой идет к двери.

— Мама! Смотри, Нунэ надела старое платье! — кричит Карен.

В комнату входит Седа и смотрит на Нунэ.

— Что ж, для работы нужно надевать старое платье.

— Да нет же! Она надела старое платье, — упорно повторяет Карен, видя, что мать ничего не понимает.

— Нунэ, принеси воды, — с полным безразличием говорит Седа.

Но Нунэ не слышит ее. С той же улыбкой она проходит к двери, чуть приоткрывает ее и, задев за створки, выходит. Закрыв за собой дверь, она глубоко вздыхает. И вдруг ногам стало холодно, Нунэ видит, что вышла босая. По привычке. Раньше, надевая это старое платье, она часто выходила босая. Но сейчас ветер, ноги мерзнут, и Нунэ бежит. Быстро, очень быстро.

Улица пустынна. Нунэ бежит, и ей кажется, что вместе с ней летит что-то огромное, что-то очень ей дорогое. И она опять верит в себя. Верит, потому что быстро бежит, потому что летит. Ей кажется, что теперь она всегда будет так вот лететь, быстро, уверенно... И вдруг она чувствует, что дальше ей лететь не нужно, она останавливается. Останавливается перед баней. Нагибается и заглядывает в подвал. Потом спускается туда. Снова останавливается в дверях. И смотрит на Акопа.

Акоп растерян, он ничего не понимает. А потом он улыбается: Нунэ в своем старом платье. Оба молчат. Акоп, все еще улыбаясь, подходит к топке и продолжает заниматься своим делом. Он подхватывает лопатой большую кучу угля и вдохновенно швыряет ее в огонь. Огонь, словно замешкавшись на секунду, начинает осторожно облизывать уголь. И вдруг сразу разрастается, ярко освещает маленький подвал, на который никто не обращает внимания. Акоп садится перед топкой и не оборачивается. Он чувствует, он знает, что Нунэ подходит и садится рядом. Обоим хочется продлить это приятное молчание. И только сидеть вот так друг возле друга и смотреть на огонь, смотреть, как он весело прыгает в маленькой топке, как, подобно им, хочет вырваться и улететь куда-нибудь далеко, очень далеко. Но он не может вырваться и улететь. Его место здесь. В этой топке. А Нунэ смотрит и думает о том, что она мечтала об этой топке всегда и только сейчас поняла это. Да, она мечтала о топке, об огне, об очаге. Всегда мечтала иметь свой очаг и только сейчас поняла это. Потому что сейчас она сидит перед огнем.

И они слышат за окном знакомые голоса, знакомые и родные слова, которые всегда так одинаковы.

— Ты любишь меня?

— Я пришла тайком от подруги.

— Скажи, ты любишь меня?

— Смотри, пробежала кошка... Подруга узнает — расскажет всем...

Если в этот момент кто-нибудь заглянет в окно, то увидит пиджак Акопа, накинутый обоим на плечи. Сейчас тепло, и все же пиджак нужно накинуть, чтобы не только видеть, но и чувствовать этот большой огонь топки, напоминающий им о том маленьком огне, который разжигают в домах глубокой зимой.

Глава 9. Первые брюки

Сегодня торжественный день. Тигран должен принять свой первый заказ. Он будет шить первые брюки. И первым его заказчиком будет Зарэ. Но Зарэ все портит — он будто нарочно запаздывает. Тигран нетерпеливо смотрит на часы и выходит на улицу.

Остановив какого-то старика, он почему-то спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, который час?

Старик останавливается, внимательно смотрит на Тиграна, потом говорит:

— Э, сынок, откуда мне знать! Дорастешь до моего, не будет надобности интересоваться временем. Вот возьми, к примеру, меня. Для чего мне время, для чего часы? Дел никаких нет,

спешить некуда. Если на улице солнце — значит день, если электричество — ночь...

Тигран делает рукой нетерпеливый жест. Но старик продолжает:

— А для тебя, сынок, каждая минута имеет значение. Потому что молодость — это само время. Час, два, три — все это молодость. А старость — это конец времени...

С противоположного тротуара какой-то мальчик окликает старика.

— Внук мой. Разве дадут человеку спокойно побеседовать? — ворчит старик.

Тигран, к удивлению своему, видит, что старик как ни в чем не бывало достает из кармана огромные часы, открывает крышку и говорит:

— А время сейчас, сынок, одиннадцать часов.

И неторопливо уходит.

В этот момент вдали показывается Зарэ. Тигран быстро заходит в мастерскую, садится на свое место. Мастер смотрит на него и подмигивает. Тигран отвечает ему тем же. Это означает, что заказчик идет. Тигран берет газету и с напускным безразличием принимается читать. Входит Зарэ и ищет взглядом Тиграна. Заметив, подходит к нему.

— Здравствуйте, мастер, — иронически говорит он. — Хочу сшить себе брюки.

Тиграна удивляет ирония Зарэ.

— Пожалуйста, — отвечает он. — Из какой материи?

Этот вопрос озадачивает Зарэ. Он совсем не разбирается в материях. Тигран нарочно достает из ящиков всевозможные образчики и быстро перечисляет их по названиям. Зарэ кивает головой, делая вид, что это ему знакомо.

— Ну, говори же, из какой?

— Мне... Мне все равно. Мне они все нравятся.

— Не буду же я шить из всех сразу, — сердится Тигран. — Выбери что-нибудь одно.

— Полагаюсь на твой вкус, — краснеет Зарэ.

Тигран берет маленький блокнот, в котором еще ничего не записано, и, надев очки, начинает снимать с Зарэ мерку. Он записывает в блокноте цифры и спрашивает:

— Имя, фамилия?

— Зарэ Акопян, — окончательно теряется Зарэ.

— Низки брюк какой ширины?

Зарэ тяготит серьезный тон Тиграна. Ему очень хочется хлопнуть его по плечу и сказать что-нибудь остроумное. Но почему-то он не может этого сделать.

— Тридцать, — говорит Зарэ.

— Много, — говорит Тигран. — Сделаем двадцать пять. Карманы по шву или косые?

— Косые, — говорит Зарэ.

— Сделаем по шву. Косые по-пижонски.

Он записывает все это и говорит:

— Через три дня получишь.

Растерянный Зарэ выходит из мастерской. Вытерев платком пот со лба, он облегченно вздыхает.

Глава 10. И так бывает

Анаит ждет трамвай. Она замечает Зарэ. Зарэ тоже замечает ее, здоровается и проходит мимо. Анаит видит, что он идет неуверенно, что у него какой-то растерянный вид. Анаит знает, что причиной этому она. Все ребята, видя ее, становятся такими же.

В последнее время Анаит чувствует, что ее беспокоит какое-то незнакомое чувство. Сегодня она убеждается, что нет никакой возможности избавиться от него. Это та самая грусть, что появляется без всяких причин, подобно тому, как без всяких причин появляется и радость. Избежать этой грусти очень трудно. Это значило бы избежать девичества и сразу стать взрослой женщиной. Сейчас Анаит грустна, и ничего в ней не осталось от девушки в брюках. А в квартале все считают ее самой счастливой. Когда она читает последние известия, все репродукторы квартала, будто по сговору, работают на полную мощность. Взрослые

ворчат. Но ни один репродуктор не снижает от этого своего голоса. Вокруг них собираются ребята и восторженно слушают. А Вачик даже перетащил штангу к себе в подвал и все пытается поднять ее. Это тоже из-за Анаит. Каждый мечтает о ней, и хотя все нашли своих девушек, никто не замечает их. Ведь то, что искал и нашел, не замечаешь, и поэтому часто упускаешь уже найденное. А Анаит пока ищет.

Подходит трамвай. Анаит садится. Она вспоминает, как сегодня утром она вошла в комнату отца. Отец читал газету. В соседней комнате кто-то вбивал в стену гвоздь, и слышался непрерывный стук. Анаит села рядом с отцом и некоторое время молчала. Но потом вдруг сказала:

— Папа... Ты знаешь... Арсен был порядочным хулиганом.

Отец ответил, не прерывая чтения:

— Знаю.

— Его все не любили.

— Верно.

— Он всегда был каким-то разболтанным.

— Помню.

— Все его боялись. А почему?

Отец отложил газету и сказал:

— Плохих людей боятся.

— Ты не имеешь права так говорить. — Анаит и сама не поняла, что с ней произошло. — Что ты о нем знаешь!

И она стремительно вышла из комнаты. Тогда-то она и решила...

Сейчас, сойдя с трамвая, она прошла немного и остановилась. Она улыбается. Улыбается и Арсен, который стоит возле бульдозера. Волосы его причесаны, и Анаит замечает, что впервые все пуговицы на его рубашке застегнуты. И это почему-то ее очень радует. Ей уже кажется, что она всегда знала Арсена именно таким.

— Здравствуй, Арсен.

— Здравствуй.

Возле бульдозера стоит какая-то девушка. Это помощница Арсена. В первый момент Анаит не заметила ее. А сейчас ей становится как-то неприятно, она чувствует, что улыбка на ее лице остывает и, не в силах удержаться, гаснет совсем. Девушка подходит ближе, подозрительно оглядывает Анаит.

— Я проходила мимо... Иду на базар... — Язык Анаит не слушается.

— Здесь нет базара, — говорит девушка.

Анаит теряет и краснеет.

— Я не знала, что ты здесь работаешь.

— Да. Здесь. С дядей. И живу у него.

— Знаю. Ребята рассказывали. У нас все тебя помнят.

Арсен улыбается.

— Из нашего квартала, — объясняет он девушке.

— Вижу.

— А ты не хочешь зайти к нам? — опять краснеет Анаит.

Арсен не отвечает.

— Дядя ждет, скорее, — говорит девушка.

— Ну, я пошел... Опаздываю.

— Чтобы попасть на базар, нужно пойти в обратную сторону и сесть на пятый номер, — с ехидством замечает девушка.

— Я всем расскажу, что встретила тебя.

Арсен делает рукой резкое движение. То самое движение, каким он прежде ударял прутом по земле. А это означает, что Арсен о чем-то думает и собирается что-то сказать.

— Скоро я буду в ваших краях. Работать там буду.

— Мы должны выровнять вашу улицу, чтоб ее заасфальтировали, — гордо поясняет девушка.

Арсен хочет сказать еще что-то. Но слышится голос дяди. Арсен взбирается на бульдозер и застенчиво улыбается Анаит.

— До свидания.

— До свидания, Арсен.

И вот все кончается так быстро, так неожиданно. С грохотом двигается бульдозер, а за ним идет девушка и время от времени недоверчиво оглядывается.

Домой Анаит возвращается пешком...

Так Арсен, мечтавший когда-то защищать свой квартал от маленькой школы, а потом от всего города и от всего большого мира, тот самый Арсен теперь сам вошел в жизнь этого города и стал частицей этого большого мира. Одной из тех едва заметных частиц, без которых большой мир может существовать и в то же время как будто и не может.

Анаит приближается к дому. Проходящие мимо нее ребята с восторгом смотрят на красавицу своего квартала. В окне подвала виднеется лицо Вачика, вспотевшего после занятий со штангой. Кто-то из парней подходит к репродуктору, надеясь услышать голос Анаит. Но по радио передают симфонию Бетховена. Выключив репродуктор, парень говорит:

— Не было еще случая, чтобы передавали что-нибудь приличное.

По-настоящему грустно в квартале только Анаит. Ведь причины грусти и озабоченности других известны всем, а ее — никому.

Глава 11. Кому отдать букет?

Через два дня Зарэ, чтобы подшутить над Тиграном, покупает небольшой букет цветов.

— Для девушки? — спрашивает цветочница. — Сейчас подберу получше.

— Нет, для парня. Ради шутки.

Цветочница хмурится, достает из собранного букета несколько самых красивых цветков и кладет их обратно в вазу, остальные отдает Зарэ.

Зарэ направляется в портняжную мастерскую.

— Здравствуйте, мастер, — иронически говорит он. — Готовы брюки или... испорчены?

— Раздевайся, — деловым тоном говорит Тигран, — пройди за занавеску и раздевайся.

Сам он тоже проходит за занавеску. Сегодня Зарэ почему-то неудобно раздеваться при Тигране. Тигран вопросительно смотрит на него.

— Не можешь там обождать? — сердится Зарэ.

Тигран выходит.

Сняв старые, выцветшие брюки и бросив их прямо на пол, Зарэ надевает новые. Таких брюк никто из ребят не носит. Даже сам Тигран. Брюки сшиты так добротно и сидят так хорошо, что Зарэ их даже не чувствует, будто они срослись с его телом. Ему кажется, что он стал стройнее и выше. Подобрав с пола старые брюки, он заворачивает их в газету. За занавеской он слышит голос Тиграна:

— В этих брюках на камни не садись. Раз в неделю их нужно гладить. Я научу тебя.

Зарэ выходит. Старик мастер, прищурясь, осматривает брюки. Тигран затаив дыхание следит за ним. Мастер улыбается. С облегчением улыбается и Тигран.

— Хорошая рука, — говорит мастер.

Один из портных усмехается. Мастер смотрит на него, качает головой и говорит:

— А у тебя вообще никакой руки нет. Просто строчишь, и все.

Тигран, увлеченный до этого брюками, обращает внимание на букет Зарэ.

— Для кого?

— Для... Люсик, — в замешательстве произносит Зарэ.

Глава 12. Первый рейс

О том, что происходит в квартале, всегда можно узнать по детям. Сегодня все они автомашины предпочли другим игрушкам и вышли с ними на улицу. Каждый тянет свою машину за веревочку. Но вот появляется Гришик. Все перестают играть. У Гришика педальный автомобиль, в который можно усесться. Задрав голову, ни на кого не глядя, Гришик проезжает мимо ребяташек. Те гурьбой бегут за ним. Самые смелые подходят ближе и ощупывают его машину. А потом появляется и настоящий автомобиль, которого все ждали. И никто не замечает, как исчезает Гришик. Теперь уже его автомобиль не будет пользоваться никаким авторитетом.

За рулем грузовой машины сидит Зарэ. Его лицо сияет от счастья. Сегодня он впервые самостоятельно выехал на машине. Открываются все окна квартала, и люди с любопытством выглядывают. Дядя Арам выходит из парикмахерской и подбегает к машине. Пожав Зарэ руку, он что-то торопливо говорит ему, потом бежит обратно, к клиенту с намыленным лицом.

Детишки обступают машину. Только отверженный Гришик смотрит из своего окна. Зарэ торжественно достает из кармана конфеты и раздает детям. Затем несколько раз сигналиит. Из дома быстро выходит Люсик, она поднимается в машину и садится рядом с Зарэ. Она, конечно, и до этого заметила машину, но почему-то ждала сигнала. Машина разворачивается. Дети бегут за ней до тех пор, пока она не выезжает на большую улицу.

Гордая, Люсик сидит рядом с Зарэ.

— Зарэ.

— Да?

— Далеко этот дом?

— Далеко.

— Значит, долго будем ехать?

— Долго.

Довольная, Люсик улыбается.

— Зарэ.

— Да?

— Ты будешь иногда заезжать за мной, верно?

— Буду.

— Я не стану тебе мешать. Я могу даже молчать.

— Зачем же молчать? Ты будешь разговаривать со мной. А вот я буду молчать, чтоб не отвлекаться. Сидеть за рулем не так просто. Это тебе не брюки шить. И даже не костюм. Тысячи пешеходов на улице, нужно быть очень внимательным. Почему ты молчишь? Разве я не прав? — сердится Зарэ.

— Конечно, прав... Чего же ты остановился? — удивляется Люсик.

— Сейчас вернусь.

Зарэ входит в портняжную мастерскую.

— Здравствуй, Тигран.

Тигран, даже не поздоровавшись, быстро спрашивает:

— Твоя машина?

— Моя, — равнодушно отвечает Зарэ. — Хочу перекрасить. Этот цвет мне что-то не очень нравится.

— И приехал, чтобы со мной посоветоваться? — Тиграну лестно, что Зарэ интересуется его мнением. — По-моему, цвет хороший.

— Нет, я не за этим.

Тигран несколько разочарован.

— А за чем же?

— Книгу твою привез. Вот, возьми.

Тигран окончательно разочарован.

— Спасибо. — С самодовольным видом Зарэ быстро выходит из мастерской.

Машина трогается.

Зарэ делается серьезным, и теперь заговаривает он:

— Люсик.

— Да?

— Если уйду в армию, ты забудешь меня?

— Каждую неделю буду писать.

— Смотри. Но если тебе кто-нибудь понравится больше меня, я... Я не обижусь.

— Значит, тебе все равно?

— Да нет, ты меня не поняла. Конечно, обижусь. Очень обижусь.

Наконец они приезжают туда, где Зарэ должен выгрузить цемент. Люсик удивленно смотрит и видит целый городок в строительных лесах. Она давно не была в этих краях. И она не знала, что здесь растут «Ереванские Черемушки». И ей не верится, что Зарэ тоже один из тех, кто поднимает эти кварталы. Это никак не укладывается в ее представлении. Такие громадины должны бы строить здоровенные, очень важные и очень серьезные люди. А тут вдруг — Зарэ!

Она спрашивает:

— И ты строишь?!

— Ага. — Зарэ расправляет плечи и вытягивается. — Строю... — И вполголоса поправляется: — Строим... Ну да. И я тоже, с сегодняшнего дня...

Но Люсик уже не слушает его. Широко раскрыв глаза, она смотрит на других рабочих. Почти все такие же, как Зарэ, молодые. И девушек много... Девушки? Люсик хмурится, искоса смотрит на Зарэ и допытывается:

— А с этими ты знаком?

— Не, что ты! Даже не здороваюсь, — смеется он.

Машина разворачивается и возвращается в город. Опять улица, опять большой город, опять мелодия большого города, опять Зарэ... И сейчас Люсик любит его, кажется, еще больше. Настолько, что если бы он вдруг в этот момент попытался ее поцеловать, она не стала бы, как принято, жеманиться.

Тут она замечает, что у тротуара стоит какая-то машина. Шофер залез под нее и ремонтирует. Видны только его ноги. А сама машина похожа на огромное живое существо, которое покорно ждет, когда его вылечат. Люсик с восхищением смотрит на Зарэ, и ей кажется, что шум мотора, шум города и голос Зарэ слились в единое целое и звучат таинственно и величаво.

— Люсик.

— Да?

Кажется, он должен сказать ей что-то важное, очень важное.

— Нет, ничего...

Глава 13. Уже слишком поздно

Дядя Арам бреет клиента. Входит Карен. Дядя Арам с удивлением смотрит на него. Карен в некотором замешательстве садится на стул и ждет. Дядю Арама охватывает спешка.

— Осторожнее. Порежешь, — предостерегает клиент, но дядя Арам не обращает на его слова внимания и продолжает торопиться.

Побрившись, клиент расплачивается и уходит.

Дядя Арам смотрит на Карена и улыбается.

— Ты впервые у меня. Садись.

— Я не бриться.

Дядя Арам удивлен.

— Дядя Арам... Я... Я решил пойти в армию, — с трудом выговаривает Карен.

Дядя Арам улыбается.

— Я пришел попросить вас... чтоб вы всем сказали об этом. Они только вам поверят... И отцу скажите. Я не хочу с ним об этом говорить.

— Ладно, скажу. А теперь садись.

— Я утром уже брился.

— Садись, садись. Сейчас снимем тебе волосы. Ведь всем призывникам снимают.

— Но... Еще целых два месяца, — испуганно говорит Карен.

— Ты ведь хочешь, чтобы тебе все поверили. Чего же тогда испугался?

Карен не отвечает. Молчит некоторое время и дядя Арам, а потом говорит:

— Тебе самому это нужно. Чтобы и ты поверил. Садись.

Карен покорно садится. С большим удовольствием, даже с сознанием долга, дядя Арам начинает стричь его.

Мимо проезжает в своей машине Гурген Григорьевич. Заметив в окно сына, он останавливает машину, заходит в парикмахерскую. И застывает в дверях. Все трое молчат.

— Сейчас принесу машинку. Снимем подчистую, — нарушает молчание дядя Арам и уходит во внутреннюю комнату.

Гурген Григорьевич будто только этого и ждал.

— Сейчас же вставай и отправляйся домой! Брось глупости. Я уже все утряс с университетом. Мне обещали.

Карен не отвечает. Возвращается дядя Арам.

— Ну вот. Теперь быстро снимем.

Гурген Григорьевич пятится и опять останавливается в дверях. Словно откуда-то издали, из какого-то тумана до него доносится голос дяди Арама:

— Хороший сын у тебя, Гурген...

Карен спит. В репродукторе раздается голос Анаит. Карен вскакивает с кресла, подбегает к репродуктору и выключает его. Потом он вспоминает происшедшее в парикмахерской и уже спокойно улыбается, а вспомнив еще что-то, опять хмурится, подходит к шкафу, достает белье, заворачивает полотенце и отправляется в баню, хотя два дня назад он купался дома.

На лестнице бани Карен замедляет шаги, у него пропадает уверенность. Перед кассой стоит несколько человек. Карен становится за ними. Когда он подходит к окошку, девушка, сидящая в кассе, удивленно смотрит на него. Карен опускает голову. И Нунэ и он молчат. Потом Карен платит и берет билет. Но не отходит.

— Нунэ, — произносит Карен. — Там... много народу?

Карена, конечно, это вовсе не интересует. Он не то хотел сказать. Нунэ молчит.

— Нунэ, я уйду в армию... — Он смотрит на нее. Нунэ опустила глаза и машинально перебирает билеты. — Я уже окончательно решил.

Карен все не отходит. Он многое хочет сказать: что родители испортили ему жизнь, но что сам он не такой уж плохой, как она думает, что он... А вместо всего этого он говорит:

— Я живу теперь в твоей комнате. Там все как прежде... Почему ты молчишь, Нунэ?

— А что я могу сказать? — говорит она с грустной улыбкой.

К кассе подходит новый посетитель.

— Много народу?

— Не знаю. Спросите у гардеробщика.

Посетитель уходит.

— Что я могу сказать?

— А ты веришь мне?

— Верю.

Карен не ожидал этого. И оттого, что он теперь знает, что Нунэ ему верит, ему становится еще тяжелее. Понурив голову, он заходит в баню.

В вестибюле он встречает Акопа. Карен замечает на его пиджаке аккуратную латку.

И он понимает, что уже слишком поздно.

Глава 14. Большой город

Наконец наступает день призыва.

Целая толпа жителей квартала идет к трамвайной остановке. Зарэ тоже снял волосы и теперь стесняется смотреть на Люсик. А Люсик все ищет возможности подойти к Зарэ, но его окружили родные. И Люсик начинает казаться, что ей уже больше не удастся поговорить с ним до самого отхода поезда. Зарэ будет окружен родными, которые нескончаемо о чем-то говорят ему, обнимают его, целуют. А ей остается лишь смотреть на него издали и махать рукой. И ей хочется плакать. Расставание наступило как-то внезапно. Она уже смирилась с тем, что через два часа они разлучатся. Но сейчас... Ее мысли прерываются — подбегает запыхавшийся Гурген Григорьевич.

— Карена не видели? Нигде его нет, — растерянно обращается он к каждому. И, не дожидаясь ответа, бежит дальше.

Жители квартала впервые видят Гургена Григорьевича в таком состоянии. Некоторые с откровенным любопытством наблюдают за ним.

Подходит трамвай. Все садятся. Ребята замечают в вагоне и жителей соседнего квартала. Они окружили высокого парня с длинной шеей. Видимо, и он уезжает в армию. Все наперебой обращаются к нему, засыпают его советами, а парень только стеснительно смотрит по сторонам.

— Не подходи к окнам. Продует, можешь простудиться.

— Мы тебе будем писать. А ты пиши приличным почерком.

— Когда приедешь туда, не забудь сказать, что у тебя дядя был командиром полка.

Высокий парень с длинной шеей улучшает момент, незаметно ускользает и спускается на подножку трамвая. Здесь на него никто не будет обращать так много внимания и так заботиться о нем.

Ребятам казалось, что из соседнего квартала никто не пойдет в армию. Теперь же авторитет соседнего квартала резко возвысился в их глазах. Они поглядывают на парня, стоящего на подножке. Он замечает их взгляды и решает, что сейчас самый удобный момент для знакомства:

— Ребята, меня зовут Левонем. Левон Меликсетян.

Когда же в ответ ребята смеются, он мрачнеет и даже чувствует себя оскорбленным. А потом и сам начинает смеяться вместе с ними.

Вдруг ребята замечают Карена. Он забрался в самый угол вагона и оттуда смотрит на них, неуверенно улыбаясь. Будто чего-то ждет.

Тигран, который стоит поблизости, достает из кармана очки и с удивлением смотрит на него. Он готовится сказать ему нечто очень важное.

— Мы знали, что ты... — Но тут он не находит нужных слов и быстро добавляет: — Когда вернешься из армии, я сошью тебе хорошие брюки.

Трамвай обгоняет машина Гургена Григорьевича. Гурген Григорьевич, держа во рту папиросу «Казбек», что-то сердито говорит жене.

Зарэ смотрит из окна трамвая. Ему кажется: все, что он сейчас видит, запомнится ему навсегда. А чуть позже чувствует, что уже забыл, потому что его внимание привлекает что-то новое, и он опять думает, что именно это ему и запомнится навсегда. А когда он приезжает на вокзал, чувствует, что позабыл все и что в памяти его останется только сам город. Весь город. Большой город.

Повсюду на перроне виднеются остриженные головы призывников. Здесь Зарэ чувствует себя хорошо, никто уже не обращает внимания на его голову. Теперь неудобно тем ребятам, которые не уезжают и аккуратно причесаны. Со всех сторон слышны голоса, и невозможно понять, кто с кем и о чем говорит.

— Бутерброды не забудь, — слышен голос какой-то женщины, а парень, к которому она обращается, краснеет и сердито смотрит на нее.

— Ночью хорошенько укрывайся, — слышен голос другой женщины.

Повеселевший Зарэ с гордостью смотрит на свою мать — она не говорит ему ничего.

Рядом с Зарэ стоит Вачик. Он заложил руки в карманы и задумался. Сегодня все хотят говорить друг другу только хорошее.

— Там будет стенгазета, — говорит Вачик. — Научишься по-русски и будешь в ней печатать свои стихи.

Карен не принимает участия в общем разговоре. Стоя в стороне, он наблюдает за всеми, и с лица его не сходит неуверенная улыбка. Но вот эта улыбка сменяется выражением растерянности. Карен видит перед собой Акопа. Тот, улыбаясь, медленно подходит к Карену. Протягивает ему руку. Карен пожимает ее.

— Сколько дней ехать до Тулы? — спрашивает Акоп.

— Говорят, три дня, — тихо отвечает Карен.

— Мы в одном трамвае ехали.

— Да, я видел тебя.

Оба молчат. Но Акоп чувствует — нужно сказать Карену еще что-то.

— Тула большой город. Я там три года прослужил.

Карен улыбается.

Зарэ замечает все это. И думает о том, что сегодня именно тот день, когда в жизни человека решается многое. И как часто случается, все сложности разрешаются в один и тот же день.

Ребята обступают Зарэ и просят его прочесть какое-нибудь свое стихотворение. Зарэ смущается. В голове у него мелькает мысль, что сейчас совсем неожиданно для него может решиться и еще один серьезный вопрос. Он стирает со лба пот. Он хочет сказать, что сейчас не время читать стихи, но видит вокруг себя настойчивые взгляды. И, совсем смутившись, начинает читать:

На улице — шум и топот шагов,
На бледности лиц играет улыбка;
В пыли золотой — громады домов,
И к небу деревья тянутся зыбко...

Слушают все, слушает и Люсик. Она стоит несколько поодаль и даже не догадывается, что это уже стихи не Зарэ, а Ваана Теряна.

Все стало родным; плита мостовой
И старая песнь, что слышал украдкой;
Свобода в душе, безгневный покой,
И самое горе сделалось сладко...⁷

И, как всегда, прослушав стихотворение Зарэ, Люсик восторженно говорит:

— Очень хорошее!

Гудит паровоз. Зарэ и Люсик смотрят друг на друга. Зарэ подходит к Люсик, и вдруг оба, позабыв все на свете, обнимаются и целуются. Родители Зарэ удивлены. Удивлены и родители Люсик, которые тоже приехали проводить соседских ребят. Видимо, они ни о чем и не подозревали. Отец Зарэ подходит к отцу Люсик. Некоторое время они молча стоят рядом. Потом отец Зарэ протягивает отцу Люсик сигареты. Оба закуривают.

Матери тоже подходят друг к другу.

— Что-то давно вы не были у нас, — говорит мать Люсик. — Нехорошо, нельзя забывать соседей.

⁷ Перевод Валерия Брюсова.

Паровоз гудит еще раз, и поезд медленно трогается. Зарэ стоит в тамбуре вагона, машет рукой, хотя в толпе провожающих никого из знакомых он уже не различает. Вокзал понемногу удаляется, удаляется понемногу и город, и тут Зарэ догадывается о том, чего не выразить словами, а можно только инстинктивно почувствовать и понять: юность прошла.

Глава 15. Последняя страница дневника

«Теперь мне стало все понятно. И мне кажется, нашим ребятам и девушкам тоже теперь все понятно. Нам казалось, что у нас были какие-то мечты и что мы их вдруг потеряли. Нам казалось, что наши мечты не сбылись. Но это не так. Просто у нас были мечты, которые мы сами не очень ясно представляли себе. Теперь все стало конкретнее. У нас те же мечты, но сейчас они яснее и ближе к реальности.

В чем же была наша ошибка? Мы многого не знали и не понимали. В школе все представлялось иначе. И только поработав на заводе, в мастерской, за рулем автомашины, мы поняли много самых простых вещей, которые помогли нам во всем разобраться. В жизни, наверно, так бывает. Человек старается разобраться в чем-то сложном и в это время проходит мимо простого.

Вот, например, наш Тигран. Все мы знали, что он мечтал о каком-то далеком мире. А теперь ему самому ясно: нет никакого далекого мира, далекий мир стал близким, реальным. Это его товарищи и подруги, соседская девушка с косичками, его квартал, его город.

Или я. Я мечтал стать поэтом. Но сам не очень хорошо представлял себе, что это значит. Я не знал, что это было просто увлечение стихами. Таким же увлечением, какое бывает почти у всех в этом возрасте. Теперь я знаю: не так важно стать поэтом, как понять, постичь, почувствовать большую, настоящую поэзию, поэзию Ваана Теряна и Сергея Есенина. И теперь, когда я вернусь из армии, поступлю на филфак, стану критиком. Настоящим критиком, литературоведом. Тогда со мной, с моим словом станут считаться и такие поэты, как Шираз, как Сильва Капутикян, Геворг Эмин, даже как Евтушенко.

Все это, конечно, мои мысли. О них я никому не буду говорить. Но я хорошо знаю, что наши ребята и девушки тоже сейчас все это чувствуют и понимают. Они, конечно, понимают и то, почему дядя Арам в тот вечер на листках лотереи не написал ни одной из тех специальностей, о которых каждый из нас мечтал. Он ведь знал, кто из нас о чем мечтает. Он поступил так умышленно, чтоб мы после школы, поработав, проверив себя в жизни, сделали бы окончательный выбор и лишь после этого смело и уверенно шли к своей цели. Молодец дядя Арам!

И последнее. Мое решение: больше я не буду вести дневник. Почему? Нет времени... Впрочем, нет, дело, конечно, не в этом, дело совсем в другом. Дело в том, что дневник мой должен кончиться с окончанием истории ребят нашего маленького квартала. Конечно, как всякая история о людях, так и наша история не кончается. Она только начинается. Наша жизнь до сих пор была лишь началом большой, настоящей жизни».

Глава 16. Голуби Сурика

Ребята и девушки возвращаются с вокзала домой. Среди них Гоарик и Тигран.

— Все жители этих кварталов у меня шьют, — рассказывает Тигран. — Вот видишь этого? Очень упрямый. Хотел, чтобы брюки я сшил шириной в тридцать два сантиметра. Я не сшил. Сделал двадцать пять. Скандалил потом, жаловался директору, но все же забрал. Разве я был не прав? — И сам отвечает: — Конечно, прав. Я хочу, чтобы люди красиво одевались. В этом доме тоже живет несколько моих заказчиков...

— А тебе не о чем больше говорить? — не выдерживает Гоарик.

— Я... Я давно хотел тебе сказать... — Тигран поправляет очки. — Вон трамвай идет, поехали домой...

— А как это ты сразу стал таким сильным? Тебя никто не узнает... Кроме меня... И

мускулы крепкие, — сердится Астхик.

— А ты недовольна?

— Ради кого всего этого ты добивался?

— Ради тебя.

— Можешь оставаться, каким был прежде. Мне не нужны ни твоя штанга, ни твоя сила.

— Ладно. Стану, как прежде.

Астхик опять недовольна:

— Чтоб снова все смеялись над тобой?

— Только один раз, — настаивает Вачик.

— Если тебе разрешить, до утра будешь целоваться.

— Вот поступлю в институт, там столько девушек будет! Попокладистей тебя.

— Эх ты! — И вдруг: — А где Люсик?.. Это ты виноват. Нельзя было оставлять ее одну.

Только о поцелуях и думаешь...

— Только один раз, — продолжает настаивать Вачик.

Вот он сейчас ее поцелует, но Астхик говорит:

— Смотри, голуби Сурика! Как высоко летят!

Вачик смотрит вверх и видит, как в голубизне неба вьются белые голуби.

— Домой возвращаются, — позабыв обо всем, шепчет он.

Глава 17. Бульдозер взметает пыль

В тот же самый день снимают забор, окружавший строящееся здание. Дом уже отстроен. И даже вселились жильцы.

Маленький мальчик ведет за собой огромного пса.

— Теперь мы каждый день должны подниматься на третий этаж. Ты не будешь уставать, а? — спрашивает он собаку и объясняет стоящему рядом Гришику: — Шарик уже постарел, ему трудно подниматься на третий этаж.

Когда забор сняли, то стало видно, что соединились два квартала. И открылась новая красивая улица.

Гришик удивляется и говорит:

— Вот это да-а! Никогда наш квартал не был таким большим.

Дядя Арам чувствует себя героем дня. Он и сегодня хочет устроить собрание жильцов. И это тот редкий случай, когда жители не противятся. Но дядя Арам так обрадован, что собранию он говорит только одну фразу:

— Улицу будут асфальтировать!

Разбирают последние доски забора. Они падают на землю, и взорам всех предстает сохранившаяся надпись мелом:

ЗАРЭ + ВАЧИК + ТИГРАН = АНАИТ

Анаит с грустью смотрит из окна. Каждый нашел в жизни свою любовь, а красавица квартала осталась без любви, совсем одинокой.

Позднее в домах возле репродукторов собрались ребята и девушки и с восторгом слушают голос Анаит. Впервые собрались у репродукторов ребята и девушки соседнего квартала, которые отныне считают Анаит красавицей **своего** квартала.

Заглушая все, на улицу въезжает бульдозер. Он начинает разравнивать землю. Ведет машину Арсен. Все смотрят на него с восхищением. И больше всех восхищаются женщины квартала. Те самые женщины, в чьих кур он швырял камнями, чьих кошек он побросал в речку.

Любуются Арсеном и ребята, которых он так часто защищал. А ведь когда-то им казалось, что в жизни еще не все устроено, еще не все на своем месте. Но в жизни все находит свое место, все обретает порядок, как в этом здании, как на этой улице, как во всем этом городе.

Глава 18. Мечты на крыше отстроенного здания

Тигран и Вачик поднялись на крышу отстроенного здания установить антенны приемника и телевизора дяди Арама. Конечно, все делает Вачик: ведь только он разбирается в этих делах. А Тигран посматривает на него, рассуждает, высказывает свое мнение. Снизу иногда слышен голос дяди Арама, власть которого теперь распространилась и на это здание, и поэтому он и здесь хочет руководить. И иногда он отдает такие распоряжения:

— Не разгуливайте по крыше! Если свалитесь, знайте, не уйдете от меня!

— Помнишь, однажды мы были здесь и считали звезды? — улыбается Тигран.

Вачик достает из кармана пачку сигарет и смеется:

— А помнишь, здесь мы собирались, чтобы впервые покурить?

Достав из пачки по сигарете, они садятся и закуривают.

— Это здесь мы дали клятву, — говорит Тигран, — на этой крыше. Смешно было, а?

— Смешно, но мне кажется, мы никогда не забудем этого. А помнишь слова: что бы мы ни делали, будем делать так, чтобы люди были нами довольны?

Он протягивает руку. Тигран ее пожимает, и они оба опять смеются.

— Да, чуть не забыл, — говорит Вачик. — Анаит приготовила для нас сюрприз.

— Ну, коли сюрприз, чего же ты собираешься разбалтывать?

— А ты думаешь, я могу удержаться?

— Что ж, говори.

— Помнишь, как Анаит, ничего нам не сказав, пошла в дикторы?

— Ну?

— Так слушай. Сейчас, опять втихомолку, она поступила в театральный институт.

— Не может быть.

— Да. Уже сдала все экзамены. И еще на подготовительном они приготовили пьесу Розова, скоро покажут ее в институте. И всех нас она собирается пригласить.

— А роль?

— Главная. Самая главная.

— Раз доверили, значит она станет настоящей артисткой.

— Конечно.

— Вот видишь, теперь наш квартал будет иметь и свою знаменитую артистку.

— Я всегда знал, что наш квартал станет самым знаменитым в городе.

— Каждый так думает о своем квартале.

— А как по-твоему, Тигран, я сдам математику?

— А завод?

— Что завод?

— Я говорю, а как же завод, если ты поступишь?

— Так ведь я тебе тысячу раз говорил, что поступлю на заочный, как Акоп. Буду и учиться и работать. Уже все сдал, только математика осталась. Ну, так сдам я математику?

— Ты забыл мои слова. Я всегда говорил, что ты станешь ученым. Нашему кварталу обязательно нужен и свой ученый.

— Да брось, я же серьезно спрашиваю.

— Двести восемьдесят три на сорок шесть? — продолжает шутить Тигран.

— Тринадцать тысяч восемнадцать.

— Обязательно сдашь.

— Тигран, не зли меня, я серьезно тебя спрашиваю.

— А что, разве это от меня зависит?

— Конечно.

— Сдашь. Обязательно сдашь, — уже серьезно отвечает Тигран. Он говорит серьезно, это видно и по тому, что он снимает очки, протирает их платком и снова надевает.

— Значит, ты веришь?

— Верю.
— На математику пойдешь со мной?
— Пойду.
— Да, значит, действительно веришь.
— Почему ты так решил?
— Если бы ты не был уверен во мне, не пошел бы на экзамен. Тигран, честное слово, теперь и я верю. Вот если бы уже прошли эти пять лет и я уже работал в обсерватории! Стоял бы у телескопа и смотрел на небо. Не смейся, но мне кажется, я сразу бы все увидел, раскрыл бы все те тайны, которые пока не открыты, сразу бы раскрыл. А ты, Тигран?

— Я доволен своей работой. Если в один прекрасный день ты пойдешь на Луну человека, не забудь обо мне. Если там окажутся люди, я хочу и для них шить. Пусть и там красиво одеваются.

Вачик понимает, что Тигран шутит, но в то же время чувствует, что в его желании есть какая-то истина. Говоря о Луне, Тигран в действительности говорит о **нашей** планете, о **нашей** Земле.

— Ребята, куда вы запропастились? — испуганно спрашивает дядя Арам, не слыша сверху ни звука.

— Об антеннах, об антеннах забыли! — вскрикивает Вачик.

— Как и тогда о той девушке. Помнишь, так ее и не увидели.

Вачик принимается за работу, а Тигран смотрит вниз, на город. Он уже привык всегда радоваться, восторгаться увиденным, все заново открывать для себя, чтобы ничто в этом мире не казалось обыденным, чтобы всегда чувствовалось, что ты живешь, что существует эта земля, что существуешь ты сам, с радостями и печалью. И ты больше никогда не станешь маленьким человеком, никогда не будешь думать только о себе и никогда тебе не будет казаться, что только ты живешь в этом мире.

Тигран смотрит вниз, на город, на ту жизнь, которая не лишает человека мечты, никогда не лишает его права мечтать.

С крыши видны тысячи домов города, дым, поднимающийся из заводских труб, а над головой знакомое, ясное небо, и кажется, оно всегда было таким ясным и всегда будет таким, и солнце, которое только одно видит все, что происходит во вселенной, на земле людей, в этом городе и даже в их квартале.

Тигран опять чувствует то же, что несколько месяцев назад чувствовал на этой же крыше. И так же искренне звучат его слова:

— Вачик, мир-то какой большой!..

Глава 19. Мелодия большого города

В отстроенном здании получили квартиру и Нунэ с Акопом. Акоп стоит на своем балконе и теперь видит квартал не из подвального окна, а с высоты четвертого этажа. Он видит знакомую, очень знакомую картину. В соседнем квартале, который пока еще начинается с недостроенного здания, собрались ребята. Они балагурят, обливают друг друга водой из крана. Мимо проходит девушка со школьным портфелем в руках. Заметив ее, один из парней хватает ведро и окатывает ее водой с ног до головы.

Веселый смех обрывается.

Ребята опешили и молчат. Некоторые краснеют и опускают головы. Другие не выдерживают и исподтишка рассматривают ее.

Девушка стоит вся мокрая, платье облепило ее тело, и кажется, что она голая. От стыда, обиды и злости она готова расплакаться. Но внезапно на ее лице появляется непонятная, едва заметная улыбка. Словно она довольна. Она уже не будет плакать.

И вместе с этим Акопу кажется, что он слышит голоса квартала. А в квартале все, любая вещь имеет свой голос. Присущий только ей голос. И пусть даже этот голос в отдельности не слышен, но все вместе они-то и составляют квартал. Квартал, который имеет не только

название и номера домов. Но и свою мелодию. Правда, эта мелодия всегда меняется, потому что меняются люди квартала. И кажется, что сейчас она звучит отчетливее и увереннее, потому что сейчас она слилась с жизнью и мелодией большого города.

1958–1960 гг.

ОБ АВТОРЕ

Армянскому прозаику Перчу Зейтунцяну 22 года. Он родился в Египте, там же провел детство, а десять лет назад вместе с другими репатриантами приехал в Советскую Армению.

Через два года, когда Перчу Зейтунцяну было четырнадцать лет, он написал и опубликовал в армянском журнале «Пионер» свой первый рассказ «Вознаграждение».

С тех пор рассказы Зейтунцяна печатались в различных газетах и журналах, в том числе в переводе на русский язык. Издательство «Айпетрат» (в Ереване) выпустило две его книги. Во вторую, кроме рассказов, вошла повесть «Голоса нашего квартала». По этой повести Зейтунцян написал киносценарий, и в настоящее время Ереванская студия заканчивает производство этого фильма.

Несколько рассказов Перча Зейтунцяна получили Вторую премию на Всесоюзном конкурсе молодых литераторов, который проводился в 1957 году в честь VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Отдельной книгой на русском языке Перч Зейтунцян издается впервые.